Новы
Ивери

Ночи Иберии

Содержание

Море алчет праха (пролог)....7
Вступление: От Пиренейских гор до Гибралтара..13
Разделенная земля....13
Особенности и сложности....13
Как использовать эту книгу....16
Часть I: Омраченная история....19
Античная история....19
Иберия под властью Карфагена....20
Римская Иберия....21
Вестготская Иберия....22
Исламская Иберия....24
Подчиненный эмират....25
Независимый эмират....26
Кордобский Халифат....28
Королевства таифа....29
Ночи в *таифа*....30
Альморавиды....31
Умар и Эль-Сид....32
Альмохадцы....32
Лас-Навас-де-Толоса....33
Иудеи в Иберии....34
География....37
Христианская Иберия....37
Начало Реконкисты....37
Санчо Великий и расцвет Наварры....38
Продолжение Реконкисты....39
Усиление христиан....40
Подъем Кастилии и Арагона....42
Португалия....44
Ближайшее будущее....46
Часть II: Христианские королевства....48
Арагон....49
Лерида....49
Сарагоса....51
Каталония....54
Барселона....54
Герона....57
Кастилия....59
Мадрид....60
Толедо....62
Леон....65

Компостела.....66
Овьедо.....69
Наварра.....70
Памплона.....71
Тудела.....73
Португалия.....74
Лиссабон.....75
Часть III: Аль-Андалус.....79
Обзор.....79
Королевства таифа.....81
Организация.....82
Взаимоотношения.....85
***Таифа* в ночи.....87**
Запад.....88
Эстремадура.....88
Уэльва и Силвеш.....90
Центральные равнины.....92
Кадис.....92
Севилья.....94
Кордоба.....95
Восточные горы.....98
Малага.....98
Элвира (Гранада).....99
Гранада.....100
Альмерия.....101
Восточное побережье и острова.....103
Мурсия.....103
Валенсия.....105
Балеарские острова.....107
Часть IV: Власть имущие.....111
Группы каинитов.....111
Клан Ласомбра и Теневая Реконкиста.....111
Аширра в Аль-Андалус.....115
Апостолы Каина Третьего.....117
Группы смертных.....120
Рыцари Сантьяго.....120
«Меч святого Иакова».....123
Часть V: Проклятые.....127
Ассамиты.....127
Назира, гранадская колдунья.....127
Гилель аль-Масаари, султан Кордобы.....129
Умар аль-Рашид, альмохадский кукловод.....130

Бруха.....131
Фелипе, копье благочестивых.....131
Рой, поджигатель мечетей.....131
Каппадокийцы.....132
Хаким ибн Алия, таящийся в крипте.....132
Алия, шепот смерти.....134
Последователи Сета.....135
Салах ибн Кабу, повелитель цепей.....135
Гангрел.....137
Сабела, благородный дикарь.....137
Шабако Нубиец, Гангрел *таифа*.....139
Ласомбра.....140
Альфонсо Палациос, униженный целитель.....140
Марцелл Руфус, хранитель Лас Медулас.....143
Мириам бинт Аиша, паучиха *таифа*.....146
Рафик ибн Харун, терпеливый.....148
Сильвестр де Руис, господин теней.....150
Виценте де Кардона, честный житель Лиссабона.....151
Амбросио Луис Монкада, хранитель веры.....154
Бадр, султан Гранады.....155
Элиазар де Поланцо, толедский дворянин.....155
Ибрагим, тот, кто помнит.....156
Исмаэль, роковая ошибка.....157
Лючита Арагонская, блудная дочь.....158
Родриго Тока, образцовое дитя.....158
Танкред, тень среди Львов.....159
Тарик ибн Зийяд, будущий завоеватель.....159
Терцио Браво, последнее напоминание о Сиде.....160
Юсуф ибн Шамсид, странствующий поэт.....160
Малкавиан.....161
Казим ибн Дабир аль-Хаким.....161
Роке Памплонский, князь умалишенных.....163
Носферату.....164
Кристина, ученый в холмах.....164
Хамад аль-Бадахози, строитель.....166
Тореадор.....168
Бенедикт Аль Муса.....168
Мане Энрикес, султан Хаэна.....170
Тремере.....172
Виктор Наджи, черный маг.....172
Вентру.....174
Сударь Настасио Галисийский, вольный воин.....174
Прочие.....177

Родриге Наваррский, Меч святого Иакова.....177
Часть VI: Легенды Реконкисты.....178
Основные проблемы.....178
Главные вопросы.....180
Примеры хроник.....182
Хроники Реконкисты.....184
Долгая история.....185
Короткий рассказ.....186
Идеи для историй.....187
Исламская хроника.....188
Примеры хроник.....192

Море алчет праха (пролог)

Есть у каинитов поговорка о Сеуте: «Смотри, куда направляешь стопы свои, или рискуешь наступить на создателя того, кто создал тебя». О, город этот весьма красив, и корабли входят в бухту и выходят из нее, словно медленные величественные птицы, но здесь было пролито достаточно крови. Ибо в 1148 году (как вспоминают немногие выжившие христиане) по этой земле, подобно дыханию пламени, пронеслись альмохадцы…

В Сеуте жили тогда евреи, богатые, чувствовавшие себя в безопасности в древних усадьбах. Они умерли. Жили здесь и христиане, которые полагали, что торговля и тяжкий труд вместе с мусульманами в доках как-то защитит их от меча. Они тоже умерли. Последователи Пророка протестовали, когда кровь реками текла по улицам, и умерли вслед. Альмохадцы не были людьми большого терпения, и, когда Сеута покорилась их воле, ушли.

Если вы пойдете в *сукв*, то есть спуститесь к докам, вы, возможно, найдете седобородых старцев, которые помнят те дни. За монету или даже за миску еды они готовы рассказывать бесконечно – как они прятались в темных проулках, или в пустых бочках, или же глядели из подвалов на странных свирепых всадников, несшихся мимо. Год от года рассказчиков становится все меньше, а рассказы все приукрашиваются, пока уже и сами немногочисленные выжившие вспоминают с трудом, как это было на самом деле.

Но были и другие глаза, что видели эти ночи огня и крови, – глаза мертвых. Сыны Сета и Каина страдали так же в руках захватчиков, хоть никто не пел *каддиш*[1] по Саломону ибн Джедаху ибн Габиролу. Никто не знал о его присутствии, и

[1] Скорее всего, имеется в виду "кадиш ятом", или поминальный каддиш. Каддиш - еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога и Его могущества и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению. Как поминальную молитву каддиш стали говорить в начале средних веков. Поминальный каддиш, не содержащий слов о загробной жизни или о воскресении из мёртвых, как бы служит признанием справедливости небесного суда. Первая фраза каддиша параллельна второму стиху главной христианской молитвы "Отче наш".

ветер унес его прах в море. Все каиниты Сеуты погибли, за исключением тех, кто успел бежать. До прихода альмохадцев город был популярным местом среди неживых аль-Андалус, тихой и гостеприимной гаванью. Смертные называют город населенным призраками, и они не так уж далеки от истины.

† † †

Спустя почти век после кровавого нашествия двое изнуренных путников обводили взглядом город, восставший из пепла, и вспоминали. Первый был высок, его острые черты и потемневшая от солнца кожа говорила о принадлежности к альморавидам. При ближайшем рассмотрении оказалось бы, что покрой одеяния на нем устарел лет на сто, но близко рассматривать его никто бы не взялся. На поясе его не было меча, и все же карманники и воры Сеуты не тревожили его. «Тот, кто сам есть клинок, - сказал один из воров, – в клинке не нуждается». Остальные кивнули и отправились искать более легкую добычу.

Второй путешественник казался полной противоположностью своему спутнику. Он был невысок и крепко сбит; чтобы поспевать, ему приходилось идти быстрым шагом. Случайный наблюдатель мог бы заметить суму, перекинутую через плечо, и принять путника за ученого, в чем, в общем-то, не ошибся бы.

– Сколько еще идти, Ибрагим? – спросил невысокий. – У нас мало времени, особенно если этот дьявол ибн Са’ид найдет нас здесь.

– Исаак, друг мой, – тихо проговорил другой, – у него гораздо меньше шансов найти нас, если молчание обовьет твое сердце. Кроме того, он вовсе не дьявол. Я знаю, я с ним встречался. Он ровно столько же человек, сколь ты и я.

– Осознание этого, – фыркнул Исаак, – не добавляет спокойствия. – Пара двигалась в ночи подобно усталым хищникам, преследующим раненую добычу. Они шли узкими улицами, неумолимо двигаясь к своей цели; тут и там Ибрагим останавливался, осматривал перекресток или же кусок камня на земле, затем вновь двигался вперед.

В конце концов, путники оказались в месте, которое человек с воображением назвал бы кладбищем, а любой другой – просто полем. Кое-где могильные камни торчали из зарослей сорняков, опрокинутых было гораздо больше, чем все еще стоявших прямо.

– Это здесь, – сказал Ибрагим и скрестил руки на груди. – Поторопимся.

– Ты уверен? – Исаак огляделся, вдохнул ночной воздух и принялся расчищать один из камней от зарослей. – Не похоже это на то, о чем говорится в историях, вовсе не похоже.

– Все потому, что истории писались горсткой запуганных беженцев, которые слишком быстро удирали, чтобы смотреть по сторонам, Исаак. А сейчас, во имя бороды Пророка, делай то, что должен. Мне так же не нравится находиться здесь, как и тебе, и это не меня пытаются убить.

Исаак пробормотал себе под нос:

– Это лишь вопрос времени, Ибрагим. А теперь тихо. – С этими словами он опустился на колени перед могильным камнем, стараясь не смахнуть камешки на его вершине. Бормоча что-то про себя, Исаак возложил обе руки на камень, закрыл глаза и сконцентрировался. За его спиной Ибрагим описывал медленные круги, внимательно наблюдая, не объявится ли кто-нибудь с намерениями помешать. Вдалеке слышны были морские птицы, роняющие вскрики в ночь. Сеута погрузилась в тишину сна. Заснули даже воры и любовники, оставив город мертвым. За что мертвые были глубоко признательны.

Прошло около минуты, прежде чем Исаак застонал и, спотыкаясь, отступил от камня.

– Господь Всемогущий, – проговорил он и упал на колени. – Господи, за что?

В два прыжка Ибрагим оказался рядом с ним.

– Видел ли ты то, что требовалось?

Исаак кивнул, пока его спутник помогал ему подниматься на ноги.

– Это, и многое сверх того. Прах, который мы ищем, лежит в той стороне, – он махнул рукой на юго-восток. – Если б ты, Ибрагим, видел то, что видел только что я, ты бы вырвал себе глаза. Это был ибн Са’ид, Ибрагим. Альмохадцы разрушили *юдерию* и отправились дальше. Они были мертвы, разумеется, но отправились дальше. Саломон привел их сюда и спрятал их, и они посчитали, что оказались в безопасности. А затем пришел Са’ид, и содрал тени, которыми укрыл их Саломон, и заставил того *смотреть*... – Исаак встряхнулся и выпрямился, затем устремился вперед. Его спутник последовал за ним.

– Чем быстрее мы покинем это место, Ибрагим, тем лучше. Давай заберем прах и уйдем.

– Так мы пришли сюда за прахом Саломона?

– Нет, его прах давно развеян по ветру. Мне нужен был лишь прах с того места, где он истек кровью и пал. В нем есть что-то, что я мог бы использовать, точнее, что один знакомый пророк в Бургосе мог бы использовать.

– Чудесно, – буркнул Ибрагим. – И что же ты надеешься получить из этого праха? Возможно, путь к вратам Рая?

Исаак фыркнул.

– Вряд ли. Саломон ибн Габирол был ученым и поэтом. В дни своей жизни он написал книгу. Она называлась *Fons Vitae*.

Ибрагим рассмеялся.

– «Фонтан жизни», а может быть, «Фонтан крови»? Я оценил шутку. Но ведь в твоей знаменитой библиотеке должна быть копия книги, не так ли?

– Ах, в этом-то весь фокус, Ибрагим! Он написал *Fons Vitae*, будучи смертным. После смерти он ее переписал, но никто не знает, где он спрятал манускрипт. Из обрывков информации я понял, что вторая версия книги была чем-то – я не побоюсь этого слова – чудодейственным. Ну вот, мы пришли. Отступи влево, Ибрагим, будь так добр.

Ибрагим шутовски поклонился.

– Конечно. И как только мы найдем твой магический прах, и отнесем его пророку, и найдем эту твою волшебную книгу, тогда может, ты ответишь мне на один маленький вопрос?

Исаак поднял взгляд на него.

– Какой вопрос?

– Скажи мне, зачем, во имя Пророка, я согласился сопровождать тебя, как мальчик на побегушках? Я мог быть в тысяче лиг отсюда, играть в шахматы с одним подающим надежды молодым ученым, а вместо того я шатаюсь по какой-то заброшенной скотобойне с чудаком, который ищет ключ к своей библиотеке в чьем-то прахе! Аллах, спаси меня от сумасшедших, и вдвойне спаси от мертвых сумасшедших.

Покачивая головой, Исаак пропускал прах сквозь свои пальцы.

– Ты здесь, дон Ибрагим, потому что ты человек чести. А еще потому, что я спас твою благородную жизнь, когда ты был молод, слаб и менее бестактен, чем сейчас. А сейчас ты сделаешь мне большое одолжение, если проявишь уважение к старшему по крови и помолчишь то мгновение, пока я найду нужное мне. А затем мы сможем оставить эту чумную дыру, именуемую городом, твой долг мне будет исполнен, и мы сможем более не видеться. Если конечно, ты не захочешь увидеть, чем все закончится.

– Сейчас все, что я хочу, – увидеть, как стены Сеуты удаляются. Поторопись.

– Терпение, друг мой. Ты же не хочешь, чтобы я поторопился и допустил ошибку. А потом вернулся сюда и начал все сначала. Ах, вот и все, – проговорил Исаак, зажав в пальцах щепотку серой пыли с земли. Он осторожно дотянулся до своей сумы ученого и вытащил оттуда керамическую фляжку. Откупорив ее длинными, тонкими пальцами, он позволил щепотке праха скользнуть внутрь. Так он проделал трижды, и Ибрагим, сначала заинтересовавшийся, заскучал и вернулся к наблюдению за окрестностями.

Удовлетворившись, Исаак закупорил последнюю из фляжек и уложил их обратно в суму.

– Я готов покинуть это место, Ибрагим. Ибрагим?

– Ш-шш! – Высокий путешественник жестом призвал к тишине. – Слышишь?

Исаак прислушался.

– Я ничего не слышу.

– То, чего я боялся, - сказал Ибрагим. – Уходим.

– Хорошо, - сказал Исаак и побежал. Ибрагим последовал за ним, отставая на полшага. Они пробегали сквозь ворота кладбища, когда их нагнал низкий, раскатистый смех.

– Это гром? – запыхаясь, выдавил Исаак.

– На небе ни облака, - ответил Ибрагим, удвоив шаг. Наперерез им человек – или то, что когда-то было человеком, - выпрыгнул из проулка, размахивая недоброго вида ножом. Всего лишь с секундной задержкой в беге Ибрагим вытянул руку и сжал кулак. В животе его затрепетал холодный клубок; из аллеи, откуда выбежал человек, протянулась темная лента. В одно мгновение она обвилась вокруг его горла, донесся сухой резкий хруст. Затем щупальце распалось, а тело человека свалилось на землю. Ибрагим и Исаак миновали его еще до приземления.

– Оттуда же придут еще, я уверен, - прокричал Ибрагим, в то время как еще двое поднялись из-за тележки разносчика и рванулись вперед. Исаак каким-то образом извернулся, подпрыгнув, уклонился от удара, а затем протянул руку к шее своего противника. Человек упал наземь и больше не двигался. Тем временем Ибрагим поймал своего оппонента в прыжке и швырнул его в сторону. Тот врезался в стену с мерзким хрустом; где-то наверху залаяла собака. Впереди улицу заполняли новые фигуры. Мимо просвистела стрела, сзади тоже слышались крики.

– Мы не можем драться со всеми ними, а затем рассчитывать проскочить мимо ибн Са’ида, - проорал Исаак. – Их слишком много.

Ибрагим посмотрел по сторонам, затем взмахнул рукой.

– В этот проулок, быстро!

Он побежал, Исаак последовал за ним. Позади люди и те, что были не совсем людьми, выкрикивали ругательства. Преследователи бежали мимо запертых дверей, пустых бочек и куч гниющего мусора. Проулок был настолько узок, что полоска неба вверху истончилась совершенно. Их шаги по утоптанной грязи и камням в проулке отзывались гулким эхом, а позади слышна была погоня.

Внезапно проулок уперся в глухую стену. Наверху ее скорчились с полдюжины угрюмых людей с мечами. За их спинами реяло темное облако, скрывавшее в своей глубине что-то ужасное. Казалось, вся Сеута ожидала их.

– Ну, - сказал Исаак, повернувшись к Ибрагиму, - идея была неудачная. Есть план, как отсюда выбраться?

Ибрагим кивнул.

– Есть, - сказал он, и совершенно бесстрастно наблюдал, как завиток тьмы отрывает Исааку голову. Кровь брызнула фонтаном, и тело скорчилось на дне проулка. Ибрагим почувствовал внутри тот бездушный холод, который, как ему было известно, означал, что Зверь внутри набирает силу. Затем он отступил на шаг и стал ждать.

Долго ожидать не пришлось. С верха стены донесся громкий голос.

– Ибрагим! Я вижу, ты кое-что для меня припас.

– Да, - тихо ответил тот. – Спускайся вниз и забери это.

Со стены спрыгнула фигура, приземлившись легко и грациозно даже в ту грязь, что покрывала дно проулка. Он был высок – даже выше Ибрагима – и одет в белое.

– Ты стоил мне троих потомков, - сказал он.

– Двоих. Тот, кого я сшиб с ног, восстановится.

– Троих. Он подвел меня. Я *не хочу*, чтоб он восстанавливался.

Ибрагим пожал плечами.

– *Бисмалла*[1]. В любом случае, Исаак ибн Мушад мертв, и кровь его льется на мои башмаки. Моя часть сделки выполнена. А твоя?

---

[1] Буквально: "во имя Аллаха", первые слова фразы, с которой начинаются молитвы в исламе: "Во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного". Произнесение этой фразы превращает совершаемое после этого в поклонение Всевышнему.

Ибн Са’ид кивнул.

– Они уже пересекают воды на обратном пути. Будь прокляты старшие, которые вернули эту землю христианам. Они ее не заслуживают.

– Мы тоже ее не заслуживаем, со всеми интригами, которые *таифа* плетут друг против друга. Старшие сказали свое слово. А ты получил от сделки больше, чем многие другие. Довольствуйся этим.

– О да, я удовлетворен. – Ибн Са’ид пнул труп, затем запрыгнул обратно на стену. Те, кто стоял наверху, уже растворились в ночи. – Однако, мне интересно вот что, Ибрагим. Казалось, ты обязан ему честью, и все же ты его убил. Почему?

Ибрагим медленно пошел к выходу из проулка.

– Обещание, данное неверному, и не обещание вовсе, ибн Са’ид. Ты должен это хорошо знать.

Сверху донесся смех.

– Хорошо сказано. На том простимся, Ибрагим. Мы больше не увидимся.

Послышался шорох одежд, затем Ибрагим остался один. Он подождал время, за которое сердце отмерило бы дюжину ударов, а затем еще столько же.

Довольный тем, что его, наконец, оставили в покое, Ибрагим обернулся к быстро разлагающемуся трупу на земле проулка. В какие-то минуты тело обратилось в прах. Ибрагим аккуратно поднял суму ученого из пыли и, закашлявшись, перекинул ее через плечо. Затем он набрал полную горсть серой пыли и развеял ее по воздуху. С моря дул ночной бриз, подхвативший пыль и унесший ее далеко за пределы зрения. Но до того как прах исчез из виду, Ибрагим начал читать заклинание. Язык его был почти знаком, но слова невнятны. Но ровно в то время, когда Фарук ибн Са’ид уводил своих потомков в доки, к ждущим их кораблям, человек, отзывавшийся лишь на имя Ибрагим, выпевал в ночь *каддиш*.

Закончив с пением, он вышел из проулка и отправился в город Бургос. Обещание, данное неверному, можно было не сдерживать, но было еще обещание, данное другу.

Вступление: От Пиренейских гор до Гибралтара

Разделенная земля

Иберийский полуостров, который со временем превратится в Испанию и Португалию, в первой половине XIII века был «горячей точкой» христиано-мусульманского конфликта. В самом деле, пока Крестовые Походы воюют за Святую Землю далеко за морем («*Outremer*»), битва за Иберию шла в самой Европе. Христиане веками постепенно выдавливали мусульман на юг, но именно в это время битва была наиболее хаотична и находилась в решающей стадии. А там, где есть незавоеванные королевства и неосуществленная месть, неподалеку и дети Каина.

Христианская Реконкиста. Христианский север объединен идеей повторного завоевания – *Реконкисты*, по-кастильски – полуострова у мусульман, наводнивших его в VIII веке. Такая философия объединения небезопасна, ведь целая вереница амбициозных правителей борются за влияние на самом христианском севере. Когда-то остальных превосходило Королевство Наваррское, сейчас на подъеме Леон и Кастилия. Владения Арагонской короны и Португалии также расширяются. Эти короли и их рыцари с трудом удерживаются от борьбы друг с другом. *Эти земли описывает* ***Часть 2: Христианские королевства****.*

Мавританские *таифа*. Ситуация на мавританском юге, также называемом «аль-Андалус», во многом похожа. Большая часть этих земель веками была исламской, но многие династии пришли и ушли. Пиком мавританской Иберии был халифат Кордобы, но ныне он напоминает лоскутное одеяло. Альмохадцы, берберская династия, правящая Северной Африкой, претендуют на управление аль-Андалус из их столицы Севильи. В реальности же территория разбита на дюжины крохотных королевств, называемых *таифа*. Столкнувшись с активной христианской угрозой, они предпочли сражаться друг с другом и тем определили свою судьбу. ***Часть 3: Аль-Андалус*** *рассказывает о таифа.*

Сокрытое в тенях. Своей тяжкой комбинацией религиозного рвения, византийских интриг и военных подвигов Иберия становится идеальным местом обоснования для клана Ласомбра. Судьи превосходят во власти многие местные кланы, и намереваются продолжать в том же духе. Однако религиозный и политический конфликт настигает и их: пылкие Ласомбра-мусульмане стараются спасти аль-Андалус, тогда как их

сокланновцы-христиане присоединились к Теневой Реконкисте. В этом хаосе многие другие пытаются укрепиться и урвать кусок от власти Судей. ***Часть 4: Власть имущие*** *и* ***Часть 5: Проклятые*** *детализируют множество вампирских интриг внутри и вокруг клана Ласомбра.*

Особенности и сложности

Разделение на христианский север и мусульманский юг обманчиво и скрывает огромное богатство Иберии. Реконкиста близится к завершению, и легко забыть, что на этой войне больше двух противников. И в этом смысле в жителях Иберии заключено нечто большее.

Национальные меньшинства. Христиане, населяющие Иберию, еще не думают о себе как об «испанцах», они считают себя арагонцами, наваррцами, кастильцами и так далее по территориальной принадлежности. Различия между мусульманскими *таифа* еще большие, но происходят из похожих местных признаков. Однако такая локализация скрывает многие меньшинства, уникальные культуры которых оттеснены к обочинам истории. Рассказчики, ищущие для своих хроник изюминки – или пафоса – могут учесть эти группы. Вот некоторые из этих важных национальных меньшинств:

- ***Баски.*** Баски (называющие себя *эускалдунаки*) говорят на языке под названием *эускара*, одном из древнейших в Европе и сильно отличающемся от всех остальных языков на полуострове. Большей частью они живут в Наварре и этнически отличаются от народов, окружающих их как в самом королевстве, так и во Франции и Иберии; они сохранили индивидуальность вопреки чаяниям захватчиков, волнами прокатывавшихся по региону с доисторических времен. Баски обладают многими уникальными традициями, например, игрой *джай алай*[1], являющейся важной частью многих их фестивалей и праздников. На рубеже XIII века баски сохранили большую часть индивидуальной культуры, хотя с ослабеванием Наварры по сравнению с остальными иберийскими государствами культура их оказывается под угрозой.
- ***Евреи***. Иудеи жили в Иберии со времен нашествия Вестготов. Несмотря на значительные периоды гонений, их группировка осталась процветающей. В большей части мусульманской Иберии евреи получили статус *дхимми*, или «защищенных», и могли продолжать исповедовать свою религию относительно свободно (хотя за это право приходилось платить подушный налог). В некоторых христианских городах

[1] Национальная разновидность игры в сквош.

евреям придавался похожий статус, в других они были вынуждены принять христианство (под угрозой расправы или по социоэкономическим мотивам). Таких иудеев называли «обращенными». «Обращенные», тайком исповедовавшие иудаизм, назывались «марранами».

- ***Мосарабы.*** Мосарабы – это христиане мусульманской Иберии. Они формируют замкнутое сообщество и обладают некой самостоятельностью и статусом *дхимми* под правлением мусульман. У мосарабов свои правители, называемые графами, непосредственно подчиняющиеся халифу. Специальные агенты собирают налоги для мусульманских правителей, что подтверждает обособленность мосарабов. Им дозволено обладать собственной религиозной иерархией; у них в ходу вестготское каноническое право. Их чин богослужения, называемый мосарабским ритуалом, похож на древний галльский обычай и отражает влияние, оказанное Византийской империей. Мосарабы, не без причин хорошо защищенные, подвергались гонениям в мусульманских землях в определенные моменты своей истории.

Основные центры мосарабов – Толедо, Севилья и Кордоба. Эти христиане говорят на арабском и мосарабском языках и сохраняют множество культурных традиций эры вестготов. При разгорающейся Реконкисте все больше мосарабов подпадают под власть христиан, и их экзотические пути часто делали их объектами подозрений и недоверия.

- ***Муваллады.*** В то время как многие иудеи и мосарабы продолжали исповедовать свою религию под правлением мусульман, другие во все века принимали ислам. В христианских землях причиной этому могли стать довольно разнообразные причины, от угрозы погрома до простой экономической выгоды (мусульмане не платили подушный налог *дхимми*). Муваллады и их потомки основали этническую традицию, обособленную от арабской и берберской аристократии, правившей ими во времена Кордобской, альморавидской и альмохадской династий. Они поднялись на лидирующие позиции в нескольких королевствах и даже поднимали открытое восстание против халифата Кордобы в конце IX столетия.

Языки. Иберийский полуостров – это бурлящий котел культур и религий. Подобным же образом регион стал домом для многочисленных языков. Каждый из которых ассоциируется с конкретным государством или конкретной культурой.

Особенности расстановки очков

В большинстве случаев изучение каждого языка требует одного очка в Лингвистике. Большинство языков испанской группы достаточно похожи для взаимного понимания, при условии приложения некоторых усилий. Персонаж, говорящий на кастильском, арагонском, леонском, каталонском или португальском языках, может ориентироваться в любом из других перечисленных языков, если игрок сделал удачный бросок «Интеллект + Лингвистика» (трудность 5). Персонаж поймет мосарабский язык, если игрок делает аналогичный удачный бросок с трудностью 7. Для персонажа, говорящего на мосарабском, делается аналогичный бросок на понимание испанских языков. Во всех этих случаях бросок дает понимание и речь с сильным акцентом; для правильной речи игроку необходимо иметь пункт в данном языке.

- ***Арабский.*** Арабский язык все еще широко распространен по всей Иберии, являясь основным для всех мусульман, а также многих немусульманских культур. Иудеи и мосарабы свободно используют арабский язык даже на христианских землях. Многие ученые осваивают арабский язык как средство прочтения древних текстов, уцелевших в мусульманских библиотеках по всему полуострову.
- ***Арагонский.*** Язык земли Арагонской используется в разговорах по всей старейшей части королевства, включая Сарагосу и Лериду. Он похож на кастильский и, в конце концов, будет им поглощен.
- ***Кастильский.*** Язык романской группы, который позже станет современным испанским, кастильский зародился вокруг города Бургос в Старой Кастилии и распространился с Реконкистой к Мадриду, Толедо, и дальше по Новой Кастилии. Впоследствии, когда три королевства сольются в единое государство, он поглотит арагонский и леонский языки.
- ***Каталонский.*** Используемый в Барселоне и остальной Каталонии, этот язык романской группы одновременно похож на кастильский и французский. Эту особенность подкрепляет постоянный контакт с Провансом и другими французскими владениями.
- ***Эускара.*** Язык басков, эускара используется в Наварре и ряде областей вокруг. Этот язык отличен от всех остальных на полуострове и является одним из последних процветающих языков, на которых говорили до римского владычества. У него

мало общего с любым из испанских языков. Изучить его – настоящее испытание.

- ***Иврит.*** Хотя говорят на нем не так часто, как на других языках, иврит остается важным средством общения в Иберии. Еврейские общины - находящиеся под властью как христиан, так и мусульман – продолжают использовать иврит в религиозном служении и в обучении. В некоторых ситуациях евреи используют арабский шрифт для написания текста на иврите, что требует искусства в обоих языках для расшифровки значения написанного.
- ***Леонский.*** Как и арагонский, леонский язык (или, точнее, *astur-leonés*) в дальнейшем будет поглощен кастильским. Он зародился в Астурии и используется по большей части в Леоне, за исключением северо-восточной области, где в ходу галисийский язык, от которого позже произошел португальский.
- ***Мосарабский.*** Язык мосарабов – это архаичный диалект кастильского, многое позаимствовавший из арабского. Он всегда был языком меньшинства, а с подпаданием мосарабов под власть христианских католиков медленно умирает.
- ***Португальский.*** Еще один романский язык с корнями, общими с кастильским, португальский язык используется в растущем Королевстве Португалия, а также на севере территории Леона (в форме галисийского).

Как использовать эту книгу

«Ночи Иберии» – ваш помощник для ведения хроник полуострова от Пиренеев до скал Мыса Гибралтар. Хроники начинаются, пока христиане празднуют решающую победу в битве при Лас-Навас-де-Толоса, и захватывают регион в момент крупных изменений. Об этом можно говорить и дальше, но многое для размещения хроник Темных Веков на полуострове вы найдете здесь.

Содержание разделов. ***Часть I: Омраченная история*** представляет обзор иберийской истории от древних времен до битвы при Лас-Навас-де-Толоса и далее. Здесь размещена информация о карфагенских и римских поселениях, эре вестготов, а также о текущих мусульманских и христианских силах. Раздел фокусируется на истории людей, но обеспечивает подробную информацию о деяниях вампиров.

Часть II: Христианские королевства описывает географию и общество королевств Наварры, Леона, Кастилии, Португалии и Арагона. В нем приведены описания и детали по

крупным городам и их ключевым обитателям-вампирам. Освещены важные линии интриг, развитые на христианском севере.

Часть III: Аль-Андалус подобным же образом описывает мусульманский юг. Она охватывает регионы, контролируемые мусульманами, включая Валенсию, Кордобу, Севилью, Гранаду и Балеарские острова.

Часть IV: Власть имущие рассматривает некоторые из ключевых вампирских организаций и организаций смертных, замешанных в иберийской игре. Они включают деяния секретного совета Ласомбра – *Amici Noctis*, ордена рыцарей Сантьяго, и клику охотников, называющуюся Меч Святого Иакова.

Часть V: Проклятые обеспечивает предысторию и игровую статистику некоторых наиболее влиятельных и активных каинитов Иберии. Здесь перечислены далеко не все неживые полуо́строва, а лишь ключевые игроки.

Часть VI: Легенды Реконкисты обеспечивает средства и дает советы по размещению хроник в Иберии. Раздел включает описание нескольких вариантов, в том числе хронику, охватывающую несколько веков Реконкисты или управление одним из *таифа*.

Аширра и «Под покровом ночи»

«Ночи Иберии» является отличным дополнением к книге ***«Под покровом ночи»***, описывающей существование каинитов в средневековом мусульманском мире. Книга содержит базовую информацию об аль-Андалусе, которая развита и обновлена в данной книге. ***«Под покровом ночи»*** также включает в себя огромный объем информации, касающейся философии и культуры каинитов в исламских землях, в том числе о секте Аширра, члены которой верят в путь ислама в вампиризме. Эти детали могут обогатить хроники в Иберии, даже те, где участвуют христианские персонажи. ***«Под покровом ночи»*** не обязательна для использования вместе с книгой ***«Ночи Иберии»***.

Даты и время. Книга ***«Ночи Иберии»*** начинается в 1212 году н.э., вместо стандартной отправной точки Темных Веков (1197 год н.э.) Это сделано по двум причинам: Сюжет хроники ***«Горький Крестовый поход»*** разметил основные события мира вампиров в период 1202-1204 гг. н.э., и это позволяет хроникам ***«Ночи Иберии»*** следовать отдельным элементам сюжетных линий. Однако более важно то, что 1212 год был гораздо более драматичным в течении Реконкисты, чем 1197 год. Именно этот год принес христианам победу в битве при Лас-Навас-де-Толоса, которая переломила хребет владычеству мавров на полуострове (хотя их уход растянулся на многие

годы). Гораздо интереснее отыгрывать сюжет в момент трансформации, чем однообразный сюжет на 15 лет раньше.

Если вам будет интереснее размещать свои хроники в 1197 году вместо 1212 года, никаких трудностей при этом не возникнет. Используйте историю из Части I и судьбы различных персонажей из Части V и изменяйте сеттинг как вам удобно.

Часть I: Омраченная история

Минула ночь, наступило утро
Седлайте коней, готовьте оружье,
Пойдем-ка, глянем на мавров вчуже –
Ведь мы-то здесь иноземцы покуда,
А после будет всем по заслугам
«Песнь о Сиде»[1]

История Иберийского полуострова длинна и сложна, полна многочисленных волн захватчиков, каждый из которых насаждал в регионе свою культуру. Начиная с X века, сражения между христианскими государствами севера и исламской империей на юге только усложнили ситуацию. Вдобавок различные христианские королевства и сами имели запутанные взаимоотношения, объединяясь друг с другом часто в результате династических браков и политических альянсов. Союзы эти потом распадались, порождая новые государства. В итоге дать справедливую оценку истории полуострова практически невозможно. Следовательно, для размещения хроники в таком динамичном регионе Темного Средневековья нужна упрощенная и предельно возможно сокращенная версия Иберийской истории.

Античная история

Наиболее старые легенды утверждают, что первыми на Иберийском полуострове поселились выходцы из Тубала и Тарсиса. Это были, по легенде, сын и внук Иафета, который приходился сыном Ною. Название полуострова происходит от иберов, средиземноморской культуры Бронзового Века, населившей восточный берег. Некоторые утверждают, что баски являются потомками древних иберов, но истинность подобных утверждений можно лишь предполагать, даже когда речь идет о каинитах. За несколько веков иберы вошли в тесный контакт с кельтами, которые заняли в древние времена обширные территории во Франции, Британии и Ирландии. С кельтами могли прибыть отдельные представители клана Гангрел. Если так, Дикари могли стать первыми вампирами, обосновавшимися на полуострове – хотя никаких следов столь древних Гангрел не

[1] Здесь и далее цитаты из «Песни о Сиде» в переводе Ю.Корнеева (по материалам портала http://gremlinmage.narod.ru)

осталось. Встреча кельтов и иберов привела к появлению первой поликультурной цивилизации в регионе – предвестника смешений и слияний, которым суждено было стать отличительным признаком полуострова.

Первыми истинными основателями империи, пришедшими в Иберию, были финикийцы. Они освоили ее средиземноморское побережье, основав несколько поселений (факторий) на юге. Наиболее значимым из этих факторий был Гадир (в римский период Гадес), который позже станет Кадисом. Гадир был центром финикийской власти в Иберии и сердцем культа финикийского бога Мелькара (позже ассоциировавшегося с Гераклом). Хотя поклонение Гераклу давно уже исчезло из Иберии, эхо его еще звучит в географических названиях, например, в названии Геркулесовых Столпов на окончании полуострова. Легенды о каинитах среди более позднего населения предполагают наличие на полуострове Последователей Сета, основываясь на возможных морских контактах с Египтом и остальным бассейном Средиземного моря.

Вслед за финикийцами пришли греки, которые также основали несколько селений, включая Роде (современный Росас), Эмпориум (Ампуриас) и Сагунтум (Сагунто). И финикийцы, и греки преуспели в приобщении Иберии к основному течению средиземноморской культуры. Предположительно, полуостров вскоре привлек внимание и других правящих сил – а следом и каинитов.

Иберия под властью Карфагена

Следующей нацией, чей взгляд пал на Иберию, стали карфагеняне, которые в VII столетии до н.э. основали свои поселения на Балеарских островах. В VI столетии до н.э. они захватили Кадис и основали торговые форпосты на юге. По их следам пришли каиниты, представители нескольких кланов, в основном Бруха и Ласомбра. В отличие от их североафриканских родичей эти Бруха не соотносили идею каинитской утопии с конкретным местом, веря, что она превосходит и место и время. Ласомбра, казалось, разделяли эту идею, хотя старейшины клана желали основать общество, в котором каиниты открыто правили бы над людьми. Бруха, ведомые пророчицей Изебел, и новички Ласомбра, которые нашли точку соприкосновения с Фанатиками, вступили в противостояние со старейшинами Судей. Таким образом, первые века подтвержденного присутствия каинитов на полуострове прошли под знаком распрей. Обычно верх одерживали Бруха и молодежь Ласомбра, однако прибытие в регион около 300 года до н.э. Зиннриди, старейшины Ласомбра,

нарушило баланс сил. Зиннриди был опытным воином, поднявшим своих последователей на борьбу против Бруха и мятежников Ласомбра. Лишь его Окончательная Смерть от рук самой Изебел не позволила клану Ласомбра установить полную власть над Иберией.

К сожалению, победа над Зиннриди оказалась для Бруха пирровой. Их потери от атак Зиннриди сделали их уязвимыми для римских Вентру, которые прибыли позже в третьем столетии до н.э. Победа смертных римлян над карфагенянами в Первой Пунической войне воодушевила Вентру, которые стали появляться во все большем количестве. Смертные карфагеняне ответили на поражение попыткой завоевать Иберийский полуостров целиком, веря, что это возместит им потери на Сицилии и где бы то ни было еще. Их поход начал Гамилькар Барка, которому удалось расширить владения Карфагена до реки Эбро; однако, он встретил яростное сопротивление местных жителей. Истолациус и Индортес, предводители кельтиберов, собрали 50-тысячную армию для борьбы с карфагенянами. В конце концов восстание было подавлено, а лидеры его казнены. Однако Орисон, другой предводитель иберов, нанес Гамилькару поражение при Гелике (современный Эльхе), и убил его самого, что внесло разлад в порядки карфагенян.

С развитием Пунической войны потомки Зиннриди покинули своих карфагенских сородичей и присоединились к римской стороне. Сделали они это отнюдь не из новообретенной любви к римским Вентру, но из чисто практических соображений. Они видели, что дни Карфагена сочтены. И лишь поддержав Рим, они могли бы добиться той власти, которой желал достигнуть их сир. Более того, эти каиниты признавали военную доблесть высшим достижением. Исходя из этого, они постепенно начали даровать Становление ключевым военным лидерам, что входило в их грандиозный план по завоеванию власти над полуостровом.

Тем временем некий раб убил Гасдрубала, основателя Нового Карфагена (современная Картахена), что вызвало еще больший хаос. Сводный брат Гасдрубала – Ганнибал возглавил армию, чтобы не допустить ухудшения ситуации. Он быстро подавил мятеж и подчинил себе большую часть полуострова, за исключением подвластного Риму Сагунтума. Ганнибал ненавидел римлян и считал, что взятие города объединит силы Карфагена против них. Вместо этого он лишь навлек на себя их гнев. Римляне решили нанести ответный удар по своим врагам. Вторая Пуническая война закончилась поражением Карфагена и полной потерей Иберии. Римляне стали новыми хозяевами

полуострова – хозяевами, которых не удавалось потеснить на протяжении столетий.

Римская Иберия

Карфагенские Бруха остались в Иберии. После окончательного разрушения Карфагена в Третьей Пунической войне к ним присоединились многие их сородичи. Иберийские Бруха были в плачевном положении. Они посчитали нужным прибегнуть к хитрости, выжидая удобный момент для мести Вентру, которые дирижировали разрушением их любимого города. Во имя этого они были рады нанести ущерб также и Ласомбра, чье присутствие также ощущалось в период Пунических войн. Таким образом, Бруха поощряли сопротивление римскому диктату, что им удавалось на протяжении многих лет.

В конце концов Бруха просчитались, веря, что римляне ответят на сопротивление так же, как был повержен Карфаген. Вместо этого сопротивление захлебнулось не столько в силе армий, сколько в «романизации». Полуостров воспринял культуру и цивилизацию Рима до такой степени, что стал родиной таких ораторов, как Квинтиллиан, таких поэтов, как Лукан, Марциал и Силиус Италийский, таких философов, как Сенека, и императоров Траяна, Адриана и Феодосия.

Римская цивилизация оказалась неотразимым оружием. Ее влияние изменило жизнь на полуострове окончательно. Средневековая Иберия все еще покрыта развалинами римской эпохи, в частности, акведуками и мостами. И все же, наиболее сильное влияние римская культура оказала на лингвистику. Сегодня большинство населения в регионе говорит на языке латинского происхождения, будь это любой диалект испанского или португальского языков. Лишь в тех регионах, где процветали баски, латинизация языка получила хоть сколько-нибудь значимый отпор. Разумеется, вторжение мавров показало, что арабский язык также способен в значительной степени влиять на развитие испанского и португальского языков.

Под управлением римлян в Иберию впервые пришло христианство – а с ним и новая волна представителей клана Ласомбра. Существует предание о том, что на полуостров пришли Апостолы Павел и Иаков, а с ними семь святейших спутников (Торкват, Стесифон, Секундус, Индалеций, Цецилий, Эзиций и Эвфразий), которым приписывают создание различный храмов. С прибытием святого Иакова связывают и столь же древнее предание о Деве Сарагосских столпов, или явлении Девы Марии святому Иакову. Некоторые Проклятые

утверждают, что среди святейших спутников были наиболее ранние последователи Пути Небес.

Иберийцы яро уверовали в новые святыни, мученически перенося римские гонения. Наиболее известные из этих мучеников пострадали от преследований римского императора Диоклетиана, которые начались в 302 году н.э. Некоторые местные старейшины Вентру, главным образом князь Сарагосы Флавий Сидонис, с легкостью поддержали гонения. Сидонис и его клика считали, что христианство угрожает единству империи в критический момент истории. Поэтому вампиры, последовавшие путем Христа, пострадали от рук своих же старейшин – рана, не зажившая до сих пор.

Несмотря на преследования, многие соборы церкви собирались в Иберии, как правило, в Элвире или в Сарагосе; Первый Собор был созван в Толедо. На Элвирском Соборе в 324 году н.э. для служителей был установлен целибат – практика, ставшая обязательной для всей Церкви на века. На Соборе в Толедо в конце четвертого столетия к Никейскому символу веры было добавлено *филиокве*[1], что позже распространится по всей Церкви, кроме Православной, для которой подобное добавление стало, по меньшей мере, беззаконием, а то и ересью. Тем не менее, это было время процветания христианства в Иберии, и некоторые выходцы из региона добились значимых позиций, например, святой Дамаций, занявший в 366 году Папский престол. По настоянию святого Дамация блаженный Иероним взялся за перевод Библии на латынь, создав текст, названный «Вульгата»[2] и впоследствии использовавшийся всей средневековой Церковью.

Вестготская Иберия

Когда германские племена вторглись на территорию Римской империи – приблизительно в начале четвертого столетия н.э. – даже Иберия не избежала опустошения. Среди тех, кто пришел на полуостров, было скифское племя аланов, а также германские народы вандалов и свебов. Аланы были по большей части быстро разбиты обитателями Иберии. Вандалы, утвердившись в Бетике, продолжили свой путь в Африку, пока вестготы окружили свебов в Галисии и нанесли им окончательное поражение.

---

[1] Дополнение в догмат Троицы об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына.

[2] Нормативный перевод Библии, с 1546 года употреблявшийся во всех службах Римской Католической Церкви. Служил источником перевода Библии на все западноевропейские языки. Использовался в переводе Св.Иеронима вплоть до 1986 года, когда была издана Новая Вульгата.

Вестготы, племя родом с востока, разграбили Рим в 410 году н.э., ведомые Алариком, а затем направились в сторону Иберийского полуострова. Лидером этого похода был Атаульф, и они населяли северо-восточные земли, которые позже назовут Готландией. Вестготы постепенно расширили свое влияние на большую часть полуострова, заперев свебов в Галиции. Последние следы римской власти на полуострове уничтожил предводитель Эурик в 466 году н.э. В этом смысле он может считаться первым правителем Иберии, несмотря на то, что свебы все еще отстаивали свою независимость в Галисии. Эурик стал также первым королем, даровавшим вестготам письменный свод законов.

Вестготы были еретиками-арианами. Они верили в то, что Христос был не Богом, а лишь Божьим созданием, как любое другое существо. Иберийцы, однако, были католиками и противостояли вестготским правителям в религиозных вопросах. Франкские короли Франции (также католики) попытались объявить себя защитниками иберийских католиков, что привело к частым распрям между франками и вестготами. Эти распри обеспечили возможность для Ереси каинитов, что привело к очередной игре за влияние на полуострове. Но даже получив сильный отпор, Еретики укрепились в регионе, который позже станет Португалией, закладывая основу своего будущего.

Ранние годы правления вестготов характеризовались политическими и религиозными склоками. Это создало существенную нестабильность на полуострове, что сыграло на руку клану Ласомбра. В конце концов, король Рикаред установил религиозное и политическое единство, приняв католическую веру на Третьем Соборе в Толедо в 589 году н.э. Религиозное единство, достигнутое на этом Соборе, стало основой для слияния готов с иберийцами, которое привело к образованию испанского народа.

Легенда о святом Иакове

После смерти Христа Его ученики разбрелись по различным областям известного мира, распространяя Евангелие, как повелел их Учитель. Согласно христианскому преданию, святой Иаков пришел в Испанию, где он провел несколько лет, проповедуя Благую весть, правда, без особого успеха. Затем он вернулся в Иерусалим, где принял мученическую смерть по повелению царя Ирода. В 44 году н.э. он был пленен и обезглавлен. По легенде, его последователи сразу же увезли его тело в прибрежный город Яффу, где чудесным образом возник корабль, доставивший их – и тело Апостола – обратно в Испанию.

Они пристали к берегу в месте, где позже встанет город Компостела. Все путешествие из Яффы на востоке Средиземноморья до Испании заняло неделю – свидетельство божественной помощи в пути последователям Иакова. Тело святого было погребено в склепе на склоне горы, где оно покоилось в течение 750 лет непотревоженным и практически забытым.

В начале IX века Пелагиусу, отшельнику, жившему в этой части Испании, было видение, о котором он безотлагательно сообщил Теодомиру, епископу Ирии и Флавии. В своем видении отшельник увидел большую яркую звезду, окруженную кольцом маленьких звезд, сияющую над пустынными холмами. Епископ поверил Пелагиусу и распорядился осмотреть холмы. Вскоре разведчики обнаружили склеп с тремя телами в нем.

Тела эти были сочтены принадлежащими святому Иакову («Сантьяго» по-испански) и двум его последователям. Когда король Альфонсо II услышал о находке, он приехал к склепу и молился у входа в него. Затем он объявил святого Иакова покровителем и защитником всего Иберийского полуострова. Он отдал приказ о создании церкви и небольшого монастыря в честь святого на месте склепа.

Современная Компостела выросла вокруг этого строения. Название города – еще одна часть легенды. Одна версия утверждает, что город первоначально назывался «*Campus de Primae Stellae*» (место первой звезды), или просто «*Campus Stellae*», затем сокрщенное до «Компостела». Другая версия говорит о происхождении названия от слова *componere* (хоронить), поскольку предполагалось, что на месте нынешнего храма Сантьяго ранее существовало римское кладбище или раннехристианский некрополь. Мощи святого Иакова были перенесены в этот некрополь после их обнаружения в IX веке.

Омраченная земля. Кланы Бруха, Ласомбра и Вентру использовали вторжение вестготов для войны друг с другом. Каждый надеялся извлечь выгоду из хаоса, поглотившего

Иберию, чтобы достичь своих целей. Вентру надеялись восстановить правление римлян и достичь подобия порядка. Бруха, в полном согласии со своими идеалами, пытались выковать новое самосознание иберийцев, которое бы превосходило все предшествующее. Ласомбра тем временем отказывались массово примкнуть к какой-либо из сторон, позволяя своим противникам истреблять друг друга и держа при этом руку на пульсе происходящего в среде смертных обитателей полуострова. Такая стратегия может быть названа циничной, но она была хорошо продумана и привела полуостров к эре превосходства Магистров. В 585 году Окончательная Смерть старейшины Бруха Изебел от рук налетчиков Вентру на севере будущей Португалии определила судьбу и Бешеных и Голубых Кровей в Иберии. В самом деле, даже при том, что Вентру получили кровь Изебел, они добились этого лишь с помощью Ласомбра. Все налетчики впоследствии безвременно погибли. Полуостров оставался владением Судей, хотя на нем жили представители всех кланов.

Исламская Иберия

Во второй половине VII века возрождение Византии, начавшееся при Юстиниане I, окончилось экспансией ислама. К 698 году н.э. большая часть Северной Африки, включая Египет, была под властью мусульман. В 705 году н.э. аль-Валид I, халиф династии Омейядов, назначил Мусу ибн Нусаира правителем над новыми территориями империи. Муса впоследствии завоевал остальную часть Северной Африки вплоть до Танжера. Он также воспользовался своей властью для постепенного обращения берберов в ислам – медленное, длительное предприятие, в котором он неожиданно преуспел.

С продвигающимися армиями Мусы вперед шли и Ассамиты, прикрывавшие военным хаосом деятельность своего клана. Точно так же выжившие карфагенские Ласомбра видели в продвижении ислама возможность реализации своих интриг. К тому моменту, как армии Мусы подошли к северной оконечности Африки, оба клана с удобством устроились в мусульманском мире. И обе группировки каинитов надеялись, что блестящий лидер не удовлетворится своими достижениями и будет искать новых побед за морем.

Этим надеждам суждено было сбыться, когда христианский правитель Сеуты, граф Джулиан, договорился с Мусой о совместном вторжении на Иберийский полуостров. Таким образом, вторжение стало результатом как готовности мусульман к завоеванию, так и зова о помощи вестготской фракции, верной королю Витице. Эти партизаны утратили свою

власть после того, как в 710 году узурпатор Родриго убил Витицу. Мусульмане казались великолепными союзниками для борьбы со сторонниками Родриго. В 711 Муса послал армию берберов под началом Тарика ибн Зийяда через пролив, нынешнее название которого «Гибралтар» происходит от имени самого Тарика. По прибытии берберы вступили в схватку с Родриго и нанесли ему поражение.

Вместо возвращения в Африку Тарик отправился на север и захватил вестготскую столицу Толедо, где и провел зиму 711 года н.э. На следующий год Муса привел вглубь полуострова еще одну армию и после длительной осады взял Мериду. Он догнал Тарика в Толедо летом 713 года. Отсюда Муса двинулся на северо-восток, захватив Сарагосу и проникнув вглубь территории до гор на севере. Затем его путь лег с запада на восток; по пути он принуждал местное население подчиниться власти мусульман или бежать. В 714 году Муса и Тарик были отозваны халифом Омейядов в Сирию. К этому времени большая часть полуострова оказалась под рукой мусульман.

Быстрота военных успехов мусульман стала результатом того, что вестготское общество так и не достигло подлинного внутреннего единства. Его все еще раздирали политические и религиозные диспуты, произрастающие из завоевания полуострова самими вестготами. По сути, некоторые элементы общества, например, иудеи, были в какой-то мере враждебны вестготскому правлению – и не без причины: законодательные ограничения были для них весьма жесткими, хотя бы в самом Толедо.

Более того, завоевание земель мусульманами многим открыло новые возможности. Например, налоговое бремя при власти мусульман стало легче, чем при вестготах. Те из сервов, кто принял ислам, стали свободными, но зависимыми от лорда, завоевавшего землю, к которой они были прикреплены. Иудеев больше не преследовали, зато их поставили в одинаковые рамки закона с теми христианами, кто не отрекся от веры.

Ситуация, однако, изменилась для каинитов, населявших территорию. Бруха и Вентру, уцелевшие в межклановых войнах в вестготскую эру, сражались против захватчиков (в том числе и принявшие ислам), однако были полностью разбиты и бежали на север. Большинство Ласомбра также спасались бегством, опасаясь гнева Аширры (так называли себя каиниты-мусульмане). Многие все же остались, осознав, что смогут использовать исламское общество в качестве прикрытия так же успешно, как и христианство. Когда Ласомбра Аширры прибыли в регион из Африки и Ближнего востока, их встретили иберийские кровные родичи, готовые их принять. Пропасть

между теми Ласомбра, кто принял мавров, и теми, кто бежал на север, никогда не затянулась.

Подчиненный эмират

В первой половине VIII века зародилось новое общество Иберии. Арабы сформировали правящий класс. Уровнем ниже находились берберы, составлявшие основную массу войск, вторгшихся в Иберию; еще ниже были иберийцы, принявшие ислам. Именно из этого последнего класса сложилось большинство населения региона, поскольку социальные и экономические мотивы побудили многих принять новую веру. Христиане и иудеи, оставшиеся при своей вере, по социальной иерархии стояли еще ниже. За право исповедания эти «книжные люди» платили небольшой налог исламскому правительству. На дне общества находились рабы, число которых пополнялось из захваченных северян и темнокожих африканцев. Аширра по иерархии была отражением смертного общества, разве что нижний ранг вместо рабов формировали в основном упыри.

Период между 711 и 756 годами называется «подчиненным эмиратом», поскольку мусульманская Иберия, или аль-Андалус, находилась в зависимости от халифата Омейядов со столицей в Дамаске. Эти годы характеризуются постоянной враждой – как между арабскими фракциями, так и между социальными группами. Несмотря на эти внутренние разногласия, мусульмане продолжали свою экспансию в Европу – и каиниты продвигались с ними. Набеги мусульман через Пиренеи продолжались вплоть до 732 года, когда франки под командованием Карла Мартелла в битве при Пуатье разбили мусульман, чьим лидером был Абд ар-Рахман аль-Хафиди. Это стало пиком маврских завоеваний в Европе и началом сопротивления каинитов-христиан Аширре.

Повсеместные события также требовали от мусульман отступления. Восстание берберов Северной Африки против арабов оказалось для Иберии опустошающим. Оно стало причиной сокращения населенности северо-западной части полуострова, которую в основном и населяли берберы. Кроме того, восстание привело в аль-Андалус сирийскую армию под началом Балха; таким образом, в регионе, и так раздираемом стычками, появилась еще одна группировка. Ситуация изменилась к лучшему с установлением Абд ар-Рахманом лад-Дахилом независимого эмирата в 756 году. Он был единственным принцем Омейядов, ускользнувшим из рук Аббасидов – династии, захватившей власть в исламской империи. Оказавшись в безопасности в аль-Андалус, он объявил

о политической независимости от Аббасидов, хотя и признавал их главенство в религиозных вопросах.

Независимый эмират

Династия андалусских Омейядов правила Иберией с 756 по 1031 год. В этот период процветали наука и образование, а также искусства. Аль-Андалус достиг уровня изысканности, недоступного в то время Европе. Это привлекло многочисленных Бруха (или по-арабски, *Мушакисин*), которые начали верить в то, что мавры способны создать желанную утопию. Пропасть между христианами и мусульманами клана Ласомбра росла по мере того, как Аширра предъявляла все более надменные притязания на власть над сородичами-христианами. В этот период в аль-Андалус также утвердили домены некоторые Ассамиты. Вскоре после того, как смертный Абд ар-Рахман бежал из Дамаска, древний Ассамит-воин Гилель аль-Масаари прибыл в Кордобу. Один из первых потомков Хакима, обратившихся в ислам, он обладал значительной силой и вскоре утвердился в положении султана Кордобы, объявив своим доменом всю маврскую Иберию. Аль-Масаари был воином до того, как превратиться в интригана, и был счастлив переложить дела своего султаната на визирей Ассамитов и помощников из клана Ласомбра.

Абд ар-Рахман в своей власти опирался на арабскую аристократию, связанную с его династией, которую осыпал почестями и богатствами. В то же время он всегда знал о малейших признаках восстания или сомнений в его власти; и то и другое он карал с величайшей жестокостью. Абд ар-Рахман также показал себя ортодоксом в делах ислама, защищая свою веру от любых противников. С этой целью он предпринял несколько кампаний против христианского государства Астурии. На востоке Иберии его беспокоили интриги Аббасидов, тогда как на севере ему приходилось справляться с амбициями Карла Великого. К счастью для аль-Андалус, Карл Великий оказался неспособен установить контроль над Иберией. Франкам пришлось удовлетвориться лишь захватом Испанской Марки в современной Каталонии. Этот захват дал гораздо меньше того, на что они рассчитывали, однако он заблокировал мусульман, что придало храбрости Вентру и Ласомбра.

Наследники Абд ар-Рахмана I, Хишам I и аль-Хакам I, большую часть своего правления провели в борьбе с недовольством в арабском благородном обществе. Крупное восстание в Толедо потребовало найма большого числа берберских и славянских наемников – и новых налогов, чтобы оплачивать их службу. Неудивительно, что такое действие стало не менее разрушительным, чем само восстание, и создало еще

большую нестабильность. Несмотря на все попытки Бруха и христиан Ласомбра извлечь из ситуации выгоду, мусульмане были способны вновь восстановить положение в обществе, лишний раз доказывая, что судьбу Иберии определяли смертные, но не каиниты.

Правление Абд ар-Рахмана II известно как время культурного, политического и административного возрождения. Будучи эмиром, он развернул массивную программу «овосточивания» Иберии, иначе говоря, превращения аль-Андалус в правильную мусульманскую страну, похожую на ближневосточные государства. Это начинание, хоть и удачное, вызвало отпор мосарабов – арабоязычных христиан. Воодушевленные своими лидерами Альваро и святым Евлогио, они пытались подбодрить сопротивление мусульманам через акты мученичества. Как правило, это выражалось в публичном оскорблении Пророка Мухаммеда, что каралось смертью еще с 850 года. Эмир отреагировал на эту волну богохульства весьма спокойно, позволяя обвиняемым раскаяться и таким образом избежать наказания. Тем не менее, консервативная фракция мосарабской общины продолжала сопротивление около десяти лет, и 53 их сторонника были казнены, прежде чем духовные лидеры не вмешались и не воспрепятствовали новым актам мученичества. Христиане Ласомбра извлекли из этого сопротивления преимущество, для борьбы с Аширрой даровав Становление нескольким мосарабам, которые составили отряд подстрекателей против мусульман.

Во внешней политике Абд ар-Рахман II показал себя весьма искусным дипломатом. Он обменялся дипломатическими миссиями с Византией и франкским королем Карлом II Лысым. Он оказался также способен противостоять все возрастающему числу набегов викингов, которых он разбил в окрестностях Севильи. В конце концов Абд ар-Рахман организовал постоянные укрепления против этих северных налетчиков (а также вампиров-«эйнхери»[1], которые путешествовали с ними) в виде двух морских баз – одну на побережье Атлантики в Севилье, вторую на побережье Средиземного моря в Печине. Эти базы сократили число набегов викингов на Иберию.

Наследники великого эмира, однако, столкнулись с новой проблемой, не менее опасной: неверные, перешедшие в ислам, называвшиеся мувалладами. Муваллады составляли основную массу населения Иберии, но не обладали политическим влиянием, которое бы соответствовало их преобладающей численности. Как результат, они подняли восстание

[1] В скандинавской мифологии – лучшие из воинов, павших в битве, которые будут сражаться на стороне бога Одина в день Рагнарек, а до тех пор пируют и тренируются в чертогах Валгаллы

одновременно на севере и юге полуострова в 879 году. Восстание в той или иной форме продолжалось 50 лет. Дабы подавить подобную проблему в зародыше, султан Хамид аль-Доссади начал реформы в пределах своего домена в Севилье. Он ослабил ограничения в иерархии, позволяя не-арабам занимать ключевые позиции в его владениях.

К 930 году недовольство мувалладов иссякло, и Омейяды в очередной раз удержались на троне. В этот период мусульмане Ласомбра (называемые *Кабилат аль-Хайял*, что буквально означает «клан теней») собрали Иберию под своей рукой, к неудовольствию их христианских и мусульманских недругов. Это ослабило также Ассамитов (или *Бану Хаким*); не имея угрозы существованию ислама на полуострове, Сарацины, казалось, пришли сюда навечно. Но власть их в регионе достигла своей низшей точки, которой они не смогут некоторое время покинуть.

Кордобский Халифат

Увлеченный проблемами Иберии, эмир Абд ар-Рахман III не игнорировал и межнациональную дипломатию. В частности, ему пришлось решать вопросы взаимоотношений с халифатом Аббасидов со столицей в Багдаде. Вплоть до 910 года между мусульманскими регионами существовало некое единство в делах религии, когда каждый признавал авторитет Багдадского халифа. Когда же Фатимиды объявили о создании своего халифата в Тунисе, ситуация изменилась, и Абд ар-Рахман III извлек из этого пользу. В 929 году он провозгласил себя халифом, а заодно объявил о создании Кордобского халифата, который будет властвовать над аль-Андалус в течение более чем столетия. каиниты-христиане увидели в этом положительные моменты по отношению к своим целям – это убедило их в том, что исламские государства более не едины между собой. Они справедливо полагали, что смогут использовать несогласованность в их рядах, чтобы привести их к разрушению.

Тем временем северные христианские королевства продолжали воевать с аль-Андалус. В 939 году Абд ар-Рахман потерпел жестокое поражение при Симанкасе. К его удаче, внутренняя слабость королевства Леон позволила ему восстановить главенствующее положение на полуострове с помощью политики. Он укрепил свои позиции несколькими посланиями к императору Священной Римской Империи Оттону I, христианским правителям полуострова, Папе Римскому и Византии. Анклав корсаров во Фраксинете на юге Франции также признал его власть.

Халифат Фатимидов в Тунисе предпринимал попытки объединить под своей властью империю, которая достигала бы

Атлантики – и включала бы в себя аль-Андалус. С целью предотвратить гегемонию Фатимидов в Магрибе халиф Кордобы в 931 году захватил порты Мелилья и Сеута. Интенсивное морское противостояние между двумя халифатами совпало со столкновениями на суше и антиправительственным войнам на севере Африки. По сути, Абд ар-Рахману почти удалось опрокинуть халифат Фатимидов, поддерживая фракции мятежников. Конфликт продолжался годами и закончился, лишь когда Фатимиды в 969 году завоевали Египет и потеряли интерес к Магрибу. Это создало вакуум власти, который быстро восполнили Омейяды.

Как и подозревали христиане-Ласомбра, исламский мир и днем, и в ночи безнадежно раздирали внутренние противоречия. Иберийские члены Аширры, несмотря на величайшие усилия, прилагаемые Гилелем аль-Масаари и другими популярными султанами, проводили большую часть времени, сражаясь друг с другом, как сражались раньше с христианами. Султан Севильи, Тореадор Хайтам ибн Хаким, сформировал недолго просуществовавшее движение внутри Аширры, которое пропагандировало объединение перед лицом христианской угрозы. Увы, Хайтам пал жертвой тех же самых внутренних склок, которым надеялся положить конец – ирония судьбы столь дальновидного представителя Аширры.

Трон Абд ар-Рахмана III в 961 году унаследовал его сын аль-Хакам II, который также принял титул халифа. Его правление было спокойным; ему удалось решить проблему Магриба благодаря талантам в стратегии его генерала Галиба и способностям к политике его советника Абу Амира аль-Ма’афири, также известного как «аль-Мансур», или «победоносный». Со смертью аль-Хакама трон занял его юный сын Хишам II аль-Муайяд. Хишам II воспитывался своей матерью Авророй и визирем Джафаром аль-Мушафи. В 978 году аль-Мансур уничтожил визиря и взял правительство под свой контроль. Затем он использовал свое влияние, чтобы ослабить позиции халифа и забрать реальную власть в свои руки, став «серым кардиналом».

Аль-Мансур использовал вновь обретенную власть для завоевания большей части Магриба, которую он превратил в провинцию Кордобского халифата. Также он частыми (примерно раз в полгода) атаками остановил развитие христианских королевств на севере. Им он не давал пощады, разграбляя их столицы так часто, как мог. С помощью профессиональной армии, в основном состоявшей из берберов и повиновавшейся ему не задавая вопросов, аль-Мансур потеснил арабскую аристократию, которая была против ослабления власти халифа.

Одновременно он избегал ведения дел с бывшими рабами, достигшими властных позиций в правительстве. Результатом стало крайне эффективно развивающееся, динамичное государство, державшееся, однако, на единственном человеке при власти.

Аль-Мансур был воплощением всех качеств, что Ласомбра хотели бы видеть в лидере: он был силен, коварен и рационален. Он понимал сильные и слабые стороны своего положения и с умом их использовал. Он окружил себя величайшими поэтами и художниками, философами и религиозными мыслителями своего времени. Он также продолжал набеги на христианские королевства, выиграв в общей сложности более 50 битв до своей смерти в 1002 году. Вопрос о том, даровать ли аль-Мансуру Становление, звучал в течение многих ночей среди *Amici Noctis*, особенно тех, кто симпатизировал мусульманам. В конце концов было решено, что такой человек должен быть введен в клан по своей воле, через постепенное открытие ему тайных истин. Говорят, что основные усилия к приобщению аль-Мансура к миру теней прилагал мусульманин Ласомбра по имени Ибрагим. Его неудача многими объясняется тем, что великий смертный отказался от предложения.

После смерти аль-Мансура его политику продолжил сын Абд аль-Малик аль-Музаффар. Он ослабил халифа аль-Хишама II еще больше и так же сражался против христиан, однако погиб раньше своего времени. Брату его Абд ар-Рахману Санхуэло недоставало способностей и проницательности, необходимых, чтобы поддерживать властную структуру, созданную отцом. Восстание тех, кто хотел вернуть политические права халифу аль-Хишаму II, увенчалось смертью Санхуэло. Оно привело также к концу правления династии Омейядов в Иберии, хотя этого не знал еще никто, а мусульмане Ласомбра – менее всех. Они самодовольно наслаждались величием империи, которая была создана столь необычными действиями аль-Мансура.

Королевства **таифа**

Смерть Абд ар-Рахмана Санхуэло стала результатом волнений в период 1009 – 1031 годов. Одновременно стало рушиться социальное и политическое единство андалуссцев – со всеобщими печальными последствиями. Результатом стали анархия и формирование многочисленных независимых государств, или *таифа*. Политическая история этого времени являет собой непрерывную череду гражданских войн. Однако первопричиной их стало противостояние арабских фракций в Севилье и берберских, собравшихся вокруг Гранады. Со временем Севилья преуспела в объединении южной аль-Андалус под своим знаменем. Новому развивающемуся государству

противостояли лишь Гранада и Малага. Этот режим управлялся беспринципным человеком по имени аль-Му’тадид, который выступал якобы от имени исчезнувшего Хишама II аль-Муайяда.

Аль-Му’тадиду наследовал его сын аль-Му’тамид, известный как правитель и как поэт. На востоке государствам-*таифа* удавалось поддерживать относительное равновесие, за исключением короткого периода, в который маленькое государство Денья оснастило сильный флот, позволивший совершать набеги на западное Средиземноморское побережье. Северные *таифа* проводили время в нескончаемых внутренних стычках, к большому неудовольствию мусульман Ласомбра.

Развалом халифата Омейядов воспользовались христианские государства. Они потихоньку начали расширять свои владения, возвращая владения, потерянные в прошедшие века. Христианам, однако, не хватало населения, чтобы удержать завоеванные земли. В результате они продвигались медленно, предпочитая укреплять приобретенные владения. Они налагали на *таифа* различные поборы, по большей части так называемый *париа*, вид ежегодной дани, уплачивая которую, правители *таифа* получали на год иммунитет к нападениям. По своей сути *париа* не были ничем иным, как платой «за защиту», но уплата их оживила экономику христианских государств. Это также создало трения между мусульманскими правителями и их подданными, поскольку правители постоянно учреждали новые, все более обременительные налоги, чтобы еще на год откупиться от христианских королевств. Когда денег не хватало, *таифа* обесценивали свою валюту, чеканя новые монеты. Христиане, однако, таких денег не принимали, и правители *таифа* вынуждены были вновь поднимать налоги, еще больше настраивая подданных против себя. Роскошь, в которой купались правители, лишь добавляла недовольства в народе и еще больше ослабляла власть мусульман в Иберии.

Ночи в *таифа*

Расцвет *таифа* был праздником на улице Ласомбра обоих вероисповеданий. С упадком централизованной власти Кордобы Ассамит Гилель аль-Масаари не смог более объявлять своим доменом всю территорию, в результате чего возвысились другие султаны. В Гранаде Ласомбра Бадр объявил о своем присутствии, хотя его сила потрясет полуостров лишь в последующие столетия. Более тревожным было возвышение Мириам бинт Аиша в Кордобе. Эта госпожа интриг, Ласомбра по крови, официально не объявляла своего домена (и даже публично поддерживала аль-Масаари в качестве султана), однако втайне начала плести паутину своей власти.

Нестабильность государств-*таифа* отвечала ее нуждам, достаточное для мусульман основание быть проклятой.

Неудивительно, что такое положение дел чрезвычайно устраивало христиан Ласомбра. Одиннадцатый век вообще был временем их процветания, поскольку им удалось одновременно укрепить иберийскую Церковь и ослабить недругов-мусульман. В процессе этого им удалось также сместить последнего Вентру, обладавшего хоть какой-то властью; его античный подход к мусульманской оккупации в значительной степени их ослабил.

В это же время старейшина Гангрелов Шабако Нубиец объявил о своем переходе в ислам. Дикари отвергали веру мусульман, держась за христианство как за слабое проявление смертных чувств. Шабако, будучи старейшиной клана, нашел могущественных и преданных друзей в Аширре и слушал их истории о Пророке. Гилель аль-Масаари, мусульманин и отважный воин, был ближайшим другом Шабако. Именно он привел его к имаму Аширры, когда Шабако решился на обращение в ислам в 1005 году. Хотя некоторые из Гангрел называли его слабаком, а некоторые из Аширры – богохульником, он и его потомки стали важной частью мозаики мира неживых аль-Андалус. Термин «Гангрелы *таифа*» вскоре стал использоваться для обозначения тех представителей клана, которые следовали исламскому воинскому кодексу и распространились по всему мусульманскому миру за пределами полуострова. В Иберии они кормились лишь христианами и иудеями, что стало причиной ненависти к ним тех каинитов, кто способствовал продвижению Реконкисты.

Альморавиды

Вся уязвимость мусульманской Иберии стала видна, когда в 1085 году Королевство Кастилия захватило область Толедо. Толедо была ключом к центральному плато Месета и, следовательно, ко всему полуострову, и ее падение вполне оправданно всполошило правителей оставшихся *таифа*. Чтобы остановить начинающуюся христианскую чистку, они обратили взоры к могущественному берберскому союзу – альморавидам (буквально – «те, кто обитают в приграничных крепостях»). Берберы охотно согласились помочь в восстановлении мусульманского владычества в Иберии. Их правитель Юсуф ибн Ташуфин вторгся на полуостров из Северной Африки и дошел до Залаки, что к северу от Бадахоса, где в 1086 году он разбил армию кастильцев под предводительством Альфонсо VI. Несмотря на удар, нанесенный по самоуверенности христиан, эта битва не имела сколько-нибудь значимых последствий; Юсуф оказался неспособен извлечь из нее выгоду и вернулся в Северную Африку. Политика альморавидов в Иберии оставалась

неуверенной на протяжении последующих двух лет, однако осада в 1088 году города Аледо убедила Юсуфа в том, что для восстановления мусульманской власти над Иберией ему необходимо покончить с государствами-*таифа*.

В период с 1090 года он сместил по очереди всех властителей таифа, начав с Гранады и Малаги. В 1091 году пришел черед лидеров таифа Альмерии и Севильи, за ними в 1093 году последовал правитель Бадахоса. Сопротивление альморавидам оказал лишь Родриго Диас де Вивар, известный как Эль Сид («господин» на иберийском арабском наречии). Эль Сид был правителем независимого королевства с центром в Валенсии.

Эль Сида можно назвать аномалией в иберийской истории. Вначале он был наемником в *таифа* Сарагоса. Затем он стал князем в восточных землях, населенных в основном мусульманами.

Эль Сиду повезло найти эффективных управителей среди мосарабов для своих владений, что позволило процветать и в эти трудные времена. Вдобавок его превосходное знание тактики альморавидов позволило ему одержать несколько великолепных побед над их армиями, даже превосходившими числом его собственные войска. После его смерти в 1099 году Валенсия оказалась в руках его последователей, удерживавших власть до 1102 года. Затем им пришлось спасаться бегством и просить убежища в Кастилии. С падением Валенсии альморавиды смогли расширить свои завоевания на полуострове, в конце концов в 1110 году захватив Сарагосу.

По иронии падение Сарагосы стало началом падения самих альморавидов. Король Арагона Альфонсо I и его приемный сын Альфонсо VII Кастильский предприняли серию набегов на границы мусульманских владений, многие из них оказались крайне удачны. Сами же альморавиды отвлеклись на религиозные восстания в Северной Африке. Вследствие этого они не могли отражать возобновившиеся атаки Арагона и Кастилии. Позиция альморавидов была настолько шаткой, что им пришлось нанимать наемников-христиан, чтобы хоть как-то защититься от врагов. В 1118 году Арагон захватил Сарагосу, а с ней большую часть долин Халон и Хилока. альморавидам удалось нанести Арагону поражение в 1134 году под Фрагой, но победа оказалась эфемерной, поскольку у мусульман не было сил, чтобы воспользоваться ею в полной мере. В битвах Арагона каиниты-христиане атаковали своих сородичей-мусульман. Ведомые такими воинами, как Терцио Браво и Элиазар де Поланцо, они нанесли основные удары по воинам Аширры, чем способствовали началу теневой Реконкисты.

Умар и Эль-Сид

Для иберийских каинитов период владычества альморавидов замечателен двумя фактами: прибытием Ассамита Умар аль-Рашида и жизнью Эль Сида. Умар был значимым представителем касты визирей, многие годы охотившимся среди берберов. Он видел в них способность вдохнуть жизнь в мусульманское стремление к завоеванию и помогал организовать обстоятельства для вторжения альморавидов. Умар поселился в Севилье, где быстро покончил с периодом нестабильности в мире вампиров, поддержав Джерузу бинт Иоав из клана Бруха в борьбе за позицию султана. Здесь он и остался, но его мечты о единстве и стремлениях внутри Аширры были быстро разрушены интригами Ласомбра Мириам бинт Аиша. Эти двое остаются врагами и по сей день.

Что касается Эль Сида, он, как и аль-Мансур до него, стал объектом крайнего интереса со стороны иберийских Ласомбра. Они почти что поклонялись ему как живому воплощению их идеалов: коварные действия и желание достичь необходимого любой ценой. Ему, так же как аль-Мансура, было решено даровать Становление в случае его приобщения к миру теней, и так же как аль-Мансур, он, по-видимому, отказался. С того момента, как его останки были перенесены в Бургос, могила Эль Сида стала вдохновляющей идеей для теневой реконкисты против Аширры. каиниты вроде Терцио Браво – бывшего сотоварища Эль Сида – до сих пор используют память о нем, чтобы вдохновлять молодежь продолжать его дело, борьбу с маврами.

Альмохадцы

Умар аль-Рашид не был Ассамитом, чьи планы можно было бы легко разрушить. Он знал, что берберские династии находятся в расцвете сил, и решил выжидать. Усилиями своих подручных в Северной Африке он поставил на ноги одну из таких династий – альмохадцев («Те, кто утверждают Бога единственного») – главным образом с помощью фанатичных юных воинов своего клана. Он знал, что рано или поздно взор династии обратится на Иберию. Эти надежды оправдались, когда в 1130 году лидером династии стал Абд аль-Мьюмин. Он решил, что власть мусульман в Иберии может быть восстановлена лишь при условии завоевания оставшихся *таифа* и последующего установления прямой власти альмохадцев над регионом. Лишь после этого, полагал он, ислам мог восторжествовать над христианскими государствами полуострова. Умар тихо поддерживал его политику, из-за сцены делая все, чтобы ослабить любого правителя *таифа*, стоявшего

на пути альмохадцев – например, ибн Марданиша, правителя Валенсии, Мурсии, Хаэна, Гранады и Кордобы. На волне продвижения альмохадцев приходили Ассамиты воины, сменяя упрямых Ласомбра. Мириам бинт Аиша видела, как многие из ее пешек пали под натиском этой волны, и принялась плести интриги в обратном направлении.

Альмохадцы приняли титул халифов и использовали свою вновь приобретенную религиозную власть, чтобы претворить в жизнь новые суровые законы. Их целью было укрепление их империи с помощью религиозной унификации. Они вынуждали христиан и иудеев в подвластных областях принимать ислам или эмигрировать – решение, значительно подстегнувшее сопротивление им в Иберии. Тем не менее, эти меры давали положительный результат, поскольку империя альмохадцев достигла таких высот, каких западный ислам не видел со времен Кордобского халифата.

Следующим шагом альмохадцы возобновили войну против христиан, нанеся в 1195 году поражение королю Кастилии Альфонсо VIII в битве при Аларкосе. Это была весьма значимая для альмохадцев победа, но воспользоваться ею к своей выгоде они не сумели, как и их предшественники альморавиды. В результате христиане получили необходимое им время для перегруппировки сил и подготовки к новой серии битв, кульминацией которой стало сражение при Лас-Навас-де-Толоса.

Лас-Навас-де-Толоса

С 1210 года Альфонсо II Кастильский стал готовиться к новому наступлению на альмохадцев. Он предпринял многочисленные вылазки глубоко во владения мусульман; некоторые из них в конце концов привлекли внимание халифа альмохадцев Мухаммада аль-Назира. Халиф нанес жестокий ответный удар, захватив в 1211 году Сальватьеру – замок, принадлежащий ордену Калатрава. Новости об этом встревожили Папу Иннокентия III, и он быстро созвал многочисленный крестовый поход против альмохада, с которым через Пиренеи перешли тысячи воинов (ведомых епископами Нарбонна, Бордо и Нанта). К ним присоединились войска под предводительством королей Санчо VII Наваррского, Педро II Арагонского и Альфонсо II Португальского.

В результате призыва Папы Иннокентия величайшая армия христиан в истории Испании собралась под Толедо в июне 1211 года с намерениями отбить Сальватьеру, однако ей были предназначены гораздо более великие свершения. Огромное войско покинуло Толедо 20 июня и вошло в город Малагон, население которого французские крестоносцы вырезали

полностью, несмотря на протесты кастильцев. Вскоре они вторглись в земли Калатрава, где лидеры иберийцев заключили военный перемирие с маврами. В этот момент многие иностранные участники крестового похода покинули войско, сбитые с толку предпочтением иберийцев жить в мире, а не завоевывать. Тем не менее, оставшаяся армия продолжила движение к Сальватьере.

Тем временем войска альмохадцев расположились лагерем на высокой равнине Лас-Навас-де-Толоса, что к югу от перехода Деспеньяперрос сквозь горы Сьерра Морена. альмохадцы перекрыли узкий каньон эль-Мурадал, через который армия христиан должна была пройти неминуемо. Христиане собирались отступать, но местный пастух рассказал им о неизвестном проходе, называемом эль-Рей. Таким образом, 16 июля две армии наконец встретились, и началась битва.

Король Кастилии Альфонсо VIII вел за собой центр армии христиан, Педро II командовал левым ее флангом, а Санчо II Наваррский – правым. Отряды кастильских ополченцев были равномерно распределены между тремя частями войска. Эти пехотные подразделения смешались с кавалерией, что, по мнению Альфонсо VIII, должно было защитить армию от окружения. Мавры также распределили свои силы по трем группам войск, выстроенным в линию, с резервом позади. Перед их войсками шла линия застрельщиков в легкой броне, атака которых и начала битву. Лучники и североафриканцы занимали центр, тогда как андалусские отряды размещались по флангам.

Сражение началось в полную силу, когда силы христиан выступили навстречу мусульманским застрельщикам и рассыпали их строй, стремясь добраться до ядра войск мавров. Затем две армии смешались в хаосе схватки. Затем аль-Назир ударил частью своего резерва во фланг христианской армии, что стало причиной отступления части христиан. Отступление имело настолько пугающий эффект, что король Альфонсо VIII принял решение встретить смерть в бою, чтобы не терпеть унизительное поражение. Однако архиепископ Толедский Родриго Хименес де Рада послал в бой свой резервный отряд, чем выровнял положение. Это повернуло ситуацию в пользу иберийцев, а подход фланга во главе с королем Санчо окончательно разбил ряды мавров – включая личную гвардию халифа – так что аль-Назир пустился в бегство в сторону Хаэна. Отступление лидера пошатнуло боевой дух мавров, они развернулись и также побежали, преследуемые христианами всю последующую ночь.

Следующий день армия христиан провела, перегруппировываясь, подсчитывая количество убитых

противников и добычу. Собранных сокровищ было столько, что ими нагрузили более двух тысяч ослов. Альфонсо VIII ярко описывал победу в письме к Папе Иннокентию III: *«Чтобы описать количество врагов, скажу Вам: когда наша армия отдыхала после битвы в лагере противника, во всех кострах, что нужны были для выпечки хлеба, приготовления пищи и прочего, сжигались вражеские стрелы и копья, которых вокруг лежало множество, и едва ли мы сожгли половину их»*.

С этого момента течение Реконкисты обратилось на пользу христианам.

Иудеи в Иберии

В то время как основная борьба Реконкисты разворачивается между мусульманами и христианами, иберийские иудеи играют в ней роль, важность которой во много раз превосходит их численность. Их позиция, однако, непрочна, поскольку они не могут с легкостью примыкать к той или другой стороне. Тем не менее, есть свидетельства присутствия иудеев на полуострове с III века н.э. В период вестготсткого королевства существовали некоторые антисемитские законы (например, законы короля Эгики, который был убежден в существовании заговора иудеев против него), однако в целом иудеи довольно удачно вписались в общество в правление вестготов.

В начале VIII столетия, когда войска Тарика ибн-Зийяда вторглись в города Толедо, Кордоба, Элвира и Севилья, их жители доверили местным иудеям заботу о городах. То же самое произошло в Гранаде, которая даже была прозвана *Гамата аль-Ехуд* (Гранада Иудеев), поскольку к приходу мусульманских армий в городе оставались лишь иудеи. Имея статус *дхимми*, или «защищенных», иудеи пользовались определенной долей уважения и терпимости под рукой Омейядов; во многих захваченных городах именно иудеев назначали старейшинами над еврейскими и христианскими общинами (хотя им запрещалось приобретать землю). В некоторых редких случаях иудеи занимали высокие посты при исламских правителях; например, два визиря Гранады происходили из семьи ибн Нагрелла, а Хасдай ибн Шапрут (915 – 970) служил халифу Кордобы в качестве визиря, дипломата и врача.

Волны вторжений прокатывались вперед и назад по полуострову, и положение иудеев становилось все менее стабильным. Где-то альморавиды устраивали погромы; в других случаях иудеям временно доверяли власть, чтобы оторвать только что низложенных арабских правителей от своих земель. Хотя иудеи часто были первыми оседлыми жителями территорий, позже завоеванных христианскими правителями (их знакомство с арабской культурой позволяло им становиться эффективными администраторами), в большинстве регионов их рассматривали скорее как собственность правителя, нежели как землевладельцев или горожан в своем праве.

Иудеи охотно служили сборщиками налогов при мусульманах и при христианах, по большей части потому, что эта работа была невостребованной. Они также играли главенствующую роль в торговле, остававшуюся неизменной при вестготах, испанцах и мусульманах, - роль банкиров для обеих сторон. К примеру, Эль Сид лично вел дела с иудеями Кордобы, хотя еще в 1081 году Папа Римский был вынужден предостеречь Альфонсо VI Кастильского против назначений иудеев на властные позиции над христианами.

Завоевания XII века окончательно расшатали позиции иудеев в Иберии. Их результатом стали погромы и антисемитское законодательство, которые постепенно привели к окончательному изгнанию иудеев в 1492 году.

Каббала

Формальная запись Каббалы создана в Провансе в конце XII века, учение о ней быстро перешло Пиренеи. К середине XIII столетия Гранада и Толедо обладали академиями иудейского учения о мистицизме в различных его формах. Четкого кодекса Каббалы нет, однако ученые указывают на *Сефер ха-Бахир* (хаотическая смесь фрагментов текста, которых, тем не менее, хватило, чтобы определить идею *сефирота*) как на первый истинный каббалистический текст. С расцветом академий в Иберии в

География

Иудеи предпочитают селиться общинами в крупных городах, таких как Кордоба и Гранада, а также в портах южного и восточного побережья Испании, хотя найти их можно по всем широтам и долготам Иберии. Однако растущее давление со стороны режимов альморавидов и альмохадцев стало причиной массовых миграций в различные христианские города, в основном в Толедо. Также значительное количество иудеев, чья история возделывания земли тянется в прошлое вплоть до V века н.э., проживает на христианском севере. Евреи-торговцы очень много путешествуют по побережьям и вглубь полуострова. Многие крупные населенные пункты могут похвастаться как минимум малой еврейской общиной, а некоторые города

(особенно Кордоба, Гранада, Сарагоса, Севилья и Толедо) являются оживленными центрами иудейской культуры.

Христианская Иберия

Вскоре после вторжения мусульман спасшиеся бегством вестготские феодалы объединились с обитателями гор Астурии для борьбы против захватчиков под предводительством готского лорда дона Пелайо. Впоследствии потомки будут считать победу Пелайо над мусульманами при Ковадонге началом Реконкисты. Король Альфонсо I расширил свое королевство, Астурию, захватив Галисию, откуда ушли обосновавшиеся там мятежные берберы. Он также опустошил долину реки Дуэро к югу, создав тем самым внушительный буфер между владениями мусульман и христиан. В этих обезлюдевших землях в последующие века произошло множество битв.

В то же время баски вновь обрели независимость в своих западных Пиренеях, тогда как франки вытеснили мусульман из области Септимания на юго-западе Франции и захватили северо-восточную Испанию. Хотя Карлу Великому в 778 году не удалось взять Сарагосу, франки заняли в 801 году Барселону и подчинили себе большую часть Каталонии. Этот регион, позже известный как «Испанская Марка», был разделен на графства под управлением франков. Как следствие, Каталония поддерживала крепкие культурные и политические связи с франкской империей, а потом и Францией. В итоге эти отношения привлекли к региону внимание французских Тореадор, некоторые из которых рискнули переехать сюда с севера.

Начало Реконкисты

Пока каталонцы смотрели на север, жители Астурии обращали свои взгляды к югу. Альфонсо II сделал своей столицей Овьедо и предпринял попытку восстановить королевство вестготов, существовавшее до вторжения мусульман. Во второй половине IX века его потомок Альфонсо III выбрал удачный момент для атаки и разграбления владений мусульман, воспользовавшись их внутренними разногласиями. Ему удалось даже захватить имеющую большое значение крепость Порто. Альфонсо III также положил начало повторному заселению южных земель, заброшенных со времен вторжения. В качестве защиты от набегов мусульман он заложил множество фортов и замков по всему региону. Эти укрепления появились в таком количестве, что сама область стала в конце концов называться Кастилией. В это же время были написаны первые хроники иберийской истории, причем большая их часть подчеркивала историческую связь монархов

Астурии с ее предшественниками – вестготскими королевствами. Так появился на свет миф о том, что Реконкиста – это всего лишь возвращение незаконно захваченного маврами.

Эта легенда, естественно, отвечала целям клана Вентру, чья власть была узурпирована в результате нашествия. Вентру пристально следили за правящей династией Астурии, надеясь использовать их как *fer de lance*[1] в борьбе за восстановление своей власти до современного Римской империи уровня. Этот план, однако, оказался недальновидным. Как это представляли себе Ласомбра и даже Бруха, Реконкисте, скорее всего, предстояло растянуться на века, сопровождаясь многочисленными поворотами фортуны и периодами обратного хода событий. Разумным курсом, следовательно, было бы максимально возможное расширение сферы влияния.

Вентру, однако, упорно верили в слабость исламского мира, и чтобы опрокинуть его, нужен лишь сильный толчок. Возможно, эту уверенность они взяли от смертных, среди которых жили, особенно глядя на короля Астурии Гарсиа I, перенесшего свою столицу из Овьедо южнее – в Леон; это был знак уверенности в окончательной победе. Королевская уверенность, однако, была несколько преждевременной, а халифы Кордобы оказались гораздо более энергичными, нежели кто-либо мог предположить. Они восстановили в Иберии власть мусульман и возобновили набеги на земли христиан.

Санчо Великий и расцвет Наварры

О ранней истории Наварры известно немногое, но можно уверенно сказать, что ни римляне, ни вестготы, ни мусульмане так и не смогли на долгое время подчинить себе населяющих западные Пиренеи басков. Баски, таким образом, сохранили свой уникальный язык и культуру и вплоть до середины Средних Веков. Взятие Памплоны Карлом Великим в 778 году не было продолжительной победой. В том же году баски нанесли ему поражение в ущелье Ронсеваль, увековеченное в эпической поэме «Песнь о Роланде». В 806 и 812 годах франки также захватывали Памплону. Когда же франкские императоры не смогли более уделять внимание отдаленным границам своего государства, Наварра начала свое развитие в качестве независимого королевства.

Первым королем Памплоны был Иньиго Ариста. Его старший брат Гарсия Семен был герцогом Васконии. После смерти Иньиго Аристы в 852 году две территории были объединены, хотя дело осложнилось тем, что один из королей-наследников в течение 22 лет находился в плену у мусульман. В

[1] Основное оружие, ударный кулак(фр.)

905 году, однако, наваррцы избрали своим монархом Санчо Гарсеса (женатого на внучке предыдущего короля Фортуна). Санчо сражался с мусульманами, побеждая вновь и вновь, и присоединил к своим владениям большие территории полуострова. Перед смертью он завершил Реконкисту в Наварре, изгнав всех мусульман из региона. Один из его преемников, Гарсия Санчес, прозванный Трусом, также ввязался в несколько конфликтов с мусульманами. В правление его внука, Санчо III Великого, для Наварры наступила высшая точка процветания. Он захватил города Писуэрга и Сея, принадлежавшие Леону. Он также завоевал Кастилию и правил землями от границ Галисии до Барселоны. Однако, как обыкновенно случалось в те времена, после его смерти его владения были поделены между его сыновьями, и Наварра, Кастилия и Арагон стали независимыми королевствами. Страна так больше и не объединилась, и никогда не восстановила прежнее влияние.

Каиниты Наварры. Наварра не привлекала в значительной степени внимания Вентру и Ласомбра, поскольку оба клана были заняты своими делами в других регионах, пока не ввязались в христиано-мусульманский конфликт на полуострове. Как следствие, Наварра стала домом для прочих кланов, чья численность на полуострове была незначительна. Главным образом это были Малкавиан, благодаря Полоумному Роке, ставшему князем Памплоны вскоре после ее завоевания франками в 812 году. Он быстро установил приличных размеров домен в Наварре, на протяжении веков привлекавший его собратьев по клану. Труднопроходимая территория региона привлекала также внимание Носферату. К 1000 году или около того здесь насчитывалось множество этих каинитов благодаря предводительству Эзкерры, баскского патриота, объявившего всю сельскую местность сферой своих личных интересов.

Где-то около того же 1000 года Наварра стала убежищем для отделившейся группы последователей Ереси каинитов. Известные как Апостолы Каина Третьего, эти искренне верующие считали, что Нарсес, Архиепископ Земли Нод, был распутным гедонистом, абсолютно не заботящимся о благосостоянии Ереси. Под предводительством Бенезета Апостолы использовали Наварру в качестве своей базы, откуда они распространились вглубь полуострова. Даже в XIII веке численность их в Наварре весьма значительна.

Продолжение Реконкисты

В числе первых сражений следующего этапа обратного завоевания Иберии были битвы Рамона Бореля, который в 1010 году разграбил Кордобу в отместку за былые вторжения в его

собственные владения. Альфонсо V Леонский также извлек пользу из ситуации и привел свои владения к процветанию. В 1017 году он созвал общий совет, на котором провозгласил первый свод законов своей страны. К несчастью, христиане упустили момент, когда мусульмане были слабы, занимаясь своими старыми склоками – чего и опасались Ласомбра. В это время предводитель Вентру по имени Гутиэрре попытался сместить Малкавиана Роке – князя Памплоны. Хотя его попытка провалилась (закончившись Окончательной Смертью), она ознаменовала возврат Вентру к активной деятельности во владениях христиан.

Господство Наварры под властью Санчо Великого создало более тесные связи с северной Европой, особенно с Францией. Путь к Компостеле стал важной религиозной вехой для всей Европе, и французские паломники стали появляться все чаще. В Иберию пришла реформа монастырей, согласно французской клюнианской модели, а также французские феодальные обычаи, доселе неизвестные в регионе. Такой контакт с остальной Европой впервые привел в Иберию каинитов других кланов, что усилило здесь клан Тореадор. Иберия больше не была изолированным захолустьем, а медленно вливалась в европейское общество – что оказалось одновременно благом и проклятием для вампиров, так долго называвших полуостров своим домом.

Усиление христиан

Распространив свою власть на все христианские королевства, за исключением Каталонии, Санчо Великий сделал первые шаги на пути к объединению христианской Иберии, но их результаты окажутся недолговечными. Санчо относился к империи как к своей собственности, и распорядился, чтобы после его смерти владения были разделены между четырьмя его сыновьями в качестве наследства. Из-за этого вопрос единства Иберии был отложен в сторону, а нестабильность на полуострове лишь возросла. Каждый из сыновей Санчо получил королевский титул, и потому Кастилия и Арагон стали называться королевствами. Вермундо III унаследовал после смерти Санчо Леон, но Фернандо I нанес ему поражение и убил его в 1037 году. Захватив Леон, он принял титул «императора», смелый шаг, который требовал от него большей степени влияния, чем имелось. В последующие тридцать лет Фернандо пытался обрести власть над всем полуостровом, побеждая своих братьев и превращая соседние мусульманские государства в вассалов.

Тем временем граф Барселоны Рамон Беренгер I активно стимулировал интересы каталонцев и отношения с лордами

Лангедока на юге Франции. Он также опубликовал самые ранние законодательные тексты, известные как Usatges de Barcelona. Отношения между Каталонией и южной Францией продолжались до середины XIII столетия и привели к участию Каталонии в конфликте с катарами и другими еретиками. Кроме того, это гарантировало постоянное присутствие здесь Тореадор, всегда крайне заинтересованных в межкультурном обмене.

Следуя примеру отца, Фернандо I разделил свои владения между сыновьями, Санчо II, получившим Кастилию, и Альфонсо VI, ставшим правителем Леона. Два брата часто ссорились, и после убийства Санчо в 1072 году Альфонсо VI обрел короны Кастилии и Леона. Прежде чем признать его своим королем, кастильская знать потребовала от Альфонсо поклясться в том, что он непричастен к убийству брата, что он с готовностью сделал. Никто не может сказать, правдива ли была та клятва, хотя были некоторые обстоятельства, связывавшие его с этим делом. Среди новых вассалов Альфонсо был и Родриго Диас де Вивар, больше известный как Эль Сид. Родриго страдал от завистников при дворе нового короля и был отправлен в ссылку. Позже он использовал свои значительные умения, став наемником и блистательно служа сначала мусульманскому королю Сарагосы, а затем королю Валенсии. Его деяния вдохновляли и смертных и каинитов – и продолжают вдохновлять и после его смерти.

Поначалу Альфонсо VI сделал мусульманские государства своими вассалами, требуя от них щедрой дани. Однако, его желание возвеличить себя было столь велико, что он в конце концов выступил против них. Чтобы завоевать и тем объединить Иберию. Захват Толедо в 1085 году не только расширил границы его владений до самой реки Тахо, но и имел огромное символическое значение. Владение Толедо, древней столицей вестготских монархов, поддержало притязания Альфонсо на власть над всем полуостровом. Он показал свое могущество, провозгласив себя сначала «императором Толедо», а затем «императором Испании». Его власть была столь велика, что тысячи мусульман и евреев предпочли остаться под его защитой, а не бежать. Среди множества Ласомбра, наводнивших Толедо, был и Элиазар де Поланцо, с тех пор получивший верховную власть в городе.

Падение Толедо испугало мусульман южной Иберии. Они воззвали к помощи аскетической секты берберских фанатиков, известных как альморавиды. Альморавиды вторглись на полуостров и в 1086 году нанесли Альфонсо поражение при Залаке. Они также завоевали независимые мусульманские

королевства в попытке восстановить единство мусульманской Иберии. Это им удалось лишь отчасти. Их военная мощь была столь велика, что они заставили Альфонсо защищаться все оставшееся время его правления, тем самым на время остановив продвижение Реконкисты. Именно тогда Эль Сид с успехом отразил атаку альморавидов на Валенсию, завладев городом для себя и своих наследников. Тем не менее, его безвременная смерть в 1099 году в итоге привела к захвату города альморавидами.

Успехи альморавидов усилили Реконкисту, так как из многих стран севера Европы, в особенности из Франции, в Иберию стала поступать помощь. Французские рыцари и крестоносцы с оружием встали рядом со своими иберийскими соратниками, чтобы сражаться против мусульман. В результате они сделали взаимодействие Иберии с остальным миром. Например, реформатор Папа Римский Григорий VII потребовал единства литургии, распорядившись заменить использовавшийся многие века мозарабский чин богослужения на романский чин. Некоторые Ласомбра, например, Сильвестр де Руис, считали, что такое единообразие будет Иберии полезно, так как поддержит давление Реконкисты. Другие боялись, что это породит мощную обратную реакцию против Церкви, что в итоге подорвет ее авторитет. Папа Григорий также попытался распространить папский суверенитет над Иберией, но лишь немногие страны согласились подчиниться, а Григорий на этом не настаивал. Тем не менее, Церковь становилась все более значимой в Иберии, что не могли не заметить каиниты. В последующие десятилетия многие кланы дали Становление большому числу священников и клириков в попытке обеспечить себе право голоса в будущем. Именно в это время под Проклятие Каина подпал печально известный архиепископ Амбросио Луис Монкада.

Альфонсо VII стал королем Леона в 1126 году и восстановил авторитет своей страны. В 1135 году он был коронован в Леонском соборе как император, что должно было подтвердить притязания Леона на господство над всей Испанией. Однако вновь созданное объединение Арагона и Каталонии, а также недавно обретшее независимость Португальское королевство вскоре бросили обескураживающий вызов этим притязаниям. В очередной раз те немногие Вентру, кто все еще питал имперские надежды на единую Иберию, обнаружили противодействие своим попыткам со стороны тех самых смертных, которыми они намеревались манипулировать. Это послужило интересам Ласомбра, которые не желали видеть, как на полуострове набирает силу государство, подчиненное

Вентру. Таким образом, в первой половине XII века имело место гораздо больше сражений между христианскими королевствами, нежели продвижения Реконкисты.

Тем временем Альфонсо I Арагонский расширил свои владения до реки Эбро, захватив Сарагосу в 1118 году. Затем он продвинулся далеко вглубь мусульманских земель, где он освободил мозарабов Гранады и поселил их в Арагоне. С этого момента лишь немногие мозарабы остались на мусульманской территории. Как следствие, делами арагонцев заинтересовались Тореадор, дав Становление нескольким мозарабам для сохранения своих инструментов в преддверии централизации Арагона. Эти мозарабские каиниты служили Тореадор еще и в качестве неживого напоминания об утерянной культуре – еще одной катастрофе Реконкисты.

Перед смертью Альфонсо завещал свои владения военным орденам госпитальеров и тамплиеров, а также Храму Гроба Господня в Иерусалиме. Его подданные, однако, отвергли это распоряжение, боясь, что эти возглавляемые французами ордена будут оказывать еще большее влияние на их страну. Наваррцы, бывшие под властью королей Арагона с 1076 года, в 1134 году избрали собственного монарха Гарсию IV Рамиреса, а арагонцы попросили брата покойного короля, Рамиро II, оставить монашескую жизнь и принять корону. Рамиро отнесся к этому неохотно, но он чувствовал некоторую ответственность перед своей родиной. Итак, он оставил монастырь на время, достаточное для того, чтобы жениться и стать отцом дочери Петронилы, которая могла бы потом унаследовать королевство после него. Вскоре после он вернулся в монастырь к той жизни, которую покинул.

В 1137 году Петронила была обручена с графом Барселоны Рамоном Беренгером IV, который взял на себя управление Арагоном. Их сын Альфонсо II объединил королевство Арагон с графством Барселоны, создав еще одну объединенную корону. Этому слиянию препятствовали многие обстоятельства, ключевым из которых стало языковое и культурное различие двух владений. В вампирских кругах вражда между Ласомбра и Тореадор также служила подрыву объединения. Тем не менее, единое государство выдержало и позволило Арагону выйти к морю, сделав его морской державой, чье влияние простиралось далеко за пределы Иберийского полуострова. Тем не менее, Арагонская корона, как страна называлась впоследствии, не стало единообразным. Оно состояло из двух разных регионов, каждый из которых имел свои законы и традиции.

После падения империи альморавидов христианские королевства попытались извлечь выгоду из ситуации. Они

участили набеги на владения мавров и стали разыгрывать одну группировку против другой. Королевства полуострова также получали помощь из Европы. Именно это сильнее прочего характеризовало середину XII века: сотрудничество христианских государств. Пока мусульмане воевали друг с другом и, кажется, были больше заинтересованы в улаживании внутренних споров, христиане Иберии регулярно прибегали к объединению перед лицом мусульманской угрозы. Под предводительством деятельных лидеров, таких, как де Руис и его дитя Монкада, так же поступали и каиниты-христиане.

Подъем Кастилии и Арагона

Появление альмохадцев поначалу заставило многих христиан Иберии обороняться, но они не желали отказываться от мечты о Реконкисте. Поэтому в 1179 году король Кастилии Альфонсо VIII и король Арагона Альфонсо II подписали договор о том, какие части мусульманской территории попадут под власть каждого при расширении Реконкисты. Кастилия приобретала право присоединить Андалусию и Мурсию, а Арагон получал Валенсию. К несчастью, Альфонсо VIII Кастильский был недоволен таким ограничением своих завоеваний. Тогда он обратил свое внимание на своих христианских соседей, которые оказали ему сопротивление, ослабив тем самым коалицию, бывшую столь дружной на протяжении десятков лет. Как следствие, в 1195 году Кастилия потерпела от альмохадцев катастрофическое поражение при Аларкосе, что к югу от Толедо.

Несмотря на амбиции короля Кастилии, сила альмохадцев заставила прочие христианские государства искать с ним компромисса; с обновленным сотрудничеством пришел новый успех. Санчо VII Наваррский и Педро II Арагонский присоединились к Альфонсо VIII, войскам Португалии и Леона в 1212 году, одержав верх над силами Альмохада в грандиозной битве при Лас-Навас-де-Толоса. Эта выдающаяся победа ознаменовала начало конца империи альмохадцев в Иберии, поскольку впервые за многие века войскам христиан открылся путь в земли Андалусии. Теперь оставалось лишь вопросом времени, когда им удастся сокрушить своих врагов-мусульман и возвестить эндшпиль Реконкисты.

Подъем Каталонии. Арагонская корона была двойным королевством, состоявшим из двух объединенных, но отдельных земель. Ее правитель, как король Арагона, стал предводителем Реконкисты. Как граф Барселоны, однако, он поддерживал сильные связи с южной Францией, где несколько французских лордов были его вассалами. Таким образом, когда в 1209 году Папа Иннокентий III объявил крестовый поход против

альбигойцев, Педро II оказался вовлечен в конфликт. Он не испытывал любви к еретикам-дуалистам, но вполне обоснованно боялся, что присутствие столь большого числа французских крестоносцев в регионе в конце концов подорвет его собственную феодальную власть. Поэтому он принял сторону своих французских вассалов, часть из которых симпатизировали альбигойцам. Это способствовало значимости Каталонии как для Ереси каинитов, так и для Апостолов Каина Третьего, ведь и те и другие имели в стране убежища.

Падение Наварры. После убийства Санчо IV в 1076 году Наваррой совместно управляли Альфонсо VI Кастильский и Санчо Рамирес Арагонский. Города к югу от Эбро и баскские провинции отошли Кастилии, а остальное – к Арагону, который и удерживал их до 1134 года. Брат Педро Санчеса – Альфонсо Воитель - обеспечил стране крупнейшее расширение территории. В 1114 году он отвоевал у мавров Туделу, захватил целиком государство Буреба и углубился в Бургос. Вдобавок Альфонсо добавил к своим владениям множество других областей, вновь раздвинув границы Наварры – хотя и не достигнув их прежнего размера.

Когда Альфонсо в 1134 году умер, оставив наследников, Наварра и Арагон вновь отделились друг от друга. В Арагоне королем стал брат Альфонсо – Рамиро. В Наварре трон занял Гарсиа Рамирес, внук Санчо Великого. Гарсиа был слабым королем, и был вынужден в 1136 году сдать город Риоха Кастилии, а в 1157 отдать Арагону город Таррагона. Более того, он был принужден объявить себя вассалом короля Альфонсо VII Кастильского. Гарсиа был совершенно неумелым и в разные периоды времени зависел от доходов церквей и монастырей. В неудачное правление Гарсии сила Малкавиан и Носферату росла, а Вентру и Ласомбра в значительных количествах покидали страну.

Сын Гарсии, Санчо Гарсиа Мудрый, покровитель науки и искусств, а также искусный политик, укрепил Наварру изнутри и снаружи. Он также предоставил привилегии множеству городов и никогда не терпел поражений в битвах. Правление его наследника Санчо Сильного было более беспокойным. Он присвоил доходы церквей и монастырей, взамен даровав им важные привилегии. В 1198 году он даровал престолу Памплоны свои дворцы и имущество в этом городе, и этот дар в 1199 году был одобрен Папой Иннокентием III. Во время его экспедиции в Африку против альмохадцев в Наварру вторглись короли Кастилии и Арагона. Вследствие этого королевство пришло в еще больший упадок, потеряв часть территорий в пользу своих христианских соседей. Наибольшая слава досталась Санчо

Сильному в битве при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году. Благодаря его отваге победа христиан над халифом Мухаммадом аль-Назиром была обеспечена – хотя будущее самой Наварры было вовсе не таким радужным.

Португалия

Афонсу Энрикеш, первый король Португалии, в равной степени с помощью военной силы и дипломатии политической независимости страны, а также расширения ее границ путем завоевания мусульманских земель. Когда Афонсу взошел на трон, мусульмане занимали больше половины территории королевства, которым он в один день будет править. Хотя он объявил себя королем в 1139 году, прошли годы, прежде чем он смог получить признание своего титула королем Леона Альфонсо VII, чьей стране ранее принадлежала территория Португалии.

В начале своего правления Афонсу Энрикеш решил защитить себя от притязаний Леона на свои владения. Для этого он в 1143 году предложил свое королевство Церкви, объявив себя вассалом Папы. Вдобавок он обязался выплачивать Папскому Престолу ежегодную подать в размере четырех унций золота. Папа Луций II одобрил это соглашение, взяв Португалию под свою защиту и признав ее независимость. В 1179 году Папа Александр III подтвердил статус Афонсу Энрикеша как короля Португалии, ознаменовав тем самым подлинное рождение на Иберийском полуострове этой новой нации.

Получив подтверждение своей власти от папы, Афонсу Энрикеш отказался от идеи расширения своих владений за реки Миньо и Доуро, которые образовывали границы государства на севере и востоке. В конце концов, это могло навлечь гнев его бывшего господина, короля Леона – чего Афонсу всеми силами старался избежать. Вместо этого он сосредоточил свое внимание на землях к югу, контролируемых мусульманами. Он организовал регулярные атаки, и использовал широкий набор стратегий, позволяющих застать врагов врасплох, включая ночные набеги на их поселения. В 1147 году он захватил практически неприступный город Сантарен. Позже в том же году в его руки после четырехмесячной осады попал Лиссабон. Одержать эту победу Афонсу Энрикешу помог флот из 164 кораблей, направлявшихся принять участие во Втором Крестовом походе. Как только португальцы надежно завладели Лиссабоном, Афонсу объявил город новой столицей. Затем он назначил англичанина по имени Гилберт епископом и перенес мощи святого Викентия в собор.

Захват Лиссабона стал началом долгого и успешного сотрудничества Португалии с крестоносцами, многие из

которых остались в регионе, чтобы помочь Реконкисте. Более того, Афонсу Энрикеш даже не пытался захватить мусульманский город Алькасер-до-Саль, пока в 1158 году не прибыла новая группа крестоносцев. С их помощью под власть Афонсу попали города Эвора и Беха. К несчастью, полководческий талант Афонсу превосходил его способности к управлению завоеванными территориями. Поэтому мусульмане вскоре вернули себе все земли к югу от реки Тежу (по-испански Тахо). Последние дни жизни Афонсу прошли в попытках удержать свое королевство в целости – часто не имевших успеха. Тем не менее, правление его вряд ли можно назвать неуспешным. К 1185 году, когда Афонсу умер, независимость Португалии была вне опасности, ее территория удвоилась, а название королевства было известно всей Европе за его упорную борьбу против мусульман. Афонсу, таким образом, сумел достичь гораздо большего, чем многие его современники.

С точки зрения каинитов, Афонсу Энрикеш освободил западную оконечность Иберии из-под владычества Аширры. Это послужило целям старейшин Бруха, которые искали на полуострове свою утопию еще до прихода мусульман. Однако альянс Афонсу с Церковью привлек внимание христиан Ласомбра, которые начали небольшими группами просачиваться в Португалию. Это привело к стычкам между Фанатиками и Судьями, что, в свою очередь, послужило отправной точкой для Ереси каинитов.

Наследник Афонсу Энрикеша, Саншу I, продолжил дело Реконкисты и прибрал к рукам большую часть региона Алгарве. К огорчению Саншу, успехи альмохадцев вновь отодвинули границы Португалии назад, на этот раз до реки Тежу. Санчо, тем не менее, был упрямым человеком, не поддававшимся неудачам. Он решительно противостоял альмохадцам и, в качестве демонстрации своего презрения, активно строил города и заселял с таким трудом завоеванные территории, заработав себе прозвище Заселитель. Он прослыл также человеком алчным. За время своего правления он скопил огромное состояние с помощью частых набегов на богатые владения мусульман. Перед восхождением на трон Саншу испросил папское подтверждение его королевского титула и получил его, что защитило его от соседей-христиан, многие из которых поглядывали на Португалию не менее жадно, чем на мавританские земли. Сам Саншу не торопился отдавать Святому Престолу подать, обещанную его отцом, а после его смерти выплаты и вовсе прекратились – знак того, что положение Португалии уже не было настолько шатким, чтобы требовать папской защиты. Португальские каиниты ставили

дополнительные препятствия влиянию священнослужителей, чтобы предотвратить распространение Ереси каинитов или влияния Ласомбра, глубоко запустивших когти в Церковь. Португалия стала землей, где вампиры приобретали власть скорее через солдат и воинов, а не с помощью церкви.

В борьбе с мусульманами Саншу продолжил опираться на помощь крестоносцев. Вдобавок он полагался на военную мощь воинствующих орденов, таких, как тамплиеры и госпитальеры, которым он предоставлял огромные богатства и влияние в обмен на защиту приграничных замков и поселений в его владениях. Саншу был также суеверным человеком, склонным к консультированию с астрологами и провидцами по многим государственным вопросам. Например, его регулярно сопровождала ворожея, к ужасу священнослужителей, боявшихся, что ее присутствие пошатнет христианскую веру короля.

Эти страхи были вполне обоснованны – но отнюдь не по тем причинам, которые предполагали церковники. Канцлер Саншу – Юлиан, изучавший римское право в университете Болоньи, нацелился на повышение королевского влияния за счет ослабления Церкви. Например, Саншу вмешался в противостояние епископа города Опорто и горожан, действуя против священника. Папа Иннокентий III отменил его решение и наказал Саншу, отлучив Португалию от церкви, что король открыто проигнорировал. Аналогичным образом он вмешался в конфликт между епископом Коимбры, которого он заключил в тюрьму и обращался с ним крайне жестоко. Таким образом, Саншу оказался наиболее корыстным из правителей Иберии, продолжая дело Реконкисты исключительно ради собственных целей, а не во имя религии.

Все оставшееся время своего правления Саншу атаковал права и привилегии духовенства. В частности, он отказался признавать юрисдикцию духовных судов. Он также не признал освобождение священнослужителей от военной службы, что привело к многочисленным конфликтам с духовным руководством. Хотя перед своей смертью он пошел на некоторые уступки, споры, им начатые, продолжались во все время правления двух следующих королей. В течение примерно ста лет духовники и корона были вовлечены в борьбу за пределы власти тех и других. Это противостояние, в конце концов, ослабило гибкость Португалии и сделало ее легкой добычей для некоторых соседей по Иберийскому полуострову, кое-кто из которых все еще наблюдал за ее землями и богатствами.

Первые короли Португалии награждали за верную службу обширными наделами земель. На этих территориях королевская

власть теряла силу. Когда их владельцы умирали, не оставляя наследников, земельные наделы часто отходили Церкви. Со временем монастырям и благородным семействам стала принадлежать такая большая часть страны, что остальное не производило достаточного дохода, чтобы покрыть все возрастающие расходы правительства. Португальские монархи пытались выйти из затруднительного положения аннулированием дарственных, что, естественно, встретило дальнейшее сопротивление – как со стороны знати, так и со стороны духовенства. Сын Саншу, Афонсу II, несмотря на свары своего отца с Церковью, позаботился о том, чтобы получить признание своего титула Святым Престолом в 1211 году. Хотя Афонсу II остается в общем мирным королем, его сторонники сражались рядом с кастильцами в великой битве при Лас-Навас-де-Толоса, увенчавшейся победой христиан.

Ближайшее будущее

В годы, последовавшие за битвой при Лас-Навас-де-Толоса, граница христианских владений двигалась к югу быстрым шагом, но вряд ли можно сказать, что это были годы легких побед. В землях мусульман битва создала вакуум власти, который заняли некоторые из оставшихся *таифа*, наиболее значимыми из которых стали Мурсия и Архона. Мурсия превратилась в центр сопротивления христианским государствам – и вместе с тем в убежище для банд Аширры, надеющихся нанести удар врагам их веры. Архона, напротив, становится вассалом Кастилии, вплоть до оказания помощи силам кастильцев в борьбе против других мусульманских государств. Такой прагматичный подход позволил Архоне раздвинуть свои границы и присоединить к себе окружающие территории, особенно Гранаду. К концу XIII столетия это последнее из оставшихся королевств таифа на полуострове – государство-буфер между растущей силой христиан и Альмохадской империей в Северной Африке.

На севере Педро II Арагонский умирает в 1213 году в Мюре от рук крестоносцев, отправившись на помощь своему зятю, графу Тулузы. Смерть Педро стала ударом, от которого власть Каталонии в южной Франции так и не воспряла, к большому неудовольствию Тореадор. Реконкиста близится к завершению с медленным угасанием Альмохадской империи. Хайме I Арагонский в 1229 году использует морскую мощь Каталонии для завоевания корсарского королевства Мальорка, что знаменует первые успехи Арагонской короны в использовании вновь обретенной силы флота для расширения зоны влияния в Средиземноморье. Завоевание королевства Валенсия

оказывается более сложным, особенно притом, что Хайме приводят в смятение события в Наварре. Ее король Санчо VII, не имеет наследников, и растущее количество французских претендентов на престол становится все более частым предметом забот.

В других территориях Альфонсо IX Леонский расширяет свои владения к реке Гвадиана. В 1230 году он захватывает Мериду и Бадахос, подготавливая себе путь к завоеванию Севильи позже в этом же году. С помощью крестоносцев Афонсу II Португальский в 1217 году возвращает себе Алькасар-до-Саль, но к 1221 году вновь разгораются старые споры. Афонсу конфискует собственность церкви и вынуждает духовников обращаться к мирским судам и служить в войсках Реконкисты. Архиепископ Браги созвал собрание священников, на котором обвинил короля в многочисленных преступлениях, в том числе в отречении от христианской веры. Король ответил конфискацией имущества архиепископа, которому пришлось бежать в Рим. Папа Гонорий III послал трех испанских епископов, чтобы побеседовать с Афонсу и разрешить ситуацию. К несчастью, эта встреча принесла мало пользы и привела к отлучению Афонсу от церкви годом позже. Затем Папа пригрозил отобрать владения короля и поручить правление регионом любому правителю, который того пожелает. Напуганный потерей королевства, за которое так упорно сражался его дед, Афонсу[1] в конце концов смягчился, пойдя на уступки Церкви незадолго до своей смерти в 1223 году.

[1] Исправлена опечатка, по оригинальному тексту - "Саншу"

Часть II: Христианские королевства

Кто из Кастильи сюда пришел,
Тот силой у мавров хлеб пусть берет

«Песнь о Сиде»

Христианские королевства Иберии – продукт многовековых вторжений и завоеваний. Этот факт определил колорит земель глубочайшим образом и на долгое время, сделав христиан Иберии военизированным народом, решающим разногласия силой оружия чаще, чем дипломатией. Они также мрачны и задумчивы, поскольку слишком хорошо знают: цена прогресса часто выражается в страданиях.

В начале тринадцатого столетия народы, населяющие регион, объединились и проложили собственный путь развития впервые с тех пор, как люди населили эту землю, не знающую пощады. После веков жизни под властью пришельцев извне – будь то карфагеняне, римляне, вестготы или мусульмане – иберийцы получили контроль над своими судьбами и создали здесь новую цивилизацию, унаследовавшую что-то от всех этих культур и в то же время превзошедшую их. Эти королевства – уникальный сплав культур, удивительный и пугающий одновременно. Подобные противоречия, разумеется, свойственны молодым и энергичным государствам. Самым старым из них едва ли пять столетий. Многие – как, например, Португалия – не просуществовали и этого срока. Как следствие, эти земли обладают динамизмом, которого недостает их любому из их современников на континенте. Но вместе с тем в их наследстве – резня, гражданские войны, вторжения, предательства и конфликты.

Христианская Иберия многим привлекает мужчин и женщин. Они приходят, чтобы стать свидетелями зарождения новой цивилизации, увидеть великие победы Реконкисты – и попутно обогатиться. С каждым годом христиане отодвигают исламскую угрозу прочь, поглощая новые территории и знания. Эти приобретения манят в Иберию ученых, солдат, торговцев и священников. Вдобавок богатства владений мавров превосходит лишь алчность тех, кому предстоит их заполучить. Прикрываясь верой и надеясь поймать удачу под знаменем святого крестового похода, в Иберию стекаются авантюристы и лицемеры.

Куда бы ни направились смертные, по их следам идут каиниты. Христианские королевства Иберии влекут

бессмертных гостей, как пламя привлекает мотыльков. Многие, обычно новообращенные, приходят на полуостров, исполненные тех же надежд, что и смертные: увидеть свершающийся Божий промысел и занять вновь завоеванную территорию. Приключения манят их вдоль плодородных равнин и скалистых предгорий, делая земли все более привлекательным пунктом назначения.

Сила веры в этих землях также заразительна. каиниты духовных наклонностей не могут отогнать от себя чувство, что эти места под рукой Господа, который предлагает искупление всем, кто усердно его ищет. Вера также является мощным инструментом манипулирования; однако не все, кто трудится под сенью креста, делает это во славу Христа. Цели многих смертных и каинитов далеко не благочестивы, и хаос, царящий в Иберии, предлагает им шанс достичь этих целей.

За кулисами происходящего сталкиваются группы вампиров, каждая из которых желает употребить энергичность государств к своей пользе. Явное преимущество здесь у крупного объединения христиан Ласомбра. Стремление магистров выждать удобный момент и нанести удар по прошествии веков помогли им сместить могущественных лордов Вентру. Некоторые Бруха также добились уважения, особенно в областях вроде Португалии, где новое мышление завоевало прочные позиции. Идеями, бурлящими в этих пропитанных кровью землях, заинтересовались также Тореадор. Другие кланы и группы каинитов тем временем борются за место под луной, зеркально отображая усилия групп смертных, размозженных железной пятой Реконкисты.

Все же, при всех своих энергичности и динамике, христианские королевства испытывают также и очевидную грусть, осознание того, что их блестящее будущее оплачено кровью и слезами. В отличие от каинитов, жизнь смертных коротка. Они охотно жертвуют собой во имя блага будущих поколений, хотя и не без сожалений, что им самим не удастся узреть плоды трудов своих. А потому, пока Ласомбра плетут свои интриги, а Бруха мечтают об утопии, смертные этих королевств в борьбе создают лучшее настоящее себе и лучшее будущее – своим детям.

Арагон

Название Арагону дает один из притоков Эбро, впадающий в него рядом с Алфаро. Река очерчивает неправильный эллипсоид, ограниченный на севере центральной частью Пиренеев, на востоке соседствующий с Каталонией и Валенсией, на юге – с Валенсией и Кастилией, и с Кастилией и

Наваррой на западе. Страна включает в себя наиболее высокие горные участки Иберийского полуострова – и, пожалуй, всей Европы. На севере Арагон окружен Пиренеями, на западе – горной грядой Монкайо, а на юге – горами Монтес Универсалес и Сьерра да Гвара.

Эбро пересекает страну с северо-запада на юго-восток. Практически все остальные реки страны – его притоки. Такие топографические условия сделали почву Арагона весьма плодородной. Вдобавок горы покрыты густыми лесами, и на деревьях обильно созревают плоды. В противоположность этим районам страны многие другие засушливы и страдают от недостатка воды, что привело к относительно низкой населенности отдельных областей.

Лерида

Город Лерида ведет свою историю от времен Римской империи, однако точная дата его основания неизвестна. На месте современной Лериды до времен римского владычества существовал город под названием *Ллерда*. В период Пунических войн жители города поддержали карфагенян. В то время в городе проживало некоторое количество Бруха, тесно связанных с Карфагеном, однако все изменилось, когда римский полководец Сципион потерпел поражение в битве при Ханно в 216 году до н.э. Затем в городе поселились римские Вентру, которые постепенно выживали из города или уничтожали своих врагов – Бруха. Веками после этого Бруха вели подпольную войну с Вентру. Борьба, однако, утихла, когда в начале VIII века город был захвачен маврами. Ситуацией воспользовались вампиры-мусульмане клана Ласомбра, сместившие старейшин обоих кланов.

Неоспоримый контроль над городом оставался в руках Ласомбра вплоть до 1149 года, когда Рамон Беренгер IV захватил город, присоединив его к владениям королевства Арагон. В город, ставший резиденцией королей Арагона, пришли амбициозные и бескомпромиссные христиане Ласомбра, решившие вымести сор из дома. Под предводительством Анхеля де Мельгарехо эти каиниты методично истребили своих собратьев-мусульман, не обращая внимания на мольбы тех к *Amici Noctis* о заступничестве. С этого времени вся власть над вампирами города сосредоточилась в руках князя Анхеля. Слухи о членах Аширры, переживших чистку, тревожат князя. Чтобы найти и раз и навсегда уничтожить каинитов-мусульман (если они все-таки остались), он организовал инквизицию.

Описание. Благодаря своему стратегическому расположению, Лерида всегда была важной (и, как следствие,

основательно укрепленной) позицией, сначала для мавров, после для христиан. Главная ее крепость – Ла Алькасаба, построенная в 1149 году, возвышается над частью города, расположенной на правом берегу реки Сегре. Сейчас здание представляет собой достроенную мусульманскую цитадель. Собственно, *алькасаба* в примерном переводе с арабского означает «крепость». В правление мавров Ла Алькасаба использовалась султаном каинитов в качестве убежища, однако христианский князь не стал придерживаться традиции. Вместо этого Анхель и его двор заняли несколько строений по соседству с новым городским собором.

В архитектуре собора видно влияние византийских и готических тенденций (будто бы в пику арабскому стилю большинства остальных городских зданий), и он постоянно достраивается. Он был заложен лишь в 1203 году и вряд ли будет завершен в ближайшее время. Это монументальное сооружение привлекло ремесленников, каменщиков и инженеров со всей Европы. В их числе пришли и каиниты, включая вытесненных Вентру, ищущих возможности вернуть себе былое положение в городе. Это лишь прибавило Анхелю де Мельгарехо забот, касающихся стабильности его власти – и эта же проблема занимает старейшин клана Ласомбра.

Политика и религия. Значимость Лериды основывается на размещении в ней двора короля Педро II. Педро стремится расширить влияние Арагона за пределы Иберии, дальше в Европу. В этом его поддерживают советники, большинством которых манипулируют Ласомбра. Со своей стороны, Педро ищет союзников среди феодалов на юге Франции. Для дальнейшего укрепления своего присутствия к северу от Пиренеев король надеется заключить брак с француженкой. Некоторые церковники подвергают сомнениям интерес короля к югу Франции, обеспокоенные тем, что среди его советчиков могут быть тайные приверженцы катаризма[1].

Дела каинитов. Многочисленные члены Ереси каинитов желают, чтобы опасения Церкови насчет короля Педро подтвердились. В последнее время попытки Еретиков и их союзников усилить влияние на двор Арагонского королевства оканчиваются ничем. В некоторой степени, это испытание на прочность власти Ласомбра в Арагоне. Старейшины клана

[1] Катары - христианское религиозное движение, распространённое в XI-XIV веках в ряде стран и областей Западной Европы. Противодействие катаризму долгое время было одним из главных мотивов политики римских пап и достигло кульминации в начале XIII века. Основанием метафизики катаров действительно является вера в два начала, дуализм, основанный на противопоставлении невидимого мира света Божьего и этого мира, обреченного на разрушение и смерть злым творцом (дьяволом).

стремятся предотвратить любые – в том числе со стороны своих собратьев-Еретиков – действия против роста и экспансии Арагона. Становление сводной сестры Педро Лючиты в 1190 году – лишь часть этих интриг. Хотя Лючита путешествует по Европе по поручениям своего сира Амбросио Луиса Монкады и других членов *Amici Noctis*, она также поддерживает связь с агентами в Лериде, при королевском дворе. Князь Анхель до сего времени был ее союзником, однако он опасается того, что новообращенная станет опасным противником.

В еще большее бешенство Еретиков приводит то, что одной из их ветвей, Апостолам Каина Третьего, удалось внедрить своего агента в двор короля Педро. Гуиллем Савалл не предпринимает никаких действий сам и не использует агентов-смертных. Вместо этого он наблюдает за происходящим в королевском дворце, стремясь увидеть подтверждение тому, что смертный правитель является долгожданным мессией Апостолов. Еретикам весьма бы хотелось получить доступ к королю, каким обладает Гуиллем, однако Апостолы отвергают любую попытку объединения. В этом Ласомбра, по-видимому, им помогают, как и Лючита, – хотя ее мотивы остаются непонятными.

Король Педро мало заинтересован в религиозных делах. Его заинтересованность югом Франции лежит скорее в области политики, нежели теологии. Тем не менее, это не может ни успокоить тревоги смертных клириков, ни удержать агентов Ереси каинитов от попыток закрепиться при королевском дворе. Вследствие этого Апостолам Каина Третьего удается поддерживать баланс сил. На эту маленькую группировку пытаются влиять и Ласомбра, и каиниты-Еретики, каждые ради того, чтобы не дать противнику преимущества во власти. Увы, обе фракции придерживаются прямолинейными действиями лидеров. Лючита не может слишком тесно связываться с Апостолами, поскольку ее сир архиепископ Монкада не испытывает к Ереси каинитов – в любых ее формах – ничего, кроме неудовольствия. В то же время на Никиту Средецкого, нового архиепископа Земли Нод, оказывается сильное давление из боязни проявить излишнее миролюбие по отношению к раскольникам: от него требуют достигнуть компромисса с Апостолами. Таким образом, Гуиллем Савалл очутился в завидном положении: его обхаживают сразу две враждебные группировки, в поддержании любой из которых он мало заинтересован.

Сарагоса

Великолепная Сарагоса расположилась на берегах реки Эбро. До прихода римлян в этом месте существовало небольшое

и незначительное поселение кельтиберов Сальдуба. В I веке до н.э. император Август основал колонию, названную *Цезария Августа*, сделав ее столицей местных владений Рима и укрепленным военным пунктом. Помпоний Мела называл ее «наиболее зрелищным из внутренних городов Хиспании Тарраконенсис». Новая колония привлекла внимание каинитов клана Вентру, объявивших ее своей.

Религиозная история Сарагосы – одна из древнейших в Иберии; начало ее относят к легендарной миссии святого Иакова – факт, в котором никто из христианского населения города никогда не сомневался. История храмов Благословенной Девы Пилар и святых Афанасия и Теодора тесно связана с легендой об основании святым Иаковом Сарагосской церкви. Эти двое святых были учениками святого Иакова и, предположительно, стали первыми епископами Сарагосы.

Город стал свидетелем нескольких массовых казней христиан, устроенных римлянами. Святой Валерий был епископом Сарагосы в начале IV века и принял мученическую смерть по приказу префекта Дациана[1] вместе со своим диаконом святым Викентием. Князь города, Вентру Флавий Сидонис, одобрил эти казни. Он был приверженцем неоплатонизма и был более чем счастлив видеть страдания Валерия и Викентия от рук римлян. Согласно местной легенде, Дациану удалось схватить множество новообращенных христиан с помощью хитрости. Император объявил, что позволит свободно исповедовать веру любому христианину, кто покинет Сарагосу в назначенный день через определенные городские ворота. Те из христиан, кто так и сделал, попадали под меч, а тела их сжигались. Прах сожженных смешивался с прахом преступников, так что поминовение стало невозможным. Как гласит легенда, над перемешанными останками прошел чудесный дождь; прах мучеников под ним стал белоснежным веществом, отделившись таким образом от праха грешников. Это вещество поместили в крипту церкви, посвященной святой Энгратии, где оно сохраняется по сей день. Святого Винсента увезли в Валенсию, где он претерпел долгие и тяжкие мучения от рук римлян. Святой Валерий был изгнан в местечко Энет, что возле Барбастро, где и умер. Хотя его останки верующие перевезли в Роду, чтобы уберечь их от мусульманского нашествия, его голова и десница были возвращены в Сарагосу, когда христиане отвоевали город.

---

[1] По тексту книги – «императора Дациана», однако в действительности Дациан был посланником императора Диоклетиана в должности префекта Сарагосы.

В V веке Сарагоса была захвачена сначала свебами, а затем и вестготами. Тем не менее, святой Исидор Севильский[2] говорит о ней как об одном из величайших городов Иберии времен готского владычества, а Паценсис[3] называет ее «самый древний и наиболее процветающий» город региона. Нашествие готов не причинило большого вреда успехам Вентру. Однако Флавий был разочарован грубостью варваров-захватчиков, которым было мало дела до римской утонченности. Посему князь проглотил свою гордость и скромно поддержал Церковь, с тем чтобы сохранить в Сарагосе хоть что-то из римских традиций. Как восторженно писали позже, его гамбит окупился. Однако Церковь в результате действий Флавия обрела неслыханную власть, что стоило власти ему самому.

В период мусульманской оккупации Флавий и его потомство попытались переманить на свою сторону схожих с ними мавританских каинитов. Князь считал каинитов Аширры культурным народом, с которым можно прийти к взаимному согласию. Он надеялся использовать их как средство для ослабления влияния Церкви в Сарагосе – укрепляя тем самым свой пошатнувшийся авторитет.

Поначалу эти попытки работали на Вентру. По предложению князя несколько церквей были перестроены в мечети. Однако воля христианского населения лишь укреплялась. В результате Аширра пришла к выводу, что совет Флавия был лишь способом вдохнуть жизнь в Сарагосу как источник христианства. Вскоре, в 912 году мусульмане-каиниты основали независимый султанат, игнорируя Флавия и подрывая его домен. Последующие две сотни лет Флавий Сидонис был князем лишь номинально.

Альфонсо I Арагонский нанес маврам поражение и захватил город 18 декабря 1118 года. Вновь назначенный архиепископ Сарагосский сначала располагался в Церкви Святой Девы Пилар, однако 6 января 1119 года он освятил одну из мечетей, нарек ее в честь Спасителя и перенес в нее епископский престол. Собор Святого Спасителя имеет огромное символическое значение для жителей Сарагосы, поскольку он был возведен на месте старой церкви, которая, в свою очередь,

[2] Святой Исидор Севильский - архиепископ Севильи в вестготской Испании, последний латинский отец Церкви и основатель средневекового энциклопедизма. Компилятор мосарабского богослужебного обряда. Председательствовал на Четвёртом Толедском соборе, который утвердил единство государства и церкви, а также санкционировал политику веротерпимости к евреям.

[3] Паценсис (Исидор Паценсис, Исидор из Бехи) - предполагаемый составитель (возможно, вымышленная личность) "Хроники 754 года", документа, описывающего историю Астурии, завоевания Испании и юга Франции маврами.

построена на фундаменте одной из первых на Иберийском полуострове мечетей. В глазах местных он означает не только освобождение города от мавров, но и продвижение Реконкисты. Подобное почтение оказывают собору даже некоторые каиниты – хотя очень немногие из них осмеливаются подходить к нему чересчур близко.

Решение о перенесении епископского престола в собор Святого Спасителя было негативно воспринято канониками Церкви Святой Девы Пилар, которая с 1135 года также приняла статус собора. Таким образом, Сарагоса стала уникальной обладательницей двух соборных церквей. Вторая церковь, посвященная Святой Деве Пилар, памятует о явлении Благословенной Девы Марии на вершине столпа, установленного в память о святом Иакове Старшем. С момента переноса епископского престола в собор Святого Спасителя паства этой церкви значительно поредела. За исключением памятных дней, таких, как январский праздник явления Богородицы, церковь практически не посещается смертными. Как следствие, она иногда используется новообращенными и Каитиффами в качестве удобного места для встреч.

Политика и религия. Сарагоса – крепкий оплот христианства. Мусульмане, жившие в городе ранее, изгнаны или обращены в новую веру (обычно принудительно). Небольшая городская община иудеев страждет от многочисленных законов, ограничивающих их передвижения и род занятий. Народ Сарагосы испытывает чувства триумфаторов Реконкисты. Они уверены не только в окончательной победе над сарацинами, но и в том, что Господь Бог на их стороне. Подобное отношение сводит на «нет» все попытки убедить их в том, что альмохадцы все еще представляют опасность – и это приводит в бешенство остальные народы Иберии. Действительно, жители Сарагосы не больше других стремятся пойти с оружием на сарацин, чем вся остальная Иберия, а их желание помочь будто бы тускнеет, когда речь заходит о чем-то большем, нежели молитвы и разговоры о войне.

Вместо этого обитатели города предпочитают посвятить свое время исследованиям и образованию. Забавно, но эта традиция зародилась во времена власти ненавистных мусульман, сделавших Сарагосу городом науки. Эта слава присуща городу и сейчас, хотя арагонцы в последнее время приложили некоторые усилия для развития городского училища рядом с площадью Марии Магдалины, что терзает его обитателей. Школа привлекает посетителей, смертных и бессмертных, а ее подземелья укрывают убежище Альфонсо

Палацioса, врача-каинита, увлеченного арабскими сочинениями по медицине.

Дела каинитов. С изгнанием мусульман Флавий Сидонис вновь укрепился в своем домене. Последовавшее бегство Аширры оставило его наиболее могущественным каинитом Сарагосы, равно как и наиболее умудренным опытом. Его способности, позволившие выжить во времена владычества мусульман, обеспечили Флавию неприязнь молодых Ласомбра, наводнивших город. Однако неприязнь Флавия к христианству за века не смягчилась. Если угодно, скорее укрепилась его ненависть, однако свое мнение он держит при себе из боязни дать клану Ласомбра повод сместить его. Однажды Флавий уже потерял свое положение, и не имеет ни малейшего желания повторить этот печальный опыт.

Каталония

Каталония – еще одно крупное административное образование в Арагонской короне, занимающее северо-восточную часть Иберийского полуострова. Название его происходит от составного «Гото-Алания», относящегося к истории захвата этих земель готами и аланами, или же от слова «Готландия», которым предположительно обозначали себя народности, населявшие территорию. Другие источники полагают источником названия имя Отгера Катало, героя восточных Пиренеев, нанесшего мусульманам поражение в 756 году. Эти легенды особенно популярны у местных жителей, которые таким образом доказывают свое желание бороться против мавританских захватчиков.

Как бы то ни было, Каталония представляет собой треугольник, меньшая сторона которого пролегает по восточным Пиренеям, другая сторона образует границу с Арагонской короной, а третьей служит средиземноморское побережье. Ее территория плавно понижается от горных вершин Пиренеев до морского побережья и впадины Средиземного моря. Несколько рек в восточных областях Каталонии отдают свои воды прямо Средиземному морю; наиболее крупная река носит название Эбро. Эбро – главная река Каталонии, хотя река Сегре также используется для транспортировки леса и товаров из высотных регионов страны.

Барселона

Барселона – один из наиболее древних и наиболее важных городов Иберии. Основанный Гамилькаром, он принадлежал карфагенянам до тех пор, пока их не изгнали римляне. Несмотря на связь города с Карфагеном, Бруха никогда не жили в Барселоне в достаточном количестве, предпочитая другие

поселения на полуострове. Даже попав во владение Рима, Барселона сохранила значимость своего положения в Иберии. Юлий Цезарь дал ей новое имя – Юлия Августа Фавентия Пиа в память о поддержке, оказанной ему жителями города в борьбе с Помпеем. Позже Цезарь сделал Барселону римской колонией, что дало ее обитателям все привилегии римских граждан.

Как и на всем остальном полуострове, подобные почести увеличили население города – как смертных, так и каинитов. Поначалу основную массу вампиров в городе составляли Ласомбра и Вентру, с небольшой примесью Малкавиан. За место князя шла отчаянная борьба, в которой в итоге победу одержали Ласомбра; титул остается за ними до сих пор. В настоящее время он принадлежит Мирейе Субире, потомку первого правителя города Рамона Веры. Она проводит в своем домене политику терпимости, чем заслуживает уважение новообращенных; старейшины же предпочли бы, чтобы она держалась менее гибкого курса.

Жизнь Барселоны постепенно угасала с падением Рима, пока Атаульф, король вестготов, в V веке н.э. не избрал ее для размещения своей резиденции. Затем город благополучно перешел в руки арабов, а после – франков. Наконец, Уилфред Волосатый объявил о независимости города и прилегающих земель, назвав все это «графством Барселонским». Территория оставалась под независимым управлением графов, пока один из них в 1137 году не женился на дочери арагонского короля Рамиро Монаха. В результате владения объединились под властью Арагонской короны, и такой метод объединения стал с тех пор основным способом разрешения подобных ситуаций.

Барселона, расположенная на берегу Средиземного моря и на римском военном тракте, соединяющем Иберию и Галлию, всегда находилась в тесном контакте с остальной империей. В город рано пришло христианство, принесенное учениками самих апостолов, и престол Барселоны стал важным епископатом христианских земель. В ее стенах было проведено множество соборов (последний состоялся в 1125 году), и есть причины полагать, что будут созваны и последующие. XIII век – время грандиозных волнений внутри Церкви, и они вряд ли обойдут стороной Иберию, которая все теснее сообщается с другими странами Западной Европы.

Описание. Среди многочисленных достопримечательностей города наиболее важная – собор Святого Креста, построенный в период зарождения Церкви. Он был поврежден во времена владычества мусульман, но в 1058 году перестроен по приказу графа Беренгера I и заново освящен. Барселона продвигает комплекс впечатляющих

расширений и обновлений собора, которые, скорее всего, будут продолжены в XII веке и далее. Из остального стоит сказать об античной церкви Святой Марии дель Мар – красивом образчике готической архитектуры; а неф церкви Святой Марии дель Пино считается самым просторным и величественным среди храмов готического стиля в Барселоне. Церковь святых Хусто и Пастора была первой, посвященной культу Христа в Барселоне, что обеспечивает ей приток паломников, а также клириков.

В Барселоне также хранятся архивы огромной ценности, где уцелели документы, спасенные от нашествия альмохадцев во главе с Аль-Мансуром. В числе прочего в архиве хранятся бесценные тома под названием *Экземпларии*, затрагивающие важные церковные события, а также включающие в себя обеты королей и тому подобное. В некотором роде это лучшие архивы в Иберии, и многие ученые со всей Европы обращаются к ним. Сюда также привлечено внимание не только смертных, но и каинитов, поскольку, по слухам, в архивах хранится доселе неизвестные работы, касающиеся Книги Нод и других сочинений Мира Тьмы. Этими слухами заинтересовалась и сама Мирейя. Она наняла нескольких каинитов и смертных, пытаясь обнаружить эти предполагаемые сочинения. Учитывая объем документов и хаос, царящий в архивах, это предприятие может затянуться надолго.

Политика и религия. Барселона – город, находящийся в противоречии сам с собой. С одной стороны он – отличная иллюстрация удачного объединения земель, известного как Арагонская корона. С другой – город бурлит недовольством жителей тем, что Каталонию поглотило «чужое» государство. Ни те, ни другие настроения недостаточно сильны, чтобы склонить чашу весов в свою сторону, поэтому Барселона существует в двойственном мире, где довольство своим положением смешано с полным его неприятием.

Такое отношение отразилось и на сообществе каинитов. Княгиня города – Ласомбра, однако она не дарует никаких особых привилегий членам своего клана. Наоборот, она регулярно советуется со своими помощниками – Вентру и Малкавианом – по большей части для того, чтобы позлить некоторых старейшин Ласомбра. Те же боятся, что в игру вступило нечто большее, чем просто широта взглядов. Наиболее часто высказывается предположение, что княгиня присоединилась к группе, исповедующей Ересь каинитов. Недостаток подобных рассуждений в том, что они не объясняют причин, по которым Мирейа так поступает, не говоря уже о том, что группировка вроде Ереси надеется получить через действия княгини. Пока что старейшины лишь ворчат и позволяют ей

править так, как она это делает с момента уничтожения ее сира в 1164 году.

Похожая, непростая ситуация и в отношениях Барселоны с Церковью. На протяжении веков Барселона была важным центром христианства, примечательной как своими храмами, так и силой верования жителей. Каталония, однако, всегда была благодатной почвой для противостояния Риму. Этому весьма способствует тот факт, что исторически Церковь поддерживала усилия других государств по завоеванию Каталонии. К тому же арагонцы отдали несколько ключевых постов в Барселоне своим клирикам, что усилило беспокойство в городе.

Городская жизнь. Барселона – ключ к планам Каталонии (а, следовательно, и Арагона) по расширению за пределы Иберийского полуострова. Это крупный портовый город, дающий доступ к Средиземноморью и приморским городам Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Вследствие этого, жизнь Барселоны все интенсивнее обращается вокруг торговли. Торговцы из Франции, Италии и далеких заморских земель регулярно посещают город, обменивая свои товары на лучшее, что может предложить Каталония. Город часто становится первым портом, куда прибывают странники, желающие попутешествовать по полуострову.

Морской порт Барселоны придает городу оттенок многонациональности, из-за чего он не похож ни на какой другой город в христианской Иберии. Разумеется, это делает его привлекательным для каинитов из других стран. Среди них много беженцев из Византийской империи, не так давно разделенной Четвертым Крестовым Походом. После Похода общество византийских каинитов превратилось в хаос и разрывается внутренними противоречиями; разнообразные группировки соперничают друг с другом за возможность оказать услугу новым латинским хозяевам. Беженцы предпочли оставить Византию, нежели преклоняться перед захватчиками с Запада. Среди них была Бруха по имени Нереа, спасавшаяся в Барселоне от Кровавой Охоты около 40 лет назад после того, как она в пылу ревности уничтожила Гузмана Браво, своего сира. Нереа теперь называет себя именем Андреа, поскольку в городе все еще есть друзья Браво[1].

Как отмечалось ранее, Барселона широко известна своими великолепными архивами и собраниями книг, и небольшая часть местного промысла обращается вокруг их потребностей. Писцы и переписчики нанимаются за значительную плату находить и переводить тома, содержащие мудрость древних.

[1] Дополнительную информацию по Нерее можно узнать из книг «Ночи Константинополя» и «Горький Крестовый поход».

Представители величайших университетов Европы, таких, как Парижский или Падуанский, посещают город, чтобы приобрести книги для своих частных коллекций. Также в город в поисках мудрости наведываются искатели эзотерических – и даже магических – знаний. Среди этих приезжих есть и каиниты, большей частью Тремеры. Эти молодые вампиры уверены в том, что архивы содержат невиданные знания, ценные как для клана, так и для их смертных союзников. Политика терпимости, проводимая Мирейей, на Узурпаторов, однако, не распространяется; им запрещено использовать архивы. Мотивы княгини неизвестны, но они, похоже, имеют какое-то отношение к ее собственным поискам запретных знаний. Как следствие, Тремеры действуют через подставных лиц, чтобы получить искомую информацию.

Дела каинитов. Расположение города в непосредственной близости от Франции обеспечило ему взаимодействие с различными гностическими группами еретиков вроде катаров. Под влиянием вампиров в Барселону проникли и агенты Ереси каинитов. Еретики, однако, не слишком продвинулись вперед как среди смертных, так и среди каинитов. К их большому разочарованию, лишь несколько низших церковных чинов присоединились к тайному культу. Отчасти они обязаны этим присутствию в городе Апостолов Каина Третьего, противников основных идей Ереси. Гораздо более серьезной проверкой для Еретиков является бдительность смертных, в числе которых есть и члены Меча святого Иакова. Резиденция одного из значимых членов этого ордена смертных, Матью Агусти, расположена в Барселоне. Как следствие, Еретики действуют в городе с осторожностью; они не желают рисковать, открывая свое присутствие каинитам или смертным.

Герона

Герона ограничена на севере Пиренеями, а на юге и востоке – Средиземным морем. Окружающий ее регион горист, покрыт лесами из сосен, дубов и каштанов; здесь бьют многочисленные минеральные источники. В горах расположено множество шахт, в основном угольных – это важная часть экономики города. Сельское хозяйство также существует, но мало ценится. Поэтому Герона сильно зависит от поставок продовольствия для населения извне. Во время войны эта зависимость превращается в огромную слабость, из-за чего конные и пешие солдаты регулярно патрулируют дороги, ведущие к городу.

Сам город расположен у слияния рек Тер и Оньяр. Самый старый район Героны стоит на высоком холме и включает в себя разваливающиеся остатки некогда внушительных укреплений. В

античные времена Герона называлась *Герундия* и была городом народа авсетанов. По местной легенде, святые апостолы Павел и Иаков, прибыв в Иберию после смерти Христа, впервые проповедовали христианство именно здесь. Легенда также гласит, что первым епископом города был святой Максим, ученик святого Иакова. Жители города очень гордятся своими древними христианскими традициями.

Описание. Герона – город стен; ее впечатляющие укрепления за прошедшие века выстояли во множестве атак. Если точно, город пережил двадцать пять осад и семь раз был захвачен, что делает его одним из самых популярных в этом смысле на полуострове. Во времена Карла Великого он был временно отбит у мусульман; полностью их удалось изгнать из города лишь к 1015 году. С этой поры Герона прочно удерживается в руках христиан.

Мусульмане использовали старый городской собор в качестве мечети. Как только мавров выставили из города надолго, на ее месте был возведен новый собор. Современная церковь, хотя она все еще строится, очень красива; в ее архитектуре заметно влияние и окружающих построек, и стиля мусульман, когда-то бывших здесь хозяевами. Чтобы достичь ее, нужно подняться на восемьдесят шесть ступеней. Каменный арочный вход высотой в 73 фута – самый большой во всех христианских землях – открывается в основной зал собора. Среди множественных украшений интерьера выделяется ретабль[1] работы валенсийских мастеров по серебру. Он разделен на три вертикальных ряда статуэток и рельефов, каждый из которых заключен в крытую нишу из кованого серебра. Алтарь имеет золотую и серебряную передние части, обе впечатляюще красивые. В соборе похоронены Рамон Беренгер и его супруга, сюда приходят паломники, чтящие их память.

Политика и религия. Герона – один из многих христианских городов, вмещающих крупную еврейскую общину. Иудеи поселились в Героне задолго до вторжения мусульман, сделавшись важной частью городской культуры. По мере того, как они становились все более зажиточными, их поначалу небольшое поселение разрасталось, включая множество домов и лавок вдоль Виа Августа, старой римской дороги, пролегающей через весь город. Со временем, еврейский квартал, ставший домом для трех сотен семей, стал называться Колл. Под властью мусульман и ранних христианских правителей квартал жил как

[1] Композиция из скульптурных и/или живописных изображений на библейские сюжеты, размещаемая в католических церквях непосредственно за алтарем, достигающая свода церкви (аналог иконостаса в православном каноне).

независимое государство. Его обитатели приняли правителя Героны как своего феодала и уплачивали ему налоги взамен на право жить своей жизнью.

Начиная с XI века, ситуация, однако, изменилась к худшему. С этого времени жители города начали преследовать евреев, видя в них угрозу устойчивости новых христианских владений. Многие иудеи приняли решение покинуть город в поисках более надежного убежища за его пределами. Ни одна из группировок Героны открыто не участвовала в этих гонениях, однако скрытую поддержку преследованиям оказывали и Церковь, и государство.

Дела каинитов. Каппадокиец Гарпалион – князь Героны – весьма набожен и утверждает, что обратился к христианству еще во времена проповедования самого святого Иакова. Немногие из его окружения воспринимают это хвастовство всерьез, но никто не оспаривает беззаветную веру князя в Евангелие, поскольку он считает Христа единственным источником бессмертия. Он верит также, что его вампирическая сущность – дар свыше, позволяющий ему измерить глубины жизни и смерти. Несмотря на подобные причуды, князь Гарпалион правит своим доменом спокойно и справедливо.

Тем временем Ласомбра по имени Мелькадо Касамайор использует отдельные выступления против иудеев, чтобы ослабить позиции своего старого врага, Менахема де Самайниго. По его мнению, Менахем – Бруха с иудейским происхождением – держит своих агентов среди жиронских купцов-евреев. К настоящему моменту Мелькадо удалось выявить лишь малую часть предполагаемых пешек, отчего его раздражение все растет, и он готов пойти на все, чтобы отплатить своему недругу. Кроме того, эти атаки предоставляют ему замечательное прикрытие для трапез: дополнительная провокация, которая, как надеется Мелькадо, выманит Менахема из укрытия – прямо в расставленную ловушку.

Кастилия

Название королевства Кастилия (или, по-испански, «Кастилла») происходит от огромного количества замков и других укреплений, которыми усеяны его земли. Этот регион – царство перемен, то сливающееся с Леоном, то отделяющееся от него. Королевство расположено в авангарде Реконкисты и недавно стало театром решающей битвы при Лас-Навас-де-Толоса, в которой могущество империи альмохадцев было окончательно сломлено. Сразу после этого Кастилия претерпела нашествие недавних союзников, Наварры и Леона, однако они

получили решительный отпор от короля Альфонсо VIII, в результате чего у Наварры были аннексированы области Алава и Гвипускоа.

Кастилия условно разделена на Старую Кастилию, раньше называвшуюся *Веллагией* (или *Ветулой*), и Новую Кастилию – земли, которые были отвоеваны у мавров с начала XI века. Граница между ними проходит по горному хребту Карпетано-Ветоника, к северу от него Старая Кастилия формирует неправильный треугольник. Стороны его – это граница с Леоном на западе, горы Сьерра-де-Гредос к юго-востоку и река Эбро на северо-востоке. Равнину пересекают также реки Дуэро и Писуэрга. Климат широко варьируется, но такое разнообразие обеспечивает хороший урожай пшеницы и других злаков. Важными населенными пунктами Старой Кастилии являются Бургос, Вальядолид, Сеговия и Авила.

Новая Кастилия совсем иная. Уровень ее равнин ниже, климат теплее и суше, чем в Старой Кастилии, и почвы соответственно менее плодородны. Границы «Кастилла Нуэва» - горные цепи Карпетано-Ветоника на севере, Сьерра-Морена к югу и Куэнка на востоке. Новая Кастилия разделена на две крупные долины – северную вдоль реки Тахо и южную, вдоль Гвадианы. Между ними пролегают горы Толедо, соединяющиеся с Гвадалупскими горами, что в Эстремадуре. Третья крупная река региона – Хукар, который берет начало в горах Куэнка и течет на юго-восток.

Сразу после битвы при Лас-Навас-де-Толоса границы Кастилии простирались до городов Баэса и Убеда. Территория состоит преимущественно из пахотных земель с разбросанными тут и там укреплениями. До Реконкисты они использовались в качестве пастбищ, однако земельные наделы, раздаваемые христианскими завоевателями своим верным вассалам, сделали сельское хозяйство в регионе преобладающим. В пределах Кастилии

Альфонсо VIII Кастильский

Альфонсо правил Кастилией с 1158 года, когда он был коронован в возрасте трех лет. Прозванный Благородным, он более полувека крепкой рукой управлял государством, как штурвалом корабля. Если не считать разрушительного поражения при Аларкосе в 1195 году, он был беспощадным бичом альмохадцев, и именно он сумел собрать бывших врагов в союз, победивший на поле Лас-Навас-де-Толоса.

Ближе к закату своей жизни Альфонсо все еще был способным военачальником и хитрым политиком. Он посвятил себя обереганию будущего Кастилии и изгнанию альмохадцев из Иберии (но необязательно в этом порядке). Женившись на Элеоноре, дочери короля Генриха II Английского, Альфонсо произвел на свет нескольких

также расположены города Толедо и Мадрид. Правители королевства настойчивы в своей политике экспансии, и к Кастилии за довольно короткое время присоединилось множество земель.

Мадрид

Время от времени становящийся резиденцией кастильских королей Мадрид – город, полный чудес. Изначально это была всего лишь крепость, возведенная на реке Мансанарес во времена Кордобского эмирата. Она была одним из промежуточных пунктов в линии обороны, которая тянулась от Гуадаррамы до Толедо, и стояла на страже движения с севера на юг по дороге из Гредоса. В начале крепость занимала девять огороженных стеной гектаров земли и оберегалась с севера и запада скалистыми утесами. Однако ее удачное расположение, богатые земли вокруг и, в особенности, удобство для обороны обеспечили быстрый рост города. Именно из-за силы укреплений Мадрида Альфонсо VI и Сид обошли его стороной в своих завоеваниях, предпочтя захватить Толедо и позволить Мадриду увядать на корню. Город окончательно пал в 1083 году, через полтораста лет после того, как Рамиро II Леонский разрушил стены города.

Название города означает «богатый водами», в первую очередь из-за изобилия речной долины. В истории он упоминается сначала как *Магирит* в отчетах об осаде Рамиро 932 года н.э., затем название быстро трансформируется в современное «Мадрид». Первые поселения в этих местах располагались вдоль берегов реки, где водилось множество дичи. Вода всегда была тесно связана с историей города, особенно когда

Королева Бланш

Love, with whom too late I am allied,
Has instructed me through its lordship...
(Бланш Кастильская)

Дочь Кастилии, мать Людовика IX Французского (а позднее регентша), Бланш (или Бланка) – женщина, обладавшая множеством талантов. Не последний из них – ее способность к сочинительству, благодаря которой она создала несколько выдающихся песен в традициях трубадуров. Хотя она не была столь же плодовита, как фламандка Хадевийк, Бланш располагала богатством и положением в обществе, что обеспечивало ее песням широкое распространение и восхваление, даже теми, кто не искал королевского расположения.

Популярность и талант Бланш были таковы, что Тореадор со всей Европы начали понемногу собираться вокруг Кастилии в надежде обнаружить столь же выдающихся смертных. Одно лишь упоминание о столь искусной трубадурше для некоторых консервативных членов клана стало

чудесный источник свежей воды позволил городу, освобожденному христианами, выдержать осаду альмохадцев.

Сам город расположен на мысу, возвышающемся над рекой, посреди обширного плато Месета. Мадрид покоится на высоте 700 метров над поверхностью моря, и его часто атакуют сильные ветра, особенно зимой, как правило, холодной и суровой. Летом здесь, наоборот, чрезвычайно жарко. Расположенный неподалеку горный хребет Карпетано-Ветоника также вносит разлад в погоду над городом, и воздушные потоки с гор поздней осенью несут с собой проливные дожди.

Обитателей города называют *мадриленьо*, и они гордятся своим растущим и развивающимся городом. Среди городов Кастилии Мадрид - хвастливый юнец, и любой *мадриленьо* не видит ничего постыдного в том, чтобы соответствовать репутации своего города.

Описание. Как это и полагается городу на земле замков, Мадрид вырос вокруг крепости, и все его дальнейшее развитие шло с оглядкой на нужды обороны. Нельзя назвать совпадением то, что центральная постройка города изначально носила название Альмудена, или «цитадель». Она располагалась в пределах первых стен города вместе с турнирным полем, называемым теперь Королевским Лагерем (Прадо-дель-Рей), и небольшой цитаделью, служившей резиденцией.

Чудесные воды

Во время вторжения альмохадцев Мадрид был осажден армиями под командованием Али ибн Юсуфа. Осада затянулась на несколько месяцев (отсюда происходит название «мавританский лагерь») и окончилась неудачей, в основном из-за того, что защитники крепости неким чудесным образом обеспечивали себе неиссякаемые запасы свежей воды. Разочарованный, ибн Юсуф снял осаду, а христианский мир приписал снабжение города водой вмешательству Девы Марии.

Истина же гораздо более прозаична.

Архитекторы, создававшие город, сконструировали разветвленную сеть акведуков, цистерн и каналов под городом, чтобы обеспечить городу свежую воду на случай осады. Мадрид изначально строился как военный объект и подготавливался к такому стечению обстоятельств.

Акведуки под городом – настоящее произведение инженерного искусства, что стало неожиданным подспорьем местным каинитам. Входы и выходы этой системы обеспечивают им великолепный способ проникать в город и покидать его. Хотя эти ворота хорошо охраняются и их сложно обнаружить, за определенную цену можно найти проводников. Тех же, кто пытается пробиться сквозь туннели силой, ожидает неприятный сюрприз. Ловушки, заложенные архитекторами внутри систем, все еще на своих местах. Более того, эти препятствия усовершенствованы обитающими в них вампирами – тройей Носферату.

Последняя лежит ближе к югу, поскольку именно эта сторона наиболее открыта внешнему миру.

Городские стены относятся к IX столетию и сомкнуты на юго-западном углу центральной цитадели. Стены продолжаются вплоть до обрыва, откуда виден так называемый «мавританский лагерь», и дальше до холма Вега, где находятся одни из пяти ворот города. К юго-востоку расположены ворота Альмудены, христианам известные как ворота Девы Марии. Эти два входа в город обеспечивают основное движение.

К северу от холма Вега отрог городской стены простирается до башни Наригуэс, важному наблюдательному пункту. Сама стена продолжается, резко поворачивая на север мимо ворот Девы Марии, чтобы соединиться с цитаделью возле Восточной площади. Неподалеку отсюда расположены ворота Сагра.

Юго-западный район города известен как Морерия и, как можно предположить, является мавританским кварталом. Эта часть города особенно густо населена, даже для страдающего клаустрофобией Мадрида. Жители города, обеспокоенные возможностью нового вторжения, предпочитают возводить дома выше, а не строить новые вокруг, и так сохранять свою собственность внутри крепостных стен.

Политика и религия. Поначалу Мадрид был городом мусульман, и над ним все еще властен мавританский уклад. Названия мест, язык, архитектурные стили – во всем этом есть отклик исламского прошлого города. После взятия города прошло около века, и были предприняты организованные усилия, чтобы вытравить этот уклад. До настоящего времени эти попытки не увенчались успехом, но план преобразования мечетей в церкви упорно продвигается вперед.

Еврейская община в городе мала и напугана, хотя и начала расширяться. Район, занимаемый ею – *юдерия* – расположен возле Пуэрта де Валлманду, вокруг единственной синагоги. Влияние общины очень слабо, и ее наличие, в общем-то, игнорируется остальными жителями.

Происходящее на политической сцене Мадрида, точнее всего можно назвать амбициозным. Толедо остается столицей, но Мадрид быстро растет в размерах и по населению, и между его жителями ходят слухи, что именно их город должен стать центром Кастилии. Внутри города политика – игра для состоятельных христиан, и на ее вершине нет места для евреев и мусульман.

Дела каинитов. Подавляющее большинство каинитов Мадрида также христиане. Власть в городе концентрируется вокруг церкви, где устроил свое убежище архиепископ Монкада.

Городом управляют Ласомбра, а Монкада все крепче и крепче подминает под себя Ласомбра. Хотя он так и не провозгласил себя князем – он, в конечном счете, не интересуется столь кратковременными почестями – он, по сути, может им быть и, несмотря на свою относительную молодость, Монкада представляет собой реальную власть в городе. Разумеется, в Мадриде есть и другие сильные каиниты, например, сир Монкады Сильвестр де Руис (текущий распорядитель всех дел Ласомбра в христианской Иберии) и Вентру Настасио, который служит военачальником Теневой Реконкисты.

Странно, но каиниты Мадрида, пожалуй, более терпимы, чем их смертные соседи. Правящие в городе каиниты-христиане повинуются любому жесту Монкады, но он позволяет оставшимся здесь представителям Аширры (большая часть которых бежала или была уничтожена при взятии города в 1083 году) спокойно жить, пока они кормятся городскими евреями и своими единоверцами. Христиане же, кажется, предназначены исключительно для каинитов-христиан. Некоторые члены Аширры благодарны за предоставленную им передышку, однако большинство их резко отвергает такую политику.

Толедо

Толедо, описанный римским историком Титом Ливием как «небольшой укрепленный город», за века превратился в могущественную крепость. Построенный на холмах и ограниченный рекой Тахо, город плотно окружен крепостными стенами. Толедо практически неприступен для атаки в лоб, хотя несколько уязвимее к осадам.

Город является столицей Кастилии, а также самым суетным и многонациональным городом королевства. Его ворота открыты для путешественников и торговцев из всех земель, а в городе-спутнике Толедо – Талавере – процветает гончарное производство. Территория вокруг города заселена и свободна от конфликтов, и известна тем. Что здесь можно найти все самое лучшее, что привлекает сюда мудрецов, ученых, философов – и каинитов.

Описание. Главный въезд в город – северные ворота, известные как Пуэрта-де-ла-Бисарга, или Пуэрта-де-Альфонсо. Последнее название дано воротам оттого, что именно через них Альфонсо VI и Эль Сид вошли в завоеванный город в 1083 году. Рыночная площадь города, Плаза де Зокодовер, расположена за воротами и постоянно находится в движении. Это основное место торговли в Толедо, где из рук в руки переходят как обычные товары вроде мяса или фруктов, так и экзотические, например, *азафран* (шафран) или дамасская сталь. Здесь собираются торговцы, фермеры, рыбаки, добывающие свой улов

в водах Тахо, кукловоды, бродячие актеры *комикос де ла ленгуа* и многие другие – приверженцы трех религий. Даже в дни, когда торговля не ведется, на площади оживленно – мужчины играют в *juegos de cañas*[1]. Зокодовер – истинное сердце города, хотя ночью здесь практически нет смертных.

В центре города располагается квадратная, с четырьмя башнями, крепость Алькасар. Построенная в IX веке мусульманами с целью обезопасить регион, она занимает высшую точку Толедо. Помимо всего прочего, ее чрезвычайно легко защищать – области поражения ее орудий перекрываются, и крепость служит последним рубежом обороны города. Захватив город, Альфонсо VI восстановил и расширил старую мусульманскую твердыню и подарил ее Сиду. Эль Сид получил также замок Сан Серванде, который стоит на противоположном городу берегу реки Тахо.

Еще одна черта Толедо – множество церквей, включая собор Сантьяго-дель-Аррабал, все еще щеголяющий своим балконом муэдзина. Есть и церкви, нетронутыми пережившие мусульманскую оккупацию, - Сан-Себастьян, Санта-Эулалия, Кристо-де-ла-Вега, Сан-Висенте, Сан-Мигель и Санто-Томе. Эти здания украшены постоянно меняющейся мешаниной из геометрических и растительных узоров мусульманской культуры и более строгого искусства христиан; и всегда где-либо в городе возводится церковь. Также стоит отметить Иглесиа-де-Санто-Кристо де-ла-Луз и проект громадного собора, который собираются возвести на развалинах главной мечети Толедо. Мечеть же была построена на месте разрушенной вестготской церкви, и именно здесь произошла ссора между супругой Альфонсо VII и Альфаки Абу-Валидом.

К юго-западу от города вытянулся Пуэнте де Алькантара (арочный мост), уводящий на юг. Западный мост, Пуэнте де Сан-Мартин, был разрушен наводнением в XII веке; единственная выстоявшая башня стала темой местного фольклора. Юные девушки стали называть ее *el baño de la Cava*, связывая башню с легендой о Флоринде ла Кава, в которую влюбился вестготский король Родриго. В действительности место также является излюбленным обиталищем каинитов, что объясняет многие из причудливых сказок.

Ниже по реке раскинулись сады и дворец мусульманского губернатора Галафра, не являющиеся, собственно, частью Толедо. Не имея стратегического или военного значения, они все же весьма красивы, и каиниты с удовольствием принимают здесь гостей, которым хотят оказать почести – или которых боятся.

---

[1] Соревнования по метанию дротиков.

Политика и религия. Толедо – город, где обитают представители множества наций. В нем есть кварталы мусульман и евреев, и мечети и синагоги высятся наравне с церквями. Хотя население все больше обращается к христианству, численность остальных группировок все еще значима, и город открыт для торговцев всех верований. Иудеи и мусульмане одинаково относятся к христианам, как к чему-то грязному, прежде всего из-за привычки опорожнять ночные горшки прямо на улицу с криком *«Agua va!»* («Посторонись!») Но все же исламские, еврейские и христианские ученые и представители власти общаются и советуются, и Толедо открыт для всех.

Как в большей части Иберии, иудеи живут в собственном квартале, называемом *кахал*, отделенном от остального города стеной. В центре *юдерии* находится главная синагога, имеющая 32 колонны, 29 арок и потолок из лиственничного дерева. Кахал, как и прочие еврейские кварталы в регионе, имеет собственный набор *такканот*, или законов соседства. Внутри квартала они являются столь же обязательными, как и королевские законы, и наказания за преступления против общества могут привести даже к *херем* – отлучению от церкви навечно. Это, однако, приберегается обычно для доносчиков.

Мусульмане рассеялись по городу, хотя множество мечетей переделано в церкви. Великая Мечеть также снесена, и на ее месте высится церковь. Несколько мечетей, правда, остались нетронутыми и открытыми для молитвы, включая Мескиту, имеющую девять куполов над четырьмя колоннами в готическом стиле, и еще одну мечеть возле Пуэрта-дель-Соль.

Жизнь мусульман в Толедо – радость пополам с горечью. Хотя мусульманская торговля приветствуется, город неизбежно становится христианским. Тем временем город остается открытым, и развитие торговли идет еще более лихорадочными темпами, чем фанатизм, а война ограничивает количество рынков сбыта, которые были бы доступны иначе. Говорят, что рано или поздно все интересное в Иберии проходит через Толедо. В конце концов, именно здесь, скорее всего, можно встретить всех интересных людей.

Дела каинитов. Каиниты Толедо, как и их смертные соседи, существа космополитичные. Город, в общем-то, находится под властью Ласомбра, но эта власть слишком непрочна – здесь попросту слишком много каинитов всех мастей, въезжающих в город и выезжающих из него, чтобы кто-нибудь взялся прижать весь город к ногтю. В результате Толедо наиболее близок на всем полуострове к понятию «свободный город», с покупкой и продажей услуг, верности и иногда жизней

на ночном рынке Плаза де Зокодовер. Жорге Креспо, старый Носферату, надзирающий за торговлей и вообще за большей частью деловых отношений каинитов в Толедо, считает своим долгом окутывать ночные сделки покровом невидимости, чтобы укрыть их от любопытных смертных глаз. Креспо также поддерживает последнюю башню Пуэнте де Сан-Мартин, как место совершения особенно деликатных дел, и прилагает все усилия, чтобы акцентировать легенду об этом месте, чтобы держать людей на достаточном от него расстоянии.

Титул князя Толедо переходит из рук в руки, но к реальной власти в городе наиболее близок Элиазар де Поланцо. Именно он срежиссировал устранение с княжеского трона Терцио Браво. Хотя сторонников Элиазара в городе много, Браво все еще имеет здесь несколько друзей, ждущих своего часа. Во время участившихся периодов отсутствия де Поланцо в городе они делают все, чтобы разжечь недовольство и подготовить возвращение Браво. Но каиниты Толедо скорее проезжают сквозь город, нежели обитают в нем, и никто не озабочен личностью князя настолько, чтобы вступать в борьбу, пока торговля остается свободной.

24-е января. Этот день празднуется в Толедо как день единства. Именно в этот день Альфонсо VI прекратил ссору между своей супругой королевой Констанцией (и ее советником архиепископом Бернардо Саагуном) и главой мусульманской общины города Альфаки Абу-Валидом. Королева, вопреки приказам своего мужа, выгнала городских мусульман из мечети, построенной на месте церкви. Абу-Валид встретился с королем вне города, чтобы просить его окончить эту вражду. С тех пор 24-е января стало днем мира.

Этой ночью, единственной в году, любой каинит может беспрепятственно, ничего не опасаясь, пройти сквозь регион, вне зависимости от клана или вероисповедания. Однако это благородство не распространяется на ночь 25-го января, так что беглецы и изгои, пользующиеся преимуществами мирного дня, должны унести ноги до рассвета – или столкнуться с ужасающими последствиями.

Леон

Леон расположен в южной части древнего королевства Астурии. Его естественной границей являются Кантабрианские горы. Хребет Пенья Негра формирует большую часть южной границы Леона. Основная территория королевства лежит на огромном Кастильском плато, на высоте более 500 метров над уровнем моря, и повышается к Кантабрийским горам на севере. Река Сил и ее притоки осушают его по направлению с севера на

запад. Сил набирает воды на южном склоне Кантабрийских гор, известном как Пенья Рубиа. Гористый на севере и северо-западе, Леон выравнивается к юго-востоку, особенно в районе так называемых Готских Равнин. С севера на юго-запад он пересекается Леонскими горами, соединяющимися с Кантабрийской горной цепью. Таким образом, местность представляет собой сочетание равнин и холмов – и население Леона столь же разношерстное.

Королевство Леон изобилует минеральными ресурсами. Впадины на обоих берегах реки Бернесга содержат запасы каменного угля, а также огромные количества известняка. Есть здесь и железо, и медные шахты; есть и источники минеральных вод - некоторые из них известны на весь полуостров своими целебными свойствами. Разумеется, вокруг этих лечебных источников развилась небольшая промышленность. Интерес к источникам проявили каиниты из нескольких кланов, поверившие в их полезность для алхимических экспериментов. Другие, например, Альфонсо Палациос из Сарагосы, находят в них средство для своей медицинской практики.

Климат Леона сильно меняется от региона к региону. В горах на севере холодно, а в низинах на юго-востоке тепло. Климат области Эль Бирцо, укрытой горами от северных ветров, один из самых мягких и влажных в стране. Здесь выращивают виноград, оливки и многие другие фрукты. На юге собирают огромное количество пшеницы и других злаков, а также бобовые и лен. В лесах растут березы, падуб и дубы. Домашний скот – другая важная часть местной экономики, в основном это рогатый скот, овцы и свиньи. Гористая местность затрудняет сообщение во многих областях королевства, что помогло Леону сохранить свой самобытный характер даже с учетом более тесных контактов с остальной Европой. Это же свойство помогает многим каинитам обрести убежище, особенно это касается Апостолов Каина Третьего, обустроивших несколько изолированных убежищ по всей стране.

Компостела

Компостела – один из наиболее известных городов Иберии. Она расположена на холме между реками Сар и Сарела. Давным-давно этот холм венчала кельтская крепость под названием Либерум Донум. Сама Компостела возвышается над двумя дорогами римской эпохи, которые все еще в хорошем состоянии и используются странниками, посещающими город. Сар, раздувшийся от вод Сарелы, пятнадцатью милями ниже Компостелы соединяется с рекой Улла и сливается с морем возле города Падрон. Падрон – небольшой город, известный тем, что здесь находится чудесная лодка, которая, согласно легенде,

доставила тело святого Иакова из Святой Земли в Иберию. Тело апостола обеспечивает Компостеле третий по многочисленности приток паломников в Европе Темных Веков, после Иерусалима и Рима.

На протяжении столетий Компостела притягивала к себе и смертных и каинитов, предлагая более удобную цель паломничества посравнению со Святой Землей, казавшейся менее привлекательной христианам Запада из-за отдаленности и опасности. Кроме того, маршрут паломников в Компостеле охраняется орденом святого Иакова, группой рыцарей из Леона и Кастилии. Орден укрепляет замки на территории всего региона и получает поддержку обоих королевств, что гарантирует ему необходимое количество ресурсов для его важной миссии.

Описание. Снаружи может показаться, что вся Компостела построена исключительно для паломников, которых с каждым годом становится все больше. Великолепный собор, например, служит многим из них приютом, также как и многочисленные трактиры и гостиницы, окружающие его. Из-за этого город местами выглядит переполненным, и от наплыва людей это впечатление усиливается еще больше. Европейцы, впервые оказавшиеся в городе, удивляются и одновременно ужасаются толпам народа, заполняющего улицы Компостелы в пик сезона паломничества.

Сам собор был построен в XI-XII веке, после того как мусульманский военачальник аль-Мансур в 997 году разграбил город и разрушил церковь. Это нападение оказало разрушительное

Знаки паломничества

В Средние Века в Европе создается обширная сеть святилищ – объектов паломничества. Эти храмы посвящены одному или нескольким святым, чьи мощи или деяния связаны с данной местностью. Начиная с XIII века, паломникам в качестве символом их странствий продаются оловянные значки и ампулы со святой водой. По сути, продажа этих сувениров становится во многих храмах развитым промыслом, что в конце концов приводит к церковному расследованию и урегулированию.

Сами значки пришиваются к шляпам или одежде в качестве доказательства тяжелых физических и духовных странствий его обладателя. Каждый храм имел свой собственный значок: крест в Иерусалиме, ключи в Риме и так далее. Храм Компостелы использует для этих целей галисийскую ракушку. Эти ракушки производятся во множестве видов, от дешевых до экстравагантных, в зависимости от толщины кошелька пилигрима. Раковина Компостелы стала широко распространенным образом в паломническом искусстве – что является свидетельством влияния и престижа собора святого Иакова.

воздействие на моральный дух горожан. Аль-Мансур не нашел здесь, как он надеялся, мощей святого Иакова, однако он заставил жителей города перенести главный колокол старой церкви на своих плечах в Кордобу, где он был размещен в главной мечети города. Горжане Компостелы все еще помнят это бесчестье и настаивают на том, чтобы главы города потребовали колокол обратно, как только Реконкиста достигнет столицы империи альмохадцев. В своем желании они едины с князем каинитов города, Ласомбра Рейнальдо де Рубио, который мог бы погибнуть во время нападения аль-Мансура на город, не получи он Становление.

Новый собор был завершен в 1188 году и сочетает в себе старые стили и новые, принесенные из Франции. Например, статуи и изображения, украшающие здание изнутри и снаружи, весьма реалистичны, что сильно отличается от стилизованных образов, часто использовавшихся ранее. Главный вход собора изображает Христа во славе, окруженного четырьмя евангелистами, тогда как на дверях бокового входа изображены Чистилище и Страшный Суд. Образ святого Иакова покоится на центральной колонне под изображением Христа, что символизирует посредничество святого между людьми и Сыном Божьим. Стены изнутри расписаны ликами святых и пророков, вплетенными в корни развесистого Древа Иессея[1]. Паломники часто молятся, касаясь этих образов. Из-за постоянного потока пилигримов камень стал истираться, и появились небольшие углубления, которые со временем могут лишь увеличиться.

Высокий алтарь является центром собора и кульминацией любого паломничества в город. Пилигримы взбираются по ступеням к алтарю и обнимают икону святого Иакова, священный образ Сантьяго. Затем они целуют его плащ, украшенный драгоценными камнями, и служитель вручает им документ на латыни, называемый *компостела*. Этот документ свидетельствует о том, что паломник посетил собор и выполнил необходимый ритуал почитания святого. После этого большинство странников исповедуются и посещают мессу.

Политика и религия. Компостела – город, посвященный паломничеству и Реконкисте. Святой Престол определил это место достойным паломничества и выдает всем посетившим его временные индульгенции, наравне с теми, кто побывал в Иерусалиме или Риме. Таким образом, этот город – третий по святости в христианском мире Запада, чем весьма гордятся местные жители. Подобно Риму и Иерусалиму, Компостела стала домом и благочестивым, и скептикам. Последние часто

[1] Библ. генеалогическое древо Христа. Согласно пророчеству, Мессия должен был явиться из рода Давида и Иессея

содержат гостиницы и харчевни, извлекая выгоду из толп странников на улицах, особенно в июле, когда отмечаются дни памяти святого.

Святой Иаков, однако, служит и политическим целям. Среди своих поклонников он известен как *Matamoros*, или «убийца мавров». Это прозвище происходит из легенды, согласно которой святой помогал королю Рамиро I в битве при Клавийо в 844 году, лично уничтожив более шестидесяти тысяч мусульман. С тех пор рассказы о видениях святого распространились по Иберии, особенно после впечатляющих побед христиан над их противниками.

Дела каинитов. Культ святого Иакова исповедуют многие представители кланов Ласомбра и Бруха, хотя взгляды тех и других различаются. Ласомбра считают культ силой, объединяющей иберийцев и побуждающей их продолжать войну против мавров. Бруха, однако, считают святого Иакова воином и предводителем смертных. Они всерьез принимают его титул «убийцы мавров» и стремятся превзойти его легендарные деяния. Разумеется, князь Компостелы и сам человек действия. Рейнальдо не собирается сидеть на месте и ждать, пока будет достигнуто единство в борьбе против сарацин. Он регулярно просит своих подданных предпринять решительные действия против смертных-мусульман и Аширры – что создало ему среди членов его клана репутацию кровожадного. Он имеет значительное влияние на интриги рыцарей ордена Сантьяго (основного воинствующего ордена Иберии), а потому игнорировать его нельзя.

Точно так же небольшая группа каинитов под предводительством Бруха по имени Демесио взялась охранять пути паломников от бандитов и прочих смертных хищников. Демесио ранее служил Львам Родриго, кровожадной группе вампиров – охотников на мавров, и его страсти часто берут над ним верх. В 1207 году он со своими последователями убил нескольких грабителей, напавших на странников, шедших в Компостелу. Их искалеченные тела привлекли внимание местных властей и служителей церкви, включая одного из Мечей святого Иакова. С тех пор банда Демесио действовала более осмотрительно, но от этого не менее истово. Он стал использовать для прикрытия нескольких рыцарей ордена Сантьяго, что вовлекло его в интриги князя Рейнальдо и прочих глубже, чем он бы того хотел.

Подробнее об ордене Сантьяго и Львах Родриго рассказывается в части четвертой (Власть имущие).

Путь святого Иакова

«Путь святого Иакова» (исп. *el camino de Santiago*) привлекает паломников со всей западной Европы. Благочестивые странники приходят в Компостелу одним из нескольких маршрутов, каждый из которых имеет свои особенности и таит свои угрозы. В первой четверти XIII века существуют следующие пути:

- **Северный путь**. Этот маршрут – первый из тех, которыми паломники добирались до храма святого Иакова. Он был наиболее популярен в XI-XII веках, до того, как различные монархи Иберии в попытках привлечь в Компостелу больше паломников способствовали развитию Французского Пути. Странники, использующие этот путь, идут по суше через Францию или морем с севера. Затем они встречаются в Сан-Сальвадоре в Овьедо. Оттуда они начинают путешествие к месту погребения апостола в Компостеле.
- **Французский путь** заменил Северный путь, как более предпочтительный, начиная с XII века. Санчо III Наваррский, Альфонсо VI Кастильский и Санчо Рамирес Арагонский продвигали его как альтернативный пеший путь. Французский путь – это, по сути, четыре различных маршрута, неизбежно пересекающихся по дороге в Компостелу. Три из них пересекают Пиренеи в Ронсевальском ущелье, а четвертый – в Сомпорте и дальше идет через местечко Хака. Эти маршруты объединили наиболее важные тракты Франции, а потому были более удобными и. следовательно, более популярными.
- **Серебряный путь** охватывает самое большое расстояние и проходит по землям с громадной разницей в географии и экологии. Этот маршрут берет свое название от одноименной римской дороги, связавшей города Мерида и Асторга, проходя по западу полуострова с юга на север и пересекая реки Тахо и Дуэро. Именно этим путем отчасти воспользовался аль-Мансур при нападении в 997 году на Компостелу. Серебряный путь популярен среди паломников, живущих на полуострове и идущих в храм с юга.
- **Португальский путь**. Самый короткий маршрут покрывает

Овьедо

Город Овьедо основан королем Фруэлой I в середине VIII столетия. Он стал той частью королевства Астурии и северной вестготской культуры, откуда началась Реконкиста. В 760 году аббат Фромистанус и его племянник Максимус построили в Овьедо монастырь и посвятили церковь в нем святому мученику Викентию, объекту местного поклонения. Фруэла также одобрил переселение в этот регион и построил базилику в Сан-Сальвадоре. Его сын Альфонсо II перенес в Овьедо столицу и расширил церковь Сан-Сальвадор. Позже архиепископ Пелайо в XII веке увеличил Сан-Сальвадор до собора.

Овьедо примечателен тем, что он – один из немногих городов в Иберии – так и не был завоеван мусульманами, и его жители по этой причине – одни из самых заносчивых на полуострове. Они – стойкие сторонники Реконкисты и часто утверждают, что их удача (или Божье благословение, в зависимости от точки зрения), наделила их ответственностью за освобождение других поселений от владычества мусульман. Неудивительно, что история Овьедо вдохновила множество юношей – и даже каинитов – вооружиться против сарацин. Многие из них считают особой честью присоединиться к ордену святого Иакова в Компостеле, своим служением отдавая долг Овьедо Господу.

Описание. Самое известное святилище города посвящено Благословенной Деве Марии, с чьей помощью жители Астурии в 718 году нанесли поражение мусульманам. Также значимыми являются монастыри святого Викентия и святого Пелагиуса. В нижней части города расположена церковь Сантуллано (*также известна как церковь Сан-Хулиан-де-лос-Прадос*), самая амбициозная постройка Альфонсо II. По его приказу церковь возвели между 812 и 842 годами в величественном, сбалансированном стиле с классическим горизонтальным расположением. Здание церкви весьма необычно и сочетает в себе поздние римские и вестготские традиции постройки. Стены ее покрыты остатками фресок, сохранившими наиболее полный набор римской дворцовой росписи. Поскольку ни Самсон, ни Епифания не проявили к Сантуллано ни малейшего интереса, можно сделать вывод, что этот Носферату и его спутница пришли в Овьедо за чем-то помимо эстетики.

Политика и религия. Овьедо стоит особняком посреди остального Леона. Его статус столицы королевства позволяет его жителям смотреть свысока на своих земляков. Жители Леона, в ответ, поглядывают на Овьедо с некоторой неприязнью. Хотя к королю относятся почтительно, помня о его победах над мусульманами, об окружающем его дворе думают гораздо хуже.

Овьедо снискал себе репутацию города прихлебателей и иждивенцев, ведь все больше и больше разнузданных представителей благородных семей пробиваются к королевскому двору.

Будучи религиозным центром, Овьедо может похвастаться знаменитой капеллой, известной как Cámara Santa, или Святая Палата. Возведенная в IX веке, эта капелла позже была встроена в больший собор, построенный в прошлом столетии. Она известна тем, что в ней хранятся реликвии, спасенные королем Альфонсо II из Толедо перед его падением от рук мусульманских захватчиков. Эта коллекция сокровищ была дополнена в XII веке двумя красивыми скульптурами в романском стиле – Голгофа и Апостолат. Голгофа – смешанная скульптурно-живописная композиция. Апостолат венчает шесть пар колонн. В пресвитерии находятся так называемые Крест победы (Cruz de la Victoria) и Ангельский крест (Cruz de los Ángeles), использовавшиеся в качестве штандартов королями Альфонсо II и Альфонсо III соответственно. Здесь же хранится ларец с реликвиями, содержащий множество религиозных артефактов.

Чрезвычайно важны также книгохранилища города. Среди наиболее ценного в них содержится «Готская книга», или «Книга Заветов», написанная епископом Пелайо между 1126 и 1129 годами. Книга содержит полную историю дипломатических отношений королевства Астурии, что делает ее бесценной для ученых.

Дела каинитов. Овьедо – место активной политической борьбы между группами каинитов. Когда-то, до нашествия мавров он был твердыней Вентру, но затем его заполонили Ласомбра. Княгиня города Марбуэна, однако, принадлежит к клану Вентру и весьма изобретательна, а ее талант к манипулированию и уловкам позволили ей удержать домен – и обеспечили ей завистливое уважение со стороны Ласомбра. Тем не менее, ей брошен серьезный вызов – враждебность архиепископа Монкады и его сира Сильвестра де Руиса. Монкада несколько раз называл Марбуэну слабой, и ходят слухи, что он предложил поддержку любому достойному соискателю титула князя.

Наварра

Горная цепь Пиренеев простирается к югу от Франции и преобладает в северной части Наварры. Эта часть страны состоит из путаницы поросших лесом гор и долин с родниками. Пастушество и заготовка леса – основной способ пропитания в этих землях. Высоко в горах выпадает множество осадков; к югу

их количество резко понижается. Центральная и южная часть Наварры состоит из холмов и водоемов, собирающих путешественников и торговцев вокруг столицы, Памплоны. Здесь люди зарабатывают на жизнь выращиванием скота и зерна. У подножия холмов и в степях южной Наварры, расположенных в пойме реки Эбро, преобладает средиземноморский климат. Пейзаж в этой части страны более сух и монотонен, и основным занятием жителей является возделывание зерна.

Население Наварры собрано вдоль реки Эбро и в Памплоне, которая выросла за счет городком в нижних Пиренеях. На юге преобладают крупные компактные города, в горах чаще встречаются деревни.

Если можно сказать, что у страны имеется настроение, то настроение наварры можно описать как тихое смирение. Жители Наварры хорошо осведомлены о славном прошлом своей родины – но и о ее гораздо менее выдающемся настоящем. Нельзя сказать, что они угрюмы или суровы, однако им не хватает оптимизма и деятельной натуры других христиан, живущих в Иберии. Возможно, такое настроение Наварре придает то, что Реконкиста давно покинула эти края. А может быть, их сильные связи с Францией заставляют местных отводить глаза. Что бы то ни было, Наварра явно слеплена совсем из другого теста, нежели остальные страны, с которыми она делит полуостров.

Эта разница особенно заметна на примере местных каинитов. Вместо Ласомбра, Вентру и Тореадор, преобладающих в южных государствах Иберии, Наварра стала домом для значительных групп Малкавиан и Носферату. Вампиры клана Малкавиан сильнее всего в Памплоне, где князь города Роке породил большое и активное потомство. Эти каиниты сформировали тесное сообщество и видят в князе отца, относясь к нему с почтением и благоговением. Носферату же, наоборот, гораздо менее организованные, собрались в несколько отдельных групп, обитающих в городах и труднопроходимой деревенской местности. Наиболее значимая из этих банд возглавляется Эзкеррой, старым Носферату с необычной тягой к родной земле. Он считает присутствие на земле Наварры столь большого числа чужестранцев – и смертных и каинитов – нашествием вредителей, которых необходимо уничтожить. Поэтому он и его потомки развязали партизанскую войну против «захватчиков» из Франции и Кастилии, что не ускользнуло от внимания князя; тот, однако, пока не предпринимал действий в отношении Эзкерры.

Памплона

Памплона – город в северо-восточной части Иберийского полуострова. Она расположена на западном берегу реки Арга в плодородном регионе Ла Куэнка. Считается, что Гней Помпей, противник Юлия Цезаря, в 75 году до н.э. основал здесь военный лагерь во время кампании против Квинта Сертория, лидера восстания против Рима. Первоначально город назывался Помпеополис. После захвата его мусульманами в 711 году он обветшал; после того, как франки заняли его в 778 году, а затем оставили, забрав с собой большую часть оборонных сооружений, дела стали еще хуже. В 848 году Иньиго Ариста восстановил Памплону, в том числе местный собор и монастырь, преобразовав последний в крепость. Санчо III сделал Памплону столицей Наварры, основав здесь новую крепость Наваррский город (*Cuidad de Navarreria*). Начиная с этого времени и до начала XII века Памплона была трепещущим и кипящим столичным городом, а еще – центром Реконкисты.

Описание. Над ядром города, *La Navarreria*, господствует собор. В октябре город празднует фестиваль Сан-Фермин (*Fiesta de San-Fermin*), посвященный первому епископу города святому Фермину, с ярмаркой и разнообразными религиозными ритуалами. На ярмарке торгуют в основном скотом, а ее посетителей развлекают различные актеры.

Памплона расположена в орошаемых, приспособленных для выращивания злаков землях. Это важный сельскохозяйственный центр, рынки и продукция которого привлекают покупателей иногда даже с окружающих земель. Древние ремесла по производству бурдюков, сандалий, веревок и глиняной посуды так же важны для местной экономики, как и помол муки. Кроме того, Памплона служит посредником между Францией и государствами Иберии. Это придает городу необычный колорит, в котором деревенская Иберия сочетается с утонченной северной Европой. Не приходится говорить о том, что по этой причине город весьма привлекателен для каинитов всех мастей, многие из которых называют его домом.

Политика и религия. В Памплоне размещается двор короля Санчо VII, и потому город полнится интригами и обманом. Отчасти это исходит от короля, то блистающего личностными качествами, то чудаковатого. Санчо давно уже нанес оскорбления многим из своих собратьев-христиан тем, что он поддерживает дружбу с известными мусульманами. Помимо этого, он поддерживает переписку с альмохадцами, видимо, выказывая уважение этим воинам-мусульманам. Уважение к ним короля – равно как и взаимное – было столь велико, что он некоторое время нес военную службу для альмохадцев в

Северной Африке, что стоило ему части территории Наварры, захваченной Кастилией. Несмотря на свои отношения с альмохадцами, Санчо участвовал в великой победе христиан при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году, что обеспечило Наварре безопасное будущее минимум на пару лет.

У короля Санчо нет наследника, что привело к мольбам от других правителей Иберии – и других территорий – определиться окончательно с предпочтениями королевства. В настоящее время королю наушничают французские дворяне и дипломаты, к большому неудовольствию Кастилии и Арагона, которые оба претендуют на территорию Наварры. Поэтому агенты обоих королевств, включая каинитов, отстаивающих свои интересы, – обычное дело, что добавляет дополнительные стороны к и без того запутанному клубку.

В дополнение к дворцовым интригам в Памплоне существует множество религиозных традиций. Согласно одной из них, Памплона, Толедо и Тулуза обрели Евангелие благодаря проповедям святого Сатурнина, ученика апостола Петра. По этой причине город гордится своей древней связью с Церковью и святым Петром, которого жители города весьма почитают. Иньиго Ариста высказал мысль о переносе в город мощей дев-мучениц Нунилоны и Алодии. Эти девицы были убиты в правление Абд аль-Рахмана II. В кафедральном соборе Памплоны почитается древняя статуя Девы Марии, или Белой Девы (*Santa Maria la Blanca*), сохранившаяся с давних времен. В церкви также хранятся мощи святого Фермина. Начиная с 1186 года, в его честь проводится праздник, устраиваемый с той же торжественностью, с какой почитают самих апостолов.

Наконец, Памплона служит базой Мечу святого Иакова, опасной группе охотников на нечисть. Его лидер Родриге Наваррский имеет дом здесь и еще один – в Тулузе. Он часто путешествует из одного города в другой, оставляя свои владения на попечение верных помощников Аньена ле Либрэра и Жана де Шеневьера. Эти французы знают о борьбе с тьмой почти столько же, сколько и сам Родриге. Национальность, однако, затрудняет их деятельность в Наварре. Они стараются не выделяться, если события не вынуждают их поступать иначе.

Жизнь в городе. Несмотря на все свои недостатки, Памплона никогда не была скучным городом. Город поразительно многонационален, особенно в сравнении с остальной Наваррой. Чужестранцы в городе не в новинку, включая всевозможных мусульман, чаще всего – гостей короля Санчо VII. Вместе с этими сарацинами прибывают Ласомбра-мусульмане и Ассамиты, выполняющие задания своих старейшин. Ласомбра надеются склонить легковерного короля

стать средством перемен среди его современников-христиан, тогда как Ассамиты стремятся извлечь выгоду из присутствия столь многих чужестранцев во имя самых разных целей.

Для смертных, однако, Памплона выглядит островком изящества посреди пасторальной Наварры. Городские торговцы (среди них множество евреев) часто путешествуют, привозя с полуострова предметы роскоши для тех, кто в них заинтересован. Город также служит удобным промежуточным пунктом между полуостровом и остальной Европой. Поэтому через Памплону проходит гораздо больше путешественников, чем можно было бы ожидать, и за определенную цену здесь можно приобрести немало экзотических вещей.

Дела каинитов. Памплонские каиниты дополняют своих смертных соседей. Двор князя Роке – необычное место. Как и король Санчо, князь-Малкавиан чудаковат, хотя и искусен в манипулировании. Он обладает тонким пониманием как смертных, так и каинитов, с помощью чего он сумел защитить свой титул от возможных узурпаторов. Хотя основная масса вампиров в городе также принадлежат к клану Малкавиан, в последнее время сюда прибыли несколько Тореадор. Главный среди них – Бальдомар, рыцарь-интриган, открыто притязающий на домен Роке. Пока что князь играет для соперника-француза роль радушного хозяина, но это лишь часть его замыслов. Он намерен усыпить подозрения Бальдомара, создав у того ложное чувство безопасности, чтобы определить, есть ли у него союзники в городе. Князь собирается уничтожить и соперника, и тех, кто его поддерживает, как только он узнает эти сведения.

Тудела

Тудела была отвоевана у мусульман Альфонсо I Воителем в 1115 году. В 1121 году король подарил городскую мечеть и десятину с нескольких городов настоятелю и духовному капитулу Туделы, построил церковь Санта-Мария и основал общество монахов святого Августина. Таким образом, настоятель церкви и аббат обрели духовную власть в Туделе. Начиная с этого времени город играл относительно небольшую роль в событиях Реконкисты – что сделало его идеальным убежищем для Апостолов Каина Третьего, одной из ветвей Ереси каинитов.

Описание. Тудела – небольшой, неопрятный город на берегах реки Эбро. Его внешний вид обманчив, ведь в нем отлично сохранилось множество мавританских элементов, существовавших в городе еще до его взятия силами христиан. Центр города – площадь Плаза де лос Фуэрос, окруженная сетью узеньких кривых улочек. Мост через Эбро ведет к тракту на Сарагосу. Необычная конструкция моста придает ему вид

ветхого и неспособного выдержать большой вес, но, как и у всего города, это впечатление ложно.

Главная церковь города – Колегиата де Санта-Ана, построенная в XII веке. Здание известно своим розеточным окном, расположенным над алебастровым входом с замысловатой резьбой в западной стене здания. Резьба изображает Страшный Суд, вдохновляет и устрашает одновременно. Внутри церкви расположен ретабль и несколько красивых старинных захоронений. Стенная резьба соседней обители очаровывает своей простотой.

В городе также существовало несколько зданий, разрушенных при нападении мусульман и так и не отстроенных вновь. Они пустуют, смертные их избегают. Местный лидер Апостолов Каина Третьего, Эймерсента, использует эти руины для проведения неофициальных собраний своей стаи. Эймерсента – могущественная и харизматичная вампирша с замечательными способностями к командованию другими Апостолами. Ее харизму превосходят лишь ее амбиции. В отличие от многих Апостолов, она желает не просто отойти от Ереси каинитов, но уничтожить ее. Поэтому она и ее стая проводят большую часть своего времени, строя интриги против Еретиков в Наварре и где бы то ни было еще.

Политика и религия. Тудела – главным образом христианский город, но примечателен своей крупной иудейской общиной, многие из которых, как и их собратья в Памплоне, опытные путешественники. Один из них, некий Бенджамин, в период с 1159 по 1173 годы странствовал по Италии, Греции, Персии, Палестине и вдоль границ Китая. Он собрал записи о своих путешествиях в книгу под названием *Масса'от*, и опубликовал ее для пользы как христиан, так и евреев. Книга – ценный сборник информации о народах и культурах дальних земель, из-за чего ею стремятся обладать многие ученые и путешественники.

Дела каинитов. Как уже упоминалось ранее, в городе живет множество Апостолов Каина Третьего. Планы Эймерсенты привлекли внимание князя Туделы – Ласомбра по имени Фульгенсио д'Идалиа. Фульгенсио не питает любви к Ереси каинитов (будучи потомком Амбросио Монкады), но он не терпит попыток превратить свой домен в зону боевых действий. Поэтому он отдал своим слугам приказ при необходимости искоренять Апостолов любой ценой. Последнее, что нужно Фульгенсио – чтобы в Туделе был убит кто-нибудь из влиятельных Еретиков, что повлекло бы объявление в городе Кровавой Охоты. Со своей стороны, Апостолы кажутся

беспечными, веря, что действия Фульгенсио будут не более эффективными, чем действия его предшественника.

Португалия

Португалия расположена на западном побережье Иберийского полуострова и на севере и востоке граничит с различными государствами, на юге – с *таифа*, а на западе простирается Атлантический океан. Португалия и ее государства-соседи не разделены никакими четкими естественными границами, как некоторые другие страны. По этой причине они несильно различаются географически – что не давало покоя внешней политике португальцев десятилетиями.

Северная часть Португалии покрыта горами высотой от 600 до 1600 метров над уровнем моря, включая вершину Сьерра-до-Герес, известную своей растельностью и горячими источниками. Центральная часть страны – обширные равнины, разделенные горными хребтами, в числе которых Сьерра-да-Эстрелья, поднимающаяся до 2000 метров и являющаяся самой высокой и самой крупной в стране. Южные пределы почти полностью состоят из низин и плато. Во всех этих регионах горы обычно являются частью других хребтов Иберии. Единственной независимой горной цепью является Сьерра-де-Мончике.

На севере Португалии лежат множественные горные системы, плато значительной высоты и узкие глубокие ущелья. В центре, наряду с высокими и протяженными горами, есть широкие долины и широкие равнины. К югу от реки Тежу (по-испански Тахо) страна состоит из равнин, пересеченных холмами. Главными реками являются Миньо, Доуро (по-испански Дуэро), Мондего, Тежу, Садо и Гвадиана. По Тежу небольшие суда могут подниматься до Сантарена. Благодаря засушливости основной территории страны примечательных озер здесь нет.

Португалия имеет мало хороших естественных портов. Исключение составляет Лиссабон – один из лучших портов в Европе. Португальцы уже начали осознавать важность этой бухты, используя ее для своих торговых предприятий. Прочие порты страны менее доступны, заблокированные песчаными мелями и другими препятствиями. Лиссабон, таким образом, увеличивает свою значимость, становясь для Португалии преимущественными воротами за пределы Иберии.

Португалия богата минеральными залежами, включая сурьму, медь, свинец, олово и железо. Угля, однако, мало, и он низкого качества. В стране также множество минеральных источников и, как и везде на полуострове, местные легенды гласят о целебных свойствах некоторых из них, что привлекает в

равной степени смертных и каинитов. Например, Бруха верят, что родник Изебель, бьющий к северу от Браги, дарует экстатические видения тем, кто напьется из него (жестокое испытание для отпрыска Каина). Изебель происходила из карфагенских Бруха и была известна своими пророческими видениями будущего. Она среди первых представителей своего клана прибыла на Иберийский полуостров и приняла Окончательную Смерть от рук римских Вентру в эпоху вестготов.

Климат Португалии умеренный, но от одной территории к другой он меняется в зависимости от почвы, удаленности от моря и прочих факторов. На плато Трас-ос-Монтес и Бейра погода холодна и сурова, тогда как в южных пределах жарко. Даже предельные значения температуры редко превосходят приемлемые пределы. Снег выпадает в горах и на севере страны, и только зимой. Вездесущие дожди создают туман, скрывающий берега, что делает судоходство опасным. Большую часть года ветры дуют с северо-запада, севера и северо-востока, но зимой преобладает юго-западный ветер, обычно сопровождающийся штормами. Погода, в общем-то, благоприятная, и некоторые медики верят, что климат Лиссабона особенно полезен для здоровья.

Растительность Португалии богата и включает практически все виды, растущие в умеренном климате, а также множество тех, что произрастают в жарких странах. Среди деревьев наиболее характерна сосна, но к югу от реки Садо она не растет. Здесь много фруктовых деревьев, особенно в верховьях Доуро и на плато Бейра. Везде растут оливки и апельсины, а на плато Трас-ос-Монтес – миндальные деревья. По всей стране выращивают виноград. Из злаков выращивают рожь и пшеницу, но часть хлеба Португалия вынуждена закупать за границей. Вино, масло, фрукты и овощи, скот и кора пробкового дерева в больших количествах идут на экспорт. Основными отраслями промышленности являются шерсть, золотая и серебряная ювелирная продукция, изделия гончаров. В прибрежных городах основное занятие – рыболовство, и улов кормит не только их, но и обитателей внутренних земель.

Лиссабон

Лиссабон, по легенде, своим названием обязан Улиссу, отсюда его устаревшее имя – Улисайпо или Олиссипо. Финикийцы называли его *Алисуббо*, что означает «хорошая бухта», а римляне, также ценившие ее качества, именовали ее Феличитас Юлия. Город лежит на северном берегу реки Тежу в 12 милях от открытого моря, стиснутый между семью холмами, высящимися один над другим. Город был захвачен

мусульманами в 716 году и оставался в их власти до 1145 года, когда Афонсу Энрикеш изгнал захватчиков с помощью следовавшей в Святую Землю армии крестоносцев, среди которых были англичане, норманны и фламандцы. Вскоре после этого он перенес столицу в Лиссабон из Коимбры. Португальские короли и в дальнейшем прибегали к этому способу – а именно найму иностранных крестоносцев – в битвах против мавров.

Святой Викентий (по-португальски Сао Виценте), святой покровитель Лиссабона, принял мученическую смерть от преследований императора Диоклетиана. Согласно местной легенде, в 336 году его тело укрепили на мельничном жернове и швырнули в море, но его чудесным образом нашли христиане на песчаном побережье Валенсии.

В VIII столетии мусульмане захватили Валенсию, и ее обитатели бежали морем, забрав с собой мощи святого Викентия. Их выбросило на берег в Альгарве, на мыс, ныне известный как мыс св. Викентия. Там они оставались до тех пор, пока Афонсу Энрикеш не изгнал мусульман из Лиссабона. Затем мощи святого были перенесены в собор, только что построенный Афонсу. Король также начал возводить монастырь цистерцианцев в Алькобаке во исполнение своей клятвы (построить монастырь для монахов святого Бернарда в случае успешной войны против мусульман).

Описание. Самый старый район Лиссабона лежит вдоль крутых откосов мусульманской крепости – замка святого Георгия (*Castello de São Jorge*). По соседству с собором (который называется Се (*Sé*) – от *Sedes Episcopalis*, место пребывания епископа) находятся руины римской эпохи, в том числе остатки театра. Неиспользуемый смертными, театр каждый месяц становится встречей городских членов секты Апостолов Каина Третьего. Они собираются в ночь новолуния перед тем, как удалиться на склад в доках, чтобы принять участие во всеобщем кровавом празднике. Апостолы действуют предельно секретно, иначе они будут обнаружены либо Еретиками, либо агентами амбициозного Ласомбра Виценте де Кардоны – и те и другие уничтожат их. Князь города – Бруха по имени Макарио, не желает Апостолам ничего дурного, но и не хочет защитить их от врагов.

Собор Святой Марии – старейшая церковь Лиссабона, возведенная в 306 году. Во время мусульманской оккупации города он служил мечетью. Фасад с башнями и массивным портиком все еще требует восстановления, несмотря на обещания гражданских и духовных властей. За остатками стен старого Лиссабона расположена церковь Сао Викенте да Фора

(*São Vicente da Fora*). В церкви находится усыпальница португальских королей и монастырь. Усыпальница также привлекает Апостолов, чрезвычайно заинтересовавшихся происхождением короля Саншу; согласно их расследованию, есть вероятность того, что он – Мессия. Нисса, одинокая вампирша из клана Каппадокийцев, помогает им в их исканиях, поскольку существует неправдоподобное предположение, что король сфальсифицировал собственную смерть в 1211 году.

Другая достопримечательность Лиссабона – замок святого Георгия. Крепость была построена во времена Юлия Цезаря и укреплена мусульманами, использовавшими ее при обороне города от войск Афонсу Энрикеша. Три ее башни называются Улисс, Альбаррам и Манагем. Крепость теперь служит резиденцией королям Португалии. Ее впечатляющий вид и мощь служат напоминанием того, что Португалия остается нацией, готовой к бою. Реконкиста весьма энергична в этом самом молодом в Иберии королевстве – из опасений, что воины ислама в любой момент вновь его захватят. Итак, Лиссабон остается чрезвычайно укрепленным и населенным солдатами и наемниками всех сортов.

Политика и религия. Лиссабон находится в постоянной готовности к бою. Улицы города оглашаются стуком подкованных сапог, когда сюда приходят португальские рыцари и чужестранные воины. Именно таким предпочитает видеть Лиссабон король Афонсу II. Его дед Афонсу Энрикеш завоевал независимость Португалии отчасти воинской доблестью, и король не собирается терять ее из-за невнимательности к посягательствам врагов. Естественно, что Лиссабон часто оказывается наиболее укрепленным из всех городов Иберии.

Больша́я часть солдат – иностранные крестоносцы, многие из них принадлежат к орденам госпитальеров и тамплиеров, принимавших участие в битве против неверных в Португалии. Как и его отец, Афонсу щедро вознаграждает крестоносцев, относясь к ним как к национальным героям Португалии. Многие из них нажили на этом огромные состояния и стали весьма влиятельны благодаря своей помощи королю. Естественно, их присутствие удивило многих португальских солдат и дворян, считающих, что у крестоносцев есть скрытые мотивы для участия в Реконкисте. Если бы эти патриоты осознали, что многие среди этих чужестранцев – потомки Каина, их степень заинтересованности возросла бы еще больше.

Жизнь в городе. Лиссабон летит по ветру торговли. В большую бухту города и из нее постоянно ходят корабли из многих портов. Они приносят не только еще большее число солдат Реконкисты, но и припасы и новости из остального мира.

Хотя обитатели города все еще чувствуют себя защищенными и несколько беспечны, это постепенно меняется. За последние несколько лет степень близости с Европой поразительно выросла, что привело к лучшему пониманию места Португалии в мировом порядке вещей. Король Афонсу поощряет это, как и князь Макарио; оба верят, что это пойдет Лиссабону на пользу.

Вдобавок, город быстро обретает репутацию дома для лучших моряков Европы. Хотя не все они из Португалии, многие зовут Лиссабон родным портом, так как возможностей здесь гораздо больше, чем где-либо еще. Из Лиссабона открыты атлантические побережья Франции, а также Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, Англии и Скандинавии. К югу манят Северная Африка и края, расположенные за ней. Эти возможности слишком широки для истинных мореходов, чтобы пройти мимо; в этом причина такого большого количества моряков в Лиссабоне. Афонсу еще не извлекает выгоду из этой ситуации, но он намеревается отстроить сильный флот, как только будет уверен в своей позиции на полуострове. Со своей стороны, Бруха мало заинтересованы в морских путешествиях, лишь до той степени, в которой эти странствия приближают исполнение их надежд.

Дела каинитов. Вампиры клана Бруха уже проникли в круг приближенных короля. Одна из них, вампирша по имени Изебель, служила предыдущему королю Саншу в качестве личного астролога и предсказателя. Она стала подлинной его помощницей, когда он начал войну с мусульманами. Бруха надеялись, что Изебель сможет заставить на короля действовать в нужном им направлении, а именно ослабить влияние Церкви и местных дворян.

Эти надежды почти что умерли вместе с королем Саншу в 1211 году. Изебель бесследно исчезла с лица земли. Ни члены ее клана, ни ее враги не имеют понятия о ее судьбе. Тем временем Апостолы Каина Третьего, возглавляемые Балескидой, не уверены, как поступать в этой ситуации. Короля Саншу они считали потенциальным Каином Третьим, однако его смерть поставила это предположение под сомнение. То, что приближенный к королю вампир исчез вместе с ним самим, лишь подбодрило нескольких Апостолов; они верят, что «смерть» лишь предшествовала возрождению короля в образе вампирического мессии, которого они ждут.

За интригами Апостолов и Бруха стоят амбиции Виценте де Кардоны. После многих лет воздействия на старейшин его послали в Лиссабон предъявить права клана Ласомбра на Португалию. Он выглядит несколько невежественным, и уже совершил несколько просчетов, но его список его связей

внушает опасения, а его готовность пролить кровь – живых или мертвых – приводит местных обитателей в замешательство.

Часть III: Аль-Андалус

Все вражьи богатства – наша пожива.
Зятья ваши тоже нас убедили,
Что маврам в поле не кажут спину.

«Песнь о Сиде»

Обзор

Аль-Андалус – область на юге Иберии, контролируемая мусульманами. В период с 711 года воины Пророка захватили практически весь полуостров; однако к XIII столетию аль-Андалус занимает всего лишь южную треть Иберии.

Власть мусульман в Иберии достигла своего зенита в X веке, и главную политическую роль играл Кордобский халифат. Это государство распалось в 1031 году, а последовавшие междоусобицы уничтожили единство мусульман, тогда как христианские королевства на севере все сильнее желали изгнать своих южных соседей.

Две волны вторжений фундаменталистов из Северной Африки прокатились по полуострову. Сначала альморавиды, главенствовавшие в конце XI – начале XII века. Удобства цивилизации ослабили их волю, и на смену им пришли альмохадцы, которые начали борьбу за объединение аль-Андалус. Их успехи были недолгими: они смогли захватить центральные равнины, но им не удалось распространить свою власть на другие территории региона. Время бежит быстро. Пока лидеры мусульман готовятся воевать – или покинуть захваченные земли, их христианские соперники изучают карты и собирают армии. Сокрушительное поражение мусульман при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году посеяло панику и пораженческие настроения.

Политика каинитов. Преобладающим кланами в аль-Андалус являются Ласомбра (или «*Кабилат аль-Хайял*» по-арабски) и Ассамиты («*Бану Хаким*»). Присутствуют также и представители большинства остальных кланов, однако именно эти два приложили к освоению территории наибольшее количество времени и сил. Они прилагают все усилия, чтобы сберечь приобретенное.

С точки зрения политики, каиниты, живущие в регионе, столь же разобщены и разбиты на группировки, как и их смертные соседи. Альмохадцы при сильной поддержке Ассамитов и наиболее прагматичных каинитов других кланов удерживают власть в центральных регионах аль-Андалус. Здесь

насаждается религиозная ортодоксальность, и любое немусульманское лицо вызывает подозрения.

Северные и восточные области пребывают в хаотичном состоянии, управляемые постоянно меняющимися коалициями каинитов, борющимися за свои королевства *таифа*. Султаны клана Ассамитов в первую очередь озабочены сохранением крупного мусульманского государства, способного противостоять европейским христианам. Правителей, принадлежащих к клану Ласомбра, чаще волнуют религиозные проблемы. Султаны и визири других кланов, в общем и целом, заинтересованы в собственной безопасности и сохранении власти. Многие обнаружили в себе желание прийти к какой-то степени сосуществования с их недругами-христианами.

На юге и востоке контроль правящих династий всегда был более слабым (особенно в государствах на востоке, изолированных в силу особенностей географии). Столкновения христиан и мусульман были весьма жестокими, но при всем этом их характеризовали скорее взлеты и падения отдельных лидеров, нежели борьба династий. Высокогорья на востоке – единственные территории, уверенно контролируемые альмохадцами. Центральным городом региона – Гранадой – управляет султан Бадр, отличающийся ортодоксальными (можно сказать даже, фанатичными) религиозными взглядами и отчаянно отстаивающий свою независимость.

Восточное побережье и Балеарские острова находятся за пределами власти альмохадцев. Валенсия в настоящее время управляется ортодоксальным представителем клана Ласомбра, однако бывший султан втайне вернулся в город, и здесь ожидаются крупные политические волнения. Номинально острова – часть домена султана Валенсии, но в реальности для каинитов они – нечто вроде ничьей земли. Здесь живут Ассамиты, несколько Тореадоров и некоторые другие, кормящиеся как христианами, так и мусульманами.

В целом аль-Андалус населена негусто, причем основная масса ее обитателей сосредоточена в крупных городах, а в сельской местности обосновались усердные старатели, земледельцы и случайные чудаки. Что касается архитектуры, в ней оставила следы каждая волна захватчиков. Влияние мусульманской культуры сильно – во всех значительных поселениях имеются мечети; обычным делом также являются кирпичные постройки в арабском стиле, замысловатые конструкции крыш и украшения домов. Хватает здесь и руин, оставшихся от эпох римлян и вестготов, а также римских дорог, мостов и акведуков.

Мечети

Все города, находящиеся под властью мусульман, имеют в своей черте мечети – места религиозного поклонения последователей ислама; в крупных городах, таких, как Кордоба, Севилья и Гранада, эти строения многочисленны. В каждом из этих городов есть *альяма*, или главная мечеть, расположенная в центре жилой застройки и окруженная торговым кварталом (*мединой*). Рядом обычно расположено *медресе* (школа), а также целая россыпь проулков с множеством мелких лавок.

Мечеть состоит из трех строений: минарет, внутренний дворик и молитвенный зал. Минарет, с которого муэдзин созывает верующих на молитву, – это квадратная башня, сужающаяся к верхушке. Обычно ее возводят из камня или кирпича, украшают арками, лепниной и изразцами, а на верхушке укрепляют три золотые сферы (*ямур*).

Во внутреннем дворике (*шане*) обычно высажены деревья и устроены фонтаны; он предназначается для размышлений и часто по периметру его идет крытая галерея. *Ливан*, или молитвенный зал, – всего лишь место, огороженное колоннами и укрытое параллельными рядами арок и нефов, с молитвенными ковриками на полу. Разумеется, украшения колонн и сводов далеки от скромности, особенно в крупных мечетях, собирающих значительные пожертвования. *Михраб* (возвышение) расположен посредине восточной стены (он обращен к Мекке). В небольших мечетях михраб может быть обыкновенной пустой нишей,

Культура. Традиционная терпимость мусульман по отношению к христианам и иудеям (которых называют *«ахль аль-китаб»* - «люди книги») оказала сильное влияние на местную культуру. Мусульмане уделяют внимание развитию как

тела, так и духа. Заботливо возделанные сады, причудливая архитектура и кулинарные изыски, изящные одеяния и манеры соединились, образовав уникальный для Средневековья культурный сплав. Многие христиане (как и многие евреи) обратились в ислам, кто-то из подлинных религиозных чувств, кто-то – чтобы не платить налог, собираемый с иноверцев, а кто-то с целью присоединиться к бюрократической системе и попасть в коридоры власти.

В последнее время Реконкиста активизировалась, тогда как аль-Андалус погрузилась в борьбу за объединение, и веротерпимость начала сходить на нет. Альмохадцы изгнали немусульман из своих городов, и их противники размышляют, не оставить ли им ислам ради перехода в христианство (или возвращения к христианству). Прагматики высматривают возможности обустроиться в других землях. Верующие стремятся объединить общество на основе религии. Что касается теневой жизни, члены Аширры столь же разобщены, как и смертные, меж которых они охотятся.

Королевства таифа

Появившаяся на обломках халифата Омейядов, аль-Андалус так и не обрела силу единства и целеустремленности, характерных для власти ее предшественников. Эмират альморавидов обеспечил аль-Андалус некоторую степень объединения, но их влияние быстро улетучилось, а сменившие их альмохадцы реально властвовали лишь в землях вокруг Севильи. Остальная часть аль-Андалус разбилась на небольшие государства, что предопределило падение халифата и последовавшие волнения. Управляемые отдельными группировками (*таифа*), эти мини-государства будут существовать вплоть до ухода основной части мусульман из Иберии. Со свойственной им хаотичностью и чрезмерным стремлением к соперничеству, королевства *таифа* стимулировали развитие торговли, искусства и наук, но не пожелали объединиться перед лицом христианской угрозы. Их разобщенность и внутренняя грызня стали основой их падения.

Подобное расслоение общества смертных нашло отражение в горьких и изощренных спорах среди каинитов аль-Андалус. После столь долгого гнета под властью султана Кордобы немногие каиниты, живущие вне крупных городов, изъявляют желание расстаться со свободой, которую они обрели во времена политического хаоса последних веков. Амбициозные группы и могущественные вампиры-одиночки способны считать королевства *таифа* собственными доменами, независимыми от окружающего мира. Как следствие, политические игры, борьба

и разрозненность каинитов аль-Андалус достигли новых высот; завистливые султаны не прекращают попыток сохранить и расширить область своего влияния, почти не уделяя внимания тому, что творится за ее пределами. Разумеется, далеко не все смертные не способны увидеть бури, заходящей с севера, и есть каиниты, которым так же не все равно, особенно когда с течением десятилетий напор христиан становится все более очевидным. Большинство дальновидных каинитов готовятся переметнуться на другую сторону или спасаться бегством в Северную Африку, предоставляя последним султанам-вампирам *таифа* возможность обреченного сопротивления.

Несмотря на свое упорство в стремлении к независимости и пересеченную и разнообразную территорию аль-Андалус, королевства *таифа* имеют много общих черт. Ключевой особенностью в них является преобладание исламской культуры, религии и политики. Правители этих крохотных владений гораздо ближе к превратностям судьбы большого исламского мира, чем к географическим соседям – христианским королевствам севера. Хотя эта черта способствует неизбежному падению карликовых государств, из ее наличия следует несколько обобщений, касающихся их внутренней структуры и взаимоотношений. Поскольку точной информации об этих микроскопических королевствах немного, за исключением тех, которые были созданы вокруг крупных городов вроде Валенсии или Гранады, цель этого раздела – дать Рассказчику все необходимые материалы для создания собственного королевства-*таифа*, заселенного как смертными, так и каинитами, а также показать несколько примеров.

Организация

В королевствах *таифа* внутренние противоречия средневековой исламской политики обозначены резко, разделяя эти государства на три большие группы в зависимости от того, кто ими управляет: чиновники, военные или представители знати. Правительства сменяются с приходом или смертью сильных лидеров. Период стабильности редко затягивается больше, чем на десять-двадцать лет. Вмешательство внешних сил – также мощный фактор, учитывая малый размер королевств и междоусобные конфликты в них. Эти столкновения часто направлены по одной из трех линий, перечисленных выше; вопросы религии, расы или экономики редко играют значительную роль.

Бюрократы. Министры, секретари и писцы, составляющие правящую бюрократию исламских государств, формируют влиятельную и мощную клику. Во многом они – цемент, скрепляющий вместе разрозненные группы, обладающие

властью в исламском мире, поддерживая сообщение между знатью, военными, торговцами, учеными-*улама* и простыми гражданами. Чиновники, остававшиеся после Омейядов, альморавидов и альмохадцев, часто были повседневной властью в соответствующем регионе. Многие из них с легкостью присвоили власть себе, как только ослаб контроль из столицы. Правление чиновников также наступало при крахе власти вельмож или военных, или же когда какой-нибудь особенно влиятельный министр умудрялся устранить своих прежних господ, как это произошло при падении Кордобского халифата.

Без сильных местных связей жизнь бюрократических режимов в королевствах *таифа* весьма коротка. Даже если такой режим не будет сброшен другой группой, чиновники будут стремиться к слиянию с местной знатью, и подобные государства становятся неотличимы от любого другого режима, возглавляемого местными магнатами. Единственным крупным исключением из этой тенденции является ситуация, когда бюрократы исходят из немусульманского меньшинства, как правило, евреев или, иногда, мозарабов. В этих случаях чиновничье правление становится сомнительным предприятием, подкрепленным лишь хитростью, блестящим умом и непрестанными успехами лидера. Как только лидер-*дхимми* умирает или терпит значимое поражение, граждане-мусульмане будут стремиться свергнуть его. Такие восстания обычно жестоки и отличаются погромами в кварталах меньшинства, пребывавшего у власти.

Хотя бюрократические режимы *таифа* недолговечны, в аль-Андалус они, как правило, наиболее успешны в экономическом, культурном и (часто) в военном плане. Это неудивительно, поскольку обученные чиновники – опытные дипломаты и администраторы. Многие правители от бюрократии также обладают опытом в военном деле (это является частью хорошего образования любого мужчины) и по меньшей мере так же, как и знатные люди, подготовлены к роли полководцев и капитанов. Помимо очевидных умений, необходимых им для управления своими мелкими государствами, они стремятся открыть себе более широкие перспективы, чем вельможи или военачальники. С помощью образования и жизненного опыта чиновники становятся частью остального исламского мира. Как следствие, они оказываются более способными к управлению местными влиятельными группами ради улучшения всего вокруг, и гораздо более осмотрительными в отношениях с прочими королевствами *таифа* и христианами.

Военные. Привычка исламских режимов опираться на силу наемников, особенно происходящих из обращенных в

ислам этнических меньшинств, привела к многочисленным случаям, когда эти привлеченные войска свергали своих нанимателей и забирали власть в свои руки. В Иберии наиболее распространенным случаем стал переворот, устраиваемый берберскими наемниками, хотя военачальники-арабы, нанятые на востоке, и даже наемные христиане, такие, как Эль Сид, также преуспевали в устроении собственных государств. Такие восстания, особенно произошедшие в хаосе падения халифата и крушения власти альморавидов, были склонны к жестокости и разрушению. Многие банды берберских наемников оказались немногим больше, чем обычные бандиты, и разграбляли и сжигали целые регионы, прежде чем осесть и стать правителями угнетенных выживших жителей. Мирные перевороты, как правило, производились арабскими офицерами, которые просто захватывали власть в приграничных городах и крепостях, когда влияние центра прекращалось, или если их амбиции одерживали верх над преданностью. Таким образом, разница между берберскими и арабскими (мозарабскими) военными государствами весьма заметна.

Причина присутствия арабских и мозарабских военачальников на границах очевидна: их задачей была защита аль-Андалус от нападений христиан. Государства, которые они основывали, были чрезвычайно милитаризованными и беспрестанно боролись с неостановимым продвижением Реконкисты. В результате эти королевства *таифа* оказались в числе наименее влиятельных и значимых. Они просто не существуют настолько долго, чтобы оказать влияние на что-либо хотя бы за пределами собственных границ, или не имеют на это лишних ресурсов. И то сказать, стойкое сопротивление арабских и мозарабских *таифа* резко контрастирует с эгоистичными отношениями с христианами, отличающими прочие государства аль-Андалус. Зато все эти военачальники не теряют власти после того, как сдаются; многие из них становятся вассалами христианских правителей.

Напротив, берберские наемники неистовствовали по всей аль-Андалус все время волнений между основными династиями. Эти группировки, обосновавшись на границе, стали продвигаться к югу за лучшей добычей, и уничтожали население целых регионов, разграбленных ими на своем пути; они причиняли столь серьезный ущерб, что смертельно ослабили отпор продвижению христиан на десятки лет. Немногие из этих мародеров вернулись в Северную Африку, ведь богатые поля и долины аль-Андалус были гораздо привлекательнее, чем бесплодные пустыни их родины, и в конце концов те отряды, что не были уничтожены и сумели не

скатиться до обычных бандитов, обосновались в качестве пришлых хозяев. Тот факт, что они разделяли свои религиозные обычаи со своими подданными, не мешало берберским военным правителям быть жестокими, и они разрушили многие культурные достижения предыдущих поколений. В тех берберских *таифа*, которые протянули больше одного поколения, военные лидеры присоединились к местной знати и стали практически неотличимы от образованных и культурных правителей-предшественников. Поэтому, несмотря на свое начальное варварство, берберы возглавляли военизированные государства дольше, чем те, что управлялись арабами и мозарабами на севере. Однако прочее общество аль-Андалус было ими невостребовано, и потому они сами отдалялись от своих подданных. Что еще хуже, их междоусобная грызня обеспечила христианским монархам севера превосходный шанс вмешаться во внутреннюю политику аль-Андалус. Неудивительно, что государство-*таифа* Гранада, которое просуществовало в качестве вассала королей Арагона до 1492 года, управляется династией Насридов, происходящих от бывшего берберского наемника.

Знать. Как и во всех средневековых государствах, преобладающая элита вне столиц Омейядов, альморавидов или альмохадцев состояла из землевладельцев, главенствовавших в экономике и обеспечивавших набор рекрутов, на который опирались армии в военные времена. Во время правления и падения всех трех династий эти местные магнаты поддерживали их влияние и власть. Королевства *таифа*, основанные особенно могущественными местными лордами, или союзами таких лордов, – наиболее частая форма правления в аль-Андалус XIII столетия. Такие властители – не только благородные люди в западном понимании этого термина, поскольку в исламском мире в число «благородных» включались как рожденные в знатных семьях, так и торговцы различного религиозного и этнического происхождения; поэтому называть такие *таифа* «благородными» будет всего лишь удобным сокращением, чем точным определением. В общем случае, чем более урбанизировано государство, тем более меркантильными и ориентированными на торговлю окажутся, скорее всего, местные властители-торговцы. И наоборот, чем более государство *таифа* склонно к сельскому хозяйству, чем больше в нем деревень, тем скорее у власти в нем окажутся благородные землевладельцы.

На деле, однако, разницы между теми и другими таифа практически нет. Такие государства, как правило, малы и обращены вглубь себя. Конфликты между благородными

семьями преобладают над угрозой с севера, что обеспечивает христианским королям, склонным к дипломатии, удобную возможность подчинить эти *таифа* себе. В своем желании превзойти друг друга в демонстрации изящества и благополучия благородные *таифа* покровительствуют искусствам и учености, а также крупным экономическим центрам. Именно благодаря творениям и образу жизни правителей этих государств появилось почти все то, что принято называть «мавританским»; немаловажно, что этим словом обозначают сибаритскую роскошь и удовольствия. Государства, управляемые чиновниками, возможно, живут лучше, но в своем эгоистичном соревновании знать *таифа* породила бурное интеллектуальное развитие, какого аль-Андалус не знала после падения халифата Омейядов.

И все же это соревновательное стремление, приведшее к столь многим достижениям, является фатальной ошибкой. Местные магнаты сопротивляются любому движению к большему единству, невзирая на то, что лишь выигрывают от крепких связей между управляемыми ими государствами, делающих их сильнее по сравнению с другими претендентами на власть. В этом отношении сыграла свою роль топография аль-Андалус, поскольку для любого *таифа* было трудно скопить достаточные ресурсы, чтобы одержать верх над соседями. Те государства, чья экономика основана на торговле, имеют деньги, чтобы собрать в Северной Африке армию наемников, достаточную для завоеваний или войн, но, учитывая постоянные проблемы с берберскими наемниками, отказываются от этого, нанимая лишь столько воинов, сколько необходимо для поддержания своей силы. Альянсы также не в чести из-за внутренних конфликтов и напряженного соперничества, упоминавшегося ранее. Таким образом, благородные королевства *таифа* не могут отразить вторжение с севера, как и государства остальных типов, а большая часть их интеллектуальной и художественной продуктивности может быть отнесена на счет беспечного фатализма, с которым они игнорируют надвигающийся рок, предпочитая заниматься местными стычками и собственными удовольствиями.

Взаимоотношения

Отношения между королевствами *таифа* вечно представляют собой суматоху, которая, в свою очередь, является отражением их отношений с эмиром альмохадцев в Севилье и христианскими королевствами севера. Несмотря на почти исключительно местный характер интересов *таифа*, эти капризные отношения характеризуют всю аль-Андалус в начале XIII века. Именно они объясняют слабость, приведшую к

катастрофе при Лас-Навас, и продолжившую ослаблять и деморализовать остатки мусульманской Иберии. Это последнее – крушение надежд с таянием шансов выстоять против продвижения христиан – является ключевым в настроении жителей королевств *таифа*. Яростные и бесполезные сражения и интриги между *таифа* и открытость к манипулированию извне – все это явилось реакцией на очевидное роковое наступление северян.

Отношения между *таифа*. Королевства *таифа* чрезвычайно агрессивны. Скудность ресурсов играет в этом небольшую роль, даже учитывая ущерб, нанесенный экономике аль-Андалус падением альморавидов и дань, требуемую все более настойчивыми христианскими королевствами. Расширение территории также не является важным фактором, поскольку большинство *таифа* неспособны контролировать захваченные земли, учитывая трудности сообщения через пересекающие аль-Андалус множественные горные цепи. Причина бесконечных набегов и мелких войн между королевствами *таифа* лежит во вражде и мелочном соперничестве их правителей и связанных с ними семейств и их союзников. Само слово «*таифа*» (группировка) не просто так было выбрано в качестве определения этих государств; вплоть до самого своего завоевания христианами они будут продолжать драку за мелкие выгоды.

Основным ограничителем этой борьбы становится локальность. Королевства *таифа* заинтересованы лишь в отношениях со своими соседями; те, кто расположен поодаль, существуют вне узкого поля зрения элиты *таифа*. Несмотря на драки, мелкие королевства продолжают торговать друг с другом. Наряду с этим, различные правители и влиятельные семейства неизбежно связаны между собой браками и усыновлениями. Социальное и экономическое взаимодействие продолжается и во время войн сторон через посредников из других сообществ или этнических меньшинств внутри каждого государства – особенно евреев, которые обеспечивают необходимую каждому *таифа* для выживания торговлю.

В этой хаотичной среде процветают бандитизм и работорговля, и путешествия вдали от основных путей караванов в аль-Андалус опасно. Соответственно, королевства *таифа*, соединенные друг с другом реками или морем, гораздо более открыты друг для друга, нежели те, что расположены по соседству, но разделены особенностями территории. Грабеж также служит излюбленным занятием правителей, изгнанных из своих мелких владений внутренним переворотом или

продвижением христиан. Сухопутная торговля между *таифа* становится затрудненной и менее прибыльной.

Отношения с альмохадцами. Несмотря на контроль почти что над половиной аль-Андалус, государство Альмохад, созданное вокруг Севильи, играет роль, немного отличную от роли королевств *таифа*. Учитывая то, что альмохадцы больше заинтересованы в сохранении своих владений в северной Африке, чем в расширении контролируемой ими территории в аль-Андалус, эмиры Севильи мало интересуются добрососедскими отношениями с мелкими государствами помимо вымогания дани с королевств, расположенных достаточно близко, чтобы их можно было запугать демонстрацией военной силы. Но и этот уровень интереса иссякает с течением века и появлением угрозы правлению альмохадцев в северной Африке. Лидеры аль-Андалус все больше и больше предаются праздности и чревоугодию и мало интересуются миром за пределами сверкающих границ Севильи.

Угроза, которую альмохадцы могут представлять для независимости *таифа* (как бы мало ни было их желание использовать как-нибудь свою мощь), играет значительную роль в побуждении мелких мусульманских государств к образованию альянсов и установлению даннических отношений с христианскими королевствами. Инерция Альмохада – лишь еще одна мотивация для поисков помощи на севере. Несмотря на это, города альмохадцев, особенно Севилья, – самые богатые и утонченные во всей аль-Андалус и являются центрами торговли и культуры. Хотя их политическая сила иссякла, альмохадцы все еще господствуют в области культуры: странное совмещение черт, которое может быть причиной слабого предвидения изменений движущих сил в христианских королевствах севера, демонстрируемого столь многими правителями *таифа*.

Отношения с христианскими королевствами. Многие правители *таифа*, связанные с общими тенденциями исламского мира, осознали, что их власть над землями становится ненадежной, лишь после недавней и разрушительной битвы при Лас-Навас-де-Толоса. Несмотря на угрозу, они все еще относят свои отношения с христианскими королевствами к той же категории, что и связи с другими королевствами *таифа* или с альмохадцами Севильи. У большинства из них просто не появлялась мысль об идущей войне за религиозное и культурное превосходство. Те же, кто осознает близкий конец своей привычной жизни, понимают и то, что сделать в сложившейся ситуации они могут ничтожно мало. Для большей их части религиозные различия не могут препятствовать заключению браков, торговле или политическим альянсам. Тот факт, что

усердие крестовых походов теперь влияет и на Иберию, многие правители *таифа* осознают, лишь когда христиане окажутся у их порога. И даже тогда большая их часть сразу после Реконкисты поначалу станут вассалами Арагона или Кастилии – королей Арагона, например, мало интересует обращение подданных в свою веру. Поэтому в XIII веке послов, торговцев и предводителей наемников с севера можно найти повсюду в королевствах *таифа*. Лишь в приграничных государствах – где угроза завоевания неотвратима – взаимоотношения натянуты, и рано или поздно в этой ситуации окажутся все государства аль-Андалус.

Таифа в ночи

Разнообразие королевств *таифа* предлагает огромное количество возможностей для основания независимых доменов каинитам любого происхождения. Таким образом, не найдется двух *таифа*, где обитали бы абсолютно одинаковые ночные хищники. Иногда единственный могущественный каинит держит в своих клыках все королевство, а иногда у власти стоит могущественная котерия. Скрытые интриги пронизывают одни государства *таифа*, а в других охотятся бродячие банды каинитов. Однако все эти разнообразные султанаты могут быть грубо собраны в группы в зависимости от их взглядов на Реконкисту.

Традиционализм. Многие могущественные каиниты, объявляющие своим доменом целые таифа, являются традиционалистами. Потерявшиеся в мире прошлого, они вздыхают по ночам Кордобского султаната или какого-нибудь другого периода. Эти темные властители прячутся за ширмой государств, управляемых семействами, которые на протяжении поколений находились под их влиянием, и потому их чаще всего можно найти в королевствах, управляемых знатью или чиновниками. Как правило, это Каппадокийцы, Ласомбра или Торедор. С перспективами, открываемыми им их возрастом, множество султанов с традиционным мышлением в курсе происходящего, но они либо надеются благополучно пережить бурю, как многие из них пережили первое вторжение мусульман, либо считают, что ребяческие драки смертных между собой ниже их бессмертного достоинства. Для многих из этих старых вампиров вера мусульман поверхностна, хотя немногие активные члены Аширры поддерживают многочисленные религиозные организации, пытающиеся поднять верующих против христиан. К несчастью, нескольких весьма могущественных верующих каинитов недостаточно, чтобы развернуть волну апатии и отчаяния, охватившую аль-Андалус. Эти старейшины Аширры неизбежно или пойдут ко

дну, сражаясь с Теневой Реконкистой, или спасутся бегством в северную Африку, чтобы доживать свои дни.

Радикализм. Многие каиниты остро ощутили ограничительное правление Кордобского султаната, особенно те, кто противостоял консервативным взглядам старейшин Аширры. Вслед за падением султаната они ухватились за шанс обрести собственный независимый домен, где они могли бы удовлетворять свое политическое и религиозное инакомыслие без ограничений. Среди этих радикалов – Бруха, ищущие новый Карфаген, Гангрел, желающие подорвать главенство основных кланов, и молодняк Аширры, стремящийся создать «чистые» теократические государства. Группам таких радикально настроенных вампиров удалось объявить своим доменом несколько ключевых *таифа*. С наибольшей вероятностью это те государства, где берберские наемники расшатали традиционные властные структуры смертных, а с ними и *статус кво* каинитов, но некоторые радикалы сумели установить контроль над бюрократическими режимами. Арабские милитаризированные государства на границе с христианами привлекают группировки Аширры. Ни один другой вампир в Иберии не создал такого брожения и беспорядков, как эти радикалы, ведь большинство их не довольствуются следованием собственной философии в одиночку, настаивая на том, чтобы попытаться обратить в свою веру других каинитов. Немногие радикалы предвидят движение Реконкисты до удара Лас-Навас-де-Толоса, а после, возможно, уже поздно делать что-либо, кроме как бежать в северную Африку.

Гибкий подход. Ограничения старейшин Кордобского султаната чувствовали не только радикально настроенные каиниты. Многие каиниты просто отвергали ограниченные возможности, чтобы самим получить богатство и власть, и такие приспособленцы чаще всего встречаются среди каинитов *таифа*. Юные группировки, от которых отгородились старейшины Кордобы, рады возможности изгнать лидеров своих доменов, или найти новых после падения халифата. Происходящие из низших кланов – Равнос, Носферату, Малкавиан, Последователи Сета – эти новые правящие клики начинают создавать себе то, чего они были лишены. Власть и деньги, однако, входят в привычку, и многие из этих новоявленных мелких султанов не могут не распространять свое влияние на близлежащие домены, поощряя дробление и ревность меж смертными, чтобы подорвать влияние своих недругов и расширить собственную власть. Каким влиянием на эти мелкие султанаты обладают древние каиниты, живущие в христианских королевствах и на севере Африки, неясно, однако многие охотно стали в какой-то

мере вассалами в крупных интригах и противостояниях своих далеких старейшин. Неудивительно, что немногие из этих молодых вампиров могут надеяться удержать свою власть перед лицом подступающей Реконкисты.

Запад

Западная часть аль-Андалус не может похвастаться богатством или многочисленным населением. Португальские христиане подступают с севера; крупнейшими городами являются Бадахос в Эстремадуре и Уэльва на побережье Атлантического океана. Последняя процветает в большей степени и потеряет гораздо больше в случае продвижения Реконкисты.

Эстремадура

Эстремадура – редконаселенное плато в дальнем северо-западном уголке аль-Андалус. Большая часть ее территории ровная, но с севера, востока и юга она ограничена лесистыми холмами, которые поднимаются к Монтес-де-Толедо на севере и Сьерра-Морена к востоку и югу. Две крупных реки, Тахо и Гвадиана, пересекают регион с востока на запад. Климат Эстремадуры контрастен; лето раскаленное, а зима ледяная. Сами *эстременьос* четко разделяются на грубых крестьян и утонченных обитателей городов. Эстремадуру часто называют по названию ее крупнейшего города – Бадахос.

Северные районы – лоскутное одеяло пышных долин и предгорий, с деревнями, которые были основаны значительно раньше нашествия мусульман. Самые отдаленный северный район, Лас Урдес, давно страдал от мора, нищеты, колдовства, злых духов и каннибализма. *Урданос* – грубые, упорные люди, пробавляющиеся обработкой каменистой почвы, разводящие медоносных пчел и обитающие в крытых шифером каменных хижинах со скромными удобствами. Их ежедневная борьба за выживание оставляет им мало времени для того, чтобы интересоваться политикой или деяниями завоевателей.

Город Бадахос. Центральное поселение Эстремадуры было основано римлянами в качестве сельскохозяйственного поселка или загородной виллы; до IX века оно не было укрепленным городом. Земли вокруг Бадахоса, богатые и плодородные, питаются водами Гвадианы. В непосредственной близости от города расположено множество деревень, несколько укрепленных городков и руины римской эпохи; многое из этого используется местными сообществами в качестве мест собраний и площадок для празднеств.

Сам город скромен, в нем немного привлекающих внимание зданий; он, однако, сильно укреплен, а его горожане в период

кризиса остаются спокойными. Укрепления окружают алькасабу на южном берегу Гвадианы, но стены тянутся и вдоль большей части остального города. К югу от алькасабы раскинулось сердце города, с торговыми площадями и тавернами, лавками и мастерскими, громоздящимися друг на друга на узких улицах, по некоторым из которых не может даже проехать экипаж. К западу от старого города расположены харчевни и более крупные и дорогие бутики, торговые и корабельные компании, заведения банкиров и искусных ремесленников.

Бадахос: политика и религия. История Бадахоса – это цепь случайных завоеваний, сопротивлений и периодов независимости. Город был частью Кордобского халифата до прибытия в конце IX века Абд аль-Рахмана ибн Марвана. Ибн Марван был солдатом-мувалладом, изгнанным в Бадахоз за ссору со старшим по званию арабом. В 877 году он укрепил город и попросил помощи у Альфонсо III, короля Астурии. Он нанес поражение армии Кордобы, но бежал, столкнувшись со второй, более крупной армией. Возвратившись через семь лет, он правил Бадахосом до своей смерти в 890 году; власть унаследовали его сыновья. Кордоба не пыталась восстановить контроль над регионом до 930 года.

Когда в XI веке власть Кордобы пала, и начался долгий период беспорядков, Бадахос вновь объявил о своей независимости, на этот раз под властью Сабура аль-Саклаби (Сабура Раба). Гражданский управитель Бадахоса при падении Кордобского халифата захватил власть в свои руки и передал своим потомкам. Недолгое время здесь правил португальский путешественник Геральд Бесстрашный, изгнанный в 1169 году альмохадцами, которые с тех пор удерживали город.

Вскоре после поражения мусульман при Лас-Навас-де-Толоса дань и периодическая демонстрация силы воли перестали обеспечивать городу безопасность. Несмотря на отвагу горожан, над ними витает дух неизбежности завоевания. Местные жители желают получить от жизни как можно больше удовольствий до того, как здесь установится христианское правление.

Бадахос: дела каинитов. Бадахос – один из северных аванпостов ислама в аль-Андалус. Поэтому здесь разместилась мощная группировка касты воинов клана Ассамитов. Быстро подчинив себе прочих каинитов города, они начали готовиться к битве против христиан. Новая султанша, Табита аль-Масри, не отличается фанатизмом, и от своих подчиненных требует верности, а не благочестия. Предыдущий султан, полководец Бруха по имени Бассам, согласился оставить пост и служить в

качестве визиря аль-Масри после достойной демонстрации ее целеустремленности – кинжала, приставленного к груди спящего Бассама.

Поражение при Лас-Навас-де-Толоса стало тяжким ударом, разделившим ряды каинитов. Многие бежали из города в предполагаемую безопасность мусульманских центров, таких, как Севилья или Гранада. Большинство оставшихся твердо намерены сражаться, но есть и те, кто готов договариваться с христианами. Табита задалась целью удержать город насколько возможно долго. С помощью могущественного визиря Умара аль-Рашида она пытается обезопасить маршрут отступления для своих друзей – Ассамитов, организовывая защищенные убежища по дороге, ведущей в Севилью. Перед тем, как уйти, она надеется продать свой город по возможности задорого. Она не преследует тех, кто не намерен участвовать в драке, однако за такими горожанами пристально следят. Она ясно дала понять, что любой каинит, который попытается контактировать с христианами, неважно, по какой причине, будет уничтожен. Две таких казни уже состоялись.

Остальная территория Эстремадуры. Крупнейшее поселение центра Эстремадуры – приятный и оживленный город Касерес, где проживает энергичное интеллектуальное сообщество и некоторое количество Тореадор. Стратегически расположенный к югу от реки Альберче и оседлавший старый римский тракт, Касерес, начиная с 1142 года, был несколько раз захвачен христианским королевством Леон, но каждый раз бывал отбит.

Другой крупный населенный пункт на юге Эстремадуры – Мерида. Основанная римлянами в 25 году до н.э., она стала столицей новой провинции Лузитания. Под властью вестготов город оставался важным центром и не был завоеван мусульманами вплоть до 713 года. Под властью мусульман он пришел в упадок, и теперь это лишь медвежий угол в тени Бадахоса, расположенного к юго-западу. Город окружен руинами римской эпохи, среди которых театр, арена, храм, посвященный Диане, несколько усадеб, ипподром и акведук, облюбованный аистами. В руинах живут несколько Каппадокийцев и Носферату, в намерения которых не входят сражения с христианами.

Уэльва и Силвеш

Уэльва расположена почти строго на юг от Эстремадуры. Побережье Атлантического океана состоит по большей части из лагун и дюн, поросших соснами, с цепочкой рыбацких деревень. Посредине береговой линии расположилась Уэльва, промышленный портовый город. Граница с Кадисом и Севильей

на востоке проходит по реке Гвадалквивир, а к западу Гвадиана формирует границу с Португалией. К северу горы Сьерра-Морена обозначают границу с Эстремадурой. Внутренние районы Уэльвы – холмистые равнины, где выращивают злаки, фрукты и подсолнухи. На юго-востоке Сьерра-Морена расположены оловянные копи Рио-Тинто. Силвеш расположен чуть дальше к западу, южнее границы с Португалией, где пассаты дуют в сторону северной Африки.

Город Уэльва. Уэльва – привлекательный город, расположенный на крутом обрыве между реками Тинто и Одиэль. Основанный финикийскими торговцами (они назвали город Онуба, и горожане до сих пор называют себя *онубианцами*), он использовался римлянами, открывшими в горах оловянные копи. Мавры продолжили добывать в них руду и усилили укрепления города, который стал процветающим государством *таифа*. Правительница этого *таифа*, вампирша из клана Ласомбра по имени Лайла, не намеревается терять свое положение из-за перемены течения истории. Чтобы укрепиться на троне, она ведет переговоры с португальским Ласомбра Висенте де Кардона. Она хорошо осведомлена о том, что Висенте – лишь фигляр, но она гораздо более уверена в его посланнике (и по совместительству его дитя) – Родриго Тока.

Город Силвеш. Важный порт, вовлеченный в торговлю с Африкой, в том числе рабами, Силвеш также был крупной военно-морской базой и внимательно управлялся Омейядами, альморавидами и, в конце концов, альмохадцами. Властители обычно назначали различных влиятельных чиновников, чтобы надзирать за городом, обеспечивать его верность и надежность, а также исполнение его важных функций. Когда альмохадцы в начале XIII века потеряли интерес к городу, последний невольничий визирь, свободный человек мозарабского происхождения по имени Дабир ибн Абундио аль-Нойя в 1202 году сумел захватить власть над городом, сформировав с влиятельными торговцами города свободный союз. В последовавшие девять лет Дабир правил преуспевающим портовым городом, подкрепляя свое положение поддержкой торговли, и не разочаровывая пиратов, которые сменили флот альмохадцев на позициях самой опасной военной силы в городе.

К 1210 году Силвеш начал ощущать давление, оказываемое неизбежным продвижением герцогов Португалии к побережью Атлантики. Дабир, однако, не пережил морского рейда англичан в 1211 году[1], но убит был не нападавшими, а

[1] Морские рейды англичан на побережье Испании и Португалии происходили в период англо-испанской войны (1585-1604), группа моряков, которой приписывается этот подвиг, по тексту названная «Морскими Псами Англии» (Ф.Дрейк, У.Рэлей, М.Фробишер, лидер Дж.Хоукинс),

горожанами Силвеша, взбунтовавшимися после пожара в главных доках. Его сменил Нузаир ибн Джамал Абу-Намра, арабский работорговец, обладавший огромным влиянием и богатством, первый среди равных в торговом сообществе города.

До настоящего времени правление Нузаира было относительно стабильным, но город постепенно подпадает уже под экономическое, а не военное влияние Португалии. Продвижение христиан убивает рынок работорговли и отрезает источники большей части товаров, экспортируемых городом. Наиболее состоятельные горожане и торговцы обдумывают переезд в города Марракеш или Фес в северной Африке, тогда как более бедные жители оглядываются на Севилью, надеясь, что альмохадцы смогут их защитить. В 1234 году почти опустевший Силвеш сдастся португальцам без боя, чтобы никогда больше не вернуться к былой значимости.

Каиниты Силвеша. Во времена расцвета Кордобы Силвеш был значимым и прибыльным султанатом вампиров, обязанным своей мощью столице. Султан Кордобы назначал султана Силвеша и надзирал за его правлением. Наряду с торговлей смертных, в городе располагался основной канал беспрепятственного проникновения каинитов в аль-Андалус. Торговля рабами была важна для восстановления стад многих вампиров. В хаосе после распада Кордобского халифата султан Силвеша, некий Ласомбра по имени Фарук ибн Омар, умудрялся поддерживать контроль над городом, продолжая заявлять о своей верности султану Кордобы, и одновременно вести дела со всеми, кто мог ему заплатить. Фарук оказывал равную поддержку каинитам, следовавшим в аль-Андалус за альморавидами и альмохадцами, но было известно также и о его сделках с каинитами-христианами под прикрытием торговли Силвеша с севером, шедшей с перебоями. Он использовал к своей выгоде связи с Ласомбра, находившимися по обе стороны религиозного раскола.

В последние годы, однако, тщательное построение планов и сделок не уберегло Фарука от группы вампиров Баали, пришедшими в аль-Андалус вслед за альмохадцами и пытавшимися извлечь выгоду из хаоса и разрушения. Они посчитали Силвеш идеальным местом для распространения щупалец своей порчи по всей аль-Андалус. Нанеся внезапный удар, Баали вырезали большую часть местных вампиров, замаскировав это под ложный набег христиан. Затем один из них был поставлен в качестве султана под личиной Ласомбра – дитя Фарука. Этот скрытый Баали, Мухаммад ибн Фарук,

---

действовала в XVI веке в правление Елизаветы I. Об аналогичных действиях в 1211 году сведений не нашлось. Скорее всего, фактическая ошибка автора.

отлично осведомлен о том, что христиане подступают, чтобы отобрать у него Силвеш, и радушно принимает посланников от своего предполагаемого собрата по клану Висенте де Кардоны, который, как он надеется, послужит в качестве инструмента распространения его собственной темной веры в землях христиан. Сам факт того, что Баали удалось провернуть эту схему под самым носом Судей, красноречиво говорит о хаосе, охватившем *Amici Noctis* в результате религиозных расколов.

Остальная территория региона. Милях в 20 от Уэльвы расположен укрепленный город Ньебла. Расположенный на пересечении старого тракта с Рио Тинто, город окружен стенами из розового песчаника, протянувшимися почти на милю и толщиной местами до 16 метров. Мавры называли город *Медина Лабла*, он был центром халифского округа, но в настоящее время это независимое королевство *таифа*, контролирующее серебряные копи. В городе живет значительное число евреев, здесь расположено несколько синагог. Султан, иудей из клана Ласомбра по имени Авраам, принимает во внимание эмиссаров Португалии, но пока не связал себя с ними.

Центральные равнины

Самый крупный из регионов аль-Андалус представляет собой просторную, плодородную наносную равнину, по которой течет Гвадалквивир, основной водный путь южной Иберии. Эта область богатых фермеров, заполоненная виноградниками и оливковыми рощами, является родной для Кордобы и Севильи. С политической точки зрения это спорная территория, и здесь под властью местной знати, городских бюрократов или военачальников возникает множество мятежных королевств *таифа*. Лето здесь чрезвычайно жаркое и обычно уносит жизни больных или увечных; зимы же, наоборот, относительно мягкие в низинах и типично суровые в горах.

Кадис

Кадис – самая южная провинция аль-Андалус. На этих землях, простирающихся от устья Гвадалквивира до Гибралтарского пролива, а вглубь – до Сьерра-де-Гразалема, к западу преобладают холмистые поля, а к востоку холмы сливаются в предгорья Серрания-де-Ронда на границе с Малагой; к югу же пассат Испанского Леванта[1] гонит морские воды от Гибралтара. К северу лежит дельта Гвадалквивира, холмистые сельскохозяйственные угодья, где выращивают

[1] Географический регион, охватывающий территорию вдоль восточного (средиземноморского) побережья Пиренейского полуострова, а также Балеарские острова

главным образом виноград. Местное шерри славится на всю Иберию. В самой южной точке провинции расположены города Гибралтар – убежище пиратов и Картерия – процветающий город.

Город Кадис. Кадис – морской порт на мысу, вдающемся в Атлантический океан. Основанный финикийцами город Гадир служил центром торговли балтийским янтарем в обмен на испанское серебро и олово. Римлян сюда привлекло стратегически удобное положение города, и они назвали город Гадесом (его обитатели все еще называют себя *гадитанос*); здесь Юлий Цезарь занял свой первый государственный пост. В правление мавров город испытал экономический упадок, поскольку моряки из мусульман невеликие. Другие порты, такие, как Малага и Аль-Марийят, расположены на средиземноморском побережье за Геркулесовыми Столпами.

Сам город довольно мал, его улицы удачно проложены сетью меж многочисленных площадей. Несколько сторожевых башен смотрят поверх города и океана.

Политика и религия. Долгое время считавшийся захолустьем, Кадис управлялся из Кордобы, стал государством *таифа*, принадлежал альморавидам, а теперь хозяева здесь – альмохадцы. Жители Кадиса – выносливый, склонный к фатализму народ, чей характер хорошо соответствует подчинению воле Бога в исламе. Альмохадцы нашли здесь сильную поддержку, и люди усердно возрождают в них веру.

Дела каинитов. Кадис стал огромной удачей для тех каинитов, кто сопровождал альмохадцев в их походе на Иберию. Здешние каиниты – выносливые и независимые – были счастливы дать пристанище Ассамитам, настолько, что местному султану, мусульманину из клана Ласомбра по имени Гарун, доверили продвижение дела альмохадцев.

Остальные каиниты города либо присоединились к Гаруну в достижении его целей, либо попросту проигнорировали их. Здесь живут, однако, несколько каинитов-иудеев, имеющих свои тайные интересы. Они боятся, что нынешние мир и терпимость закончатся, как только христиане подойдут к воротам города. Поэтому они начали плести интриги против султана, под чьей властью многие из них спокойно жили на протяжении веков. Это не устраивает большинство обитающих в регионе каинитов-иудеев, считающих Гаруна почтенным защитником, но заговорщиков еще нужно обнаружить.

Остальная территория провинции. Гибралтарская скала возвышается почти отвесно над гладью моря, 425-метровый кусок известняка с множеством впечатляющих пещер. Населенный в основном птицами и берберийскими макаками, он

настолько же зловещий, насколько запоминающийся. Финикийцы называли его Кальпе (*Calpe*), а греки – одним из Геркулесовых Столпов (второй – гора Абля, что на другой стороне пролива).

В 711 году Тарик ибн Зийяд высадился здесь со своими войсками и назвал место *Джабаль Тарик* (скала Тарика), но лишь в 1159 году альмохадцы основали город Гибралтар. К их беспокойству, город превратился в хаотичное прибежище пиратов и контрабандистов, где правят грубая сила и страх. Халиф Абдул Мамен построил здесь мечеть, водохранилище и некоторые защитные сооружения (стены и башни), но власть над городом слаба.

В двух милях отсюда финикийцы основали еще один небольшой город, Картерию. Именно из Картерии Юлий Цезарь отправился в поход, чтобы разбить карфагенян у Мунды. В спокойной и хорошо управляемой Картерии живет большая еврейская община, члены которой бдительно наблюдают за Гибралтаром, опасаясь его обитателей. В Картерии живут Ассамиты: несколько воинов и единственный колдун, которые подозревают, что Гибралтар используется Баали, Последователями Сета, или же и теми и другими одновременно для проникновения в Иберию.

Севилья

Севилья не имеет выхода к морю и граничит с Уэльвой на западе, Кадисом на юге, Кордобой и Малагой на востоке и землями христиан на севере. Город великолепен, и, будучи центром мощи Альмохада, является средоточием науки и культуры. Посередине провинции протекает Гвадалквивир, обеспечивая плодородные земли для выращивания зерновых, винограда, подсолнухов и оливок. К северу высятся горы Сьерра-Морена, а на юго-восточном краю поднимается предгорья Серрания-де-Ронда.

Город Севилья. На месте Севильи селились иберы и финикийцы, карфагеняне и римляне – всех их привлекали серебро и медь, добываемые в горах на севере. Мавры захватили город в 712 году, изменив его название на «Ишбилийя» (*Ishbiliyya*). В 1031 году город отказался признать власть Кордобы и стал королевством *таифа*. Севилья была завоевана в 1091 году альморавидами, а в 1146 году – альмохадцами, которые сделали ее основой своей мощи и отсюда пытаются объединить аль-Андалус.

Густонаселенная Севилья оседлала Гвадалквивир, заняв в основном восточный берег, и отличается узкими извилистыми улочками с множеством небольших площадей внутреннего города. Нехватка больших общественных пространств слабо

сдерживает энтузиазм горожан, которые известны своей любовью к фестивалям и празднествам.

Политика и религия. С середины XI века Севилья являлась значительной силой в аль-Андалус; власть в ней с этого времени принадлежала Мухаммаду ибн Исма’илу ибн Аббаду и его потомкам – Аббадидам. За короткое время они завоевали окружающие провинции – Кордобу, Уэльву и Мурсию, и город стал экономическим и культурным центром, известным своими музыкальными инструментами, изразцами и учеными.

Альморавиды захватили город в 1091 году. Радости цивилизации вскоре пересилили их стремления восстановить аль-Андалус. В 1144 году начались восстания против альморавидов под предводительством *суфия* по имени ибн Кази, а двумя годами позже их свергли альмохадцы, просившие ибн Кази о помощи. Вскоре ибн Кази рассорился с альмохадцами, и мистик бежал в Силвеш, но в 1151 году был убит.

Альмохадцы гораздо лучше справились с поддержанием дисциплины, но их усилия опоздали. Реконкиста вступила в свою заключительную стадию, и после поражения при Лас-Навас-де-Толоса эмир альмохадцев Мухаммад бежал с поля битвы. Для защиты от атак с моря в городе началось строительство Торре-дель-Оро (Золотой Башни), но настроение у горожан мрачное. Поражение кажется неизбежным.

Дела каинитов. Султан Севильи – Геруза бинт Иоав, еврейка, обратившаяся в ислам после смерти. Геруза находится в сложном положении. Принятие ею мусульманства заставило городских каинитов-иудеев отвернуться. Несмотря на ее лояльность по отношению к Аширре, до конца ей не доверяют. Ощутимая трусость смертного эмира сильно навредило его надежности как правителя – и несколько группировок строят планы его низвержения, пока он делает акцент на необходимости объединения. Смертных заговорщиков более чем достаточно, но в драку включились и несколько членов Аширры.

Среди последних главенствует клика Каппадокийцев, обычно не заинтересованных в политике, но сейчас чрезвычайно озабоченных тем, что объекты их интереса в Италике (что к северу от Севильи) не смогут быть защищены под властью христиан. Их лидер, Алия, - предельно безжалостная вампирша с печальными глазами и вкусом к предательству. Другая группировка – воинственные члены Аширры, возглавляемые Ласомбра Рейхамом, по сути являющиеся инструментом Умара аль-Рашида, могущественного Ассамита-визиря, жившего в Свелье с момента прихода сюда альмохадцев. Именно аль-Рашид возвел Герузу на позицию султана, и лишь он один – если ему что-то не понравится –

сместит ее. Рейхам, разумеется, считает себя главным в этой интриге, и обратил на пользу «своего» дела имама Риду, местного влиятельного религиозного деятеля из числа Аширры. Без ведома обеих фракций Геруза сумела проникнуть в самое их сердце и со временем планирует разобраться с ними. Под новой мечетью города лежит древний вампир-вестгот с колом в сердце, и Геруза, если потребуется, напустит его на своих врагов.

Остальная территория провинции. В шести милях к северу от города Севилья лежат руины римской деревни Италика. Она была основана Публием Корнелием Сципионом; здесь родился император Траян. Его наследник Адриан провел здесь большую часть своей юности. Мавры покинули город после того, как паводки изменили русло Гвадалквивира. Руины включают третий по величине в Римской империи амфитеатр, когда-то вмещавший 25 тысяч зрителей, и удачно распланированный город с шестьюдесятью или около того строениями. Говорят, что руины населены призраками гладиаторов, которые сражались и умирали в амфитеатре. Несколько Каппадокийцев перебрались сюда; считается, что они ищут духов. Вампиры и призраки вместе заставляют смертных держаться подальше от руин; те, кто рискуют, редко возвращаются.

Крупное поселение на востоке – Кармона, где размещаются два алькасара, и проживает крупная еврейская община. Это сильное королевство *таифа*, за стенами которого расположен огромный римский некрополь с более чем тысячью могил.

Кордоба

Провинция Кордоба полностью изолирована от моря. Центр ее – широкая долина Гвадалквивира, где растет множество оливковых деревьев, и над которой возвышается город Кордоба. Когда-то он был сердцем мусульманской Иберии, престолом халифата, заявлявшего о своем наследовании от Омейядов Дамаска. Теперь же, хотя город все еще кипит жизнью, дни его славы позади.

Город Кордоба. Расположенный на плодородных равнинах по обоим берегам Гвадалквивира, город относится к Бронзовому веку. Римляне основали здесь город в 152 году до н.э. В этом культурном центре родились философ Сенека и поэт Лукан. Город захватывали и вандалы и вестготы. В конце 711 года Мугуис аль-Руми завоевал его во имя ислама.

В Кордобе, бывшей когда-то величайшим городом в западной Европе, стояли великолепные мечети, патио, сады и публичные бани, библиотеки и обсерватории, акведуки и уважаемая школа. С экономической точки зрения, город

процветал, причиной чему была как сельскохозяйственная продукция, так и изделия ремесленников (которые работают по коже, металлу и ткани, изготавливают глазурованные изразцы). Старый вестготский алькасар, где теперь размещается правительство, был оставлен Омейядами, когда они переехали в город *Медина Азахара*. Алькасар, расположенный к западу от мечети, укреплен и соединен с мечетью мостом. Мечеть Кордобы – гордость города, и все правившие здесь халифы расширяли и совершенствовали ее. *Юдерия*, расположенная между мечетью и западными стенами города, представляет собой лабиринт тесных проулков и проходов. Множество площадей разбивают узкие улочки и служат местом встреч, а попасть в квартал можно через древние Иудейские Ворота.

В последние годы город обветшал, население страдает от гражданской войны, правления чужеземцев и экономических невзгод. Альмохадцы начали программу обновления и строительства, но их недолюбливает большая часть жителей, которым не по нраву аскетический стиль жизни хозяев.

Политика и религия. К 756 году Кордоба была столицей аль-Андалус. В течение нескольких веков она была центром мусульманской культуры и образования, порождая поэтов, ученых и философов. В 758 году Абд аль-Рахман I, Омейяд, бежавший из Дамаска, основал независимый халифат. При его наследниках город рос, достигнув пика в начале XI столетия в правление Абд аль-Рахмана III, его сына аль-Хакена II и визиря аль-Мансура.

С 1008 и по 1031 годы город был разрушен гражданской войной – его регулярно атаковали претенденты на халифский престол. В 1031 году халиф Хишам II отрекся от престола, и власть Кордобы рухнула. В 1069 году город завоевала Севилья. Влияние его как культурного центра оставалось, однако, сильным. В XII веке в городе родились мусульманский ученый ибн Рушд, на Западе более известный как Аверроэс[1], и философ-иудей Мозес Маймонид[2].

В 1094 году альморавиды захватили город. После череды восстаний в 1148 году их сменили альмохадцы. Новые правители затратили множество ресурсов в попытке восстановить

---

[1] Абу-ль-Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд (1126 — 1198), западноарабский философ, автор учения о единстве действия мирового принципа, работ по медицине и астрономии

[2] Рабби Моше бен Маймон, араб. Абу Имран Муса ибн Маймун (1135 — 1204), еврейский философ, раввин, врач и разносторонний учёный своей эпохи, кодификатор законов Торы. «Путеводитель заблудших» («Далалат ал-хаирин»), один из самых противоречивых трудов Маймонида – философские отделы комментариев к «Мишне Тора», написанные на арабском – оказали большое влияние на средневековую схоластику.

Великая мечеть

Великолепная мечеть Кордобы имеет четыре различных секции, каждый из которых отражает отдельный этап ее строительства. Строительство начал Абд аль-Рахман I в 785 году, поместив здание на месте, где ранее была вестготская церковь, а до того – римский храм, всецело вознамерившись построить величайшую мечеть в исламском мире. Стена, обращенная на запад, была сохранена, чтобы сэкономить время и материалы, но это значило, что *михраб* мечети будет обращен к Дамаску, родине Абд аль-Рахмана, а не к Мекке. Колонны, оставшиеся от вестготского и римского здания, были использованы вновь, как и другие, привезенные из руин в регионе. Эти колонны были различной длины и изготовлены из разных материалов, включая мрамор, яшму и порфир. Более длинные колонны были закопаны в землю, чтобы выровнять высоту основания, а для поддержки крыши со временем выстроили второй ряд колонн и арок. Композиция здания напоминает римский акведук, с чередующимися полосами красного кирпича и белого камня, придающими аркам одинаковый вид.

Абд аль-Рахман II в период между 833 и 848 годами расширил мечеть, добавив девять арок к южной стороне. В третий раз мечеть увеличивали при аль-Хакиме II, при этом южную стену уничтожили и добавили еще четырнадцать рядов колонн. Халиф пригласил византийских мастеров, чтобы создать новый *михраб*, ориентированный на Мекку (а не на Дамаск) и усиливающий голос возглавляющего молитву. Потолок

уверенность его жителей в будущем ислама и укрепить их в преддверии надвигающейся бури, но, учитывая новость о поражении при Лас-Навас-де-Толоса, которая еще свежа в умах каждого, эти усилия, похоже, тщетны.

Дела каинитов. Султан Кордобы, могущественный Гилель аль-Масаари – воин-Ассамит, пришедший в Иберию с первым походом мусульман в 711 году. С тех пор ему удавалось сохранить свое положение. Глубоко религиозный, но не догматик и не фундаменталист, он со свойственными ему гибкостью и верой смог переждать бурю, разразившуюся после падения халифата и завоеваний альморавидов и альмохадцев, и сохранить при этом свою власть в целости. Поражение при Лас-Навас-де-Толоса лишь утвердило его в подозрении, что ислам в Иберии обречен.

Аль-Масаари, однако, не является активным правителем, поэтому молодые вампиры давно уже способны набрать влияние в Кордобе. Один из таких – Ассамитка из касты визирей Энам аль-Димшак. Она прибыла в город два десятка лет назад и с помощью сочетания мастерских интриг и искреннего доверия султана достигла своего нынешнего положения. Она отчаянно пытается сохранить мир и хочет, чтобы султан вел своих подданных вперед, а не

размышлял в ожидании последней битвы. Она подозревает, что за меланхолией султана стоит Ласомбра Мириам бинт Аиша, одна из внушающих наибольший страх Судей в Кордобе, но доказать это не в силах. В городе также живет большое число Тореадор, многие из которых разделяют заботы аль-Димшак и поддерживают ее.

Остальная территория провинции. В четырех милях от Кордобы лежит огромный укрепленный город Мадинат аль-Захра, или Медина. Его начал возводить Абд аль-Рахман III в 936 году в честь своей любимой жены Азахары, не считаясь с расходами на строительство. Город раскинулся почти на милю в длину и около 420 метров в ширину, заняв три террасы. Наследники Абд аль-Рахмана также жили в этой крепости, но город быстро пришел в упадок после смерти аль-Мансура. В 1010 году гражданское население взбунтовалось, и город был окончательно разрушен берберскими наемниками. Вампир-султан Кордобы, Аль-Масаари, теперь вершит в руинах свой суд.

К северу лежат горы Сьерра-Морена. Холмистые пашни, засеянные злаками, уступают заросшим дубами и соснами предгорьям и глубоким лощинам. Это излюбленное место для охоты на оленей и кабанов, грифов и орлов; по слухам, здесь живут несколько Гангрел, но ни одного смертного.

Область на юге, называемая Лос-Педрешес – холмистый регион с оливковыми рощами и виноградниками. Крепость Лусена лежит у подножия гор на востоке, охраняя подступы к Гранаде. Она является доменом отшельника Ласомбра по имени Рафик ибн Гарун. Вампиры вступают на эту территорию на свой страх и риск, а покидают лишь с благословения хозяина. Единственное крупное поселение в горах, заслуживающее внимания, – Прьего-де-Кордоба, известное своими тканями (главным образом шелком). На южных границах провинции степи в конце концов отступают и сменяются известняковыми горными грядами системы Пенибетико, полной узких долин и крутых хребтов.

Восточные горы

Северные области высокогорья Сьерра-Морена бедны и мало населены, зато богаты минералами. К востоку лежат вершины Сьерра-Морена. Эта территория по большей части контролируется королевством Гранада. Регион, как и впадина Гвадалквивир, страдает от обжигающей жары летом, но зимы значительно холоднее, и обильные снегопады здесь – обычное дело.

Малага

Территория Малаги поразительно разнообразна. В плодородных внутренних землях реки прорезали глубокие ущелья в горных хребтах и известняковых образованиях, а озера стали домом для бесчисленных фламинго. Линия побережья состоит из песчаных побережий и невысоких обрывов. Город Малага – крупнейший порт и поселение, тогда как к востоку лежит Ла Азаркия, непокоренная территория бандитов.

Город Малага. Расположенная в устье реки Гвадалмедина, в широкой бухте, Малага разрослась вглубь региона и имеет мягкий климат с небольшим количеством дождей. Основанная финикийцами, посадившими здесь первые виноградники, Малага стала деловым портовым городом во времена римлян, экспортируя минералы и сельскохозяйственную продукцию из внутренних земель. Под властью мусульман она стала основным портом, поддерживающим Гранаду.

Малага может похвастаться двумя основными крепостями. Более старая из них – Гибралфаро, построенная в VIII веке. Она возвышается над более новой постройкой, алькасабой, и два укрепления соединяет навесная стена. Алькасаба имеет двойную стену, множество башен и несколько зигзагообразных проходов, формирующих вход. Она расположена на более низком западном склоне холма, возвышающегося над центром города, и цветущие палисандры вокруг погружают крепость в лиловое сияние.

Жители Малаги известны своим жизнерадостным, великодушным нравом, а также яростной преданностью своему городу. Хотя это позволило горожанам избежать преследований и тягот от более строгих правителей, это также породило в соседях, пристально наблюдающих за городом, некоторые сомнения в преданности его жителей.

Политика и религия. Берберские военачальники захватили власть в Малаге во времена бунтов XI столетия и правили ею как государством *таифа*. Их правление не было ни особенно эффективным, ни просвещенным, но торговля по большей части шла беспрепятственно, и малагские фиги добирались даже до самого Багдада. С приходом в 1090 году альморавидов все изменилось. Многочисленное христианское население деревень провинции страдало под властью новых правителей, заключивших в тюрьму городского епископа. Альморавиды правили менее столетия, а затем их сменили альмохадцы, проводившие еще более строгую религиозную политику.

Растущее недовольство своими правителями сделало граждан провинции восприимчивыми к идее христианского

правления. Даже иудеи и мусульмане города чувствуют себя неспокойно под тяжелой рукой своих новых хозяев, и они, несомненно, осведомлены о приносимом вреде.

Дела каинитов. Сельскую местность провинции населяют некоторое количество Гангрел, Бруха и Вентру, стремящихся к сосуществованию со своими собратьями – мусульманами и иудеями. В городе группы евреев и мозарабов подвергаются все возрастающему давлению: принять новую веру или бежать; в результате готовность города к встрече с христианской угрозой ослабевает.

Бадр, султан Гранады, имеет большое влияние в Малаге, и послал в город эмиссаров, чтобы оказать давление на местного султана, почтенного муваллада, Брухаа по имени Коман, чей сир выжил в Карфагене. Бескомпромиссность Бадра в отношении религиозного послушания угрожает безопасности его собственного города, однако Коман не желает рисковать своим доменом всего лишь ради помощи ортодоксам. Местные члены Аширры колеблются между тем, чтобы поддержать Бадра, и попыткой отстоять собственную независимость.

Жизнь в провинции. В каких-то 30 милях от Малаги Гвадальорсе прорезает себе путь сквозь Гарганта-дель-Чорро, огромное ущелье протяженностью около трех миль, глубиной около 400 метров и шириной всего около 9 метров. Рядом расположена Бобастро – крепость на вершине горы, принадлежавшая Омару ибн Хафсуну, известному в IX веке бандиту. Теперь в крепости обитает выводок воинственных членов Аширры, намеревающихся продержаться здесь против христианских захватчиков столько, сколько смогут.

Элвира (Гранада)

Элвира – самая гористая провинция аль-Андалус; более половины ее территории покрыто горами Сьерра. Узкий выступ ее территории протянулся к границе с Мурсией и стал домом таким городам, как Гвадикс, вырезанный в мягких скалах, или База, расположенная на востоке, где начинается область полузасушливых пустошей, протянувшихся до Аль-Марийят[1].

В горах Сьерра-Невада расположены самые высокие вершины Иберийского полуострова; дубы и сосны покрывают их склоны снизу, а выше лежат альпийские луга и каменистые осыпи. Лесистые долины отводят воду гор в долины основных рек востока и запада.

---

[1] Арабское название Альмерии, в буквальном переводе – «зеркало» (имеется в виду водная гладь моря).

Гранада

Гранада раскинулась на восточном краю плодородной равнины у подножья гор Сьерра-Невада, высящихся на юге и востоке. Первыми здесь поселились иберы; затем здесь жили финикийцы, греки и карфагеняне. Римляне основали здесь город, названный Илибрис. Вестготы расширили поселение и отстроили городские стены; в этот же период времени иудеи основали собственный пригород на южных склонах Альгамбры, названный Гарната Алиехуд.

Мавры вторглись в город в 711 году и назвали его Карнатта. Правитель *таифа* Зави ибн Зири разместил в Гранаде, контролировавшейся Кордобским халифатом до XI столетия, свою столицу. Город процветал под властью и альморавидов, и альмохадцев. Он остается преуспевающим торговым центром.

Политика и религия. Кордоба властвовала над провинцией до 20-х годов XI века, когда берберский генерал Зави ибн Зири захватил провинцию и перенес столицу из Элвиры, поселения на открытой равнине, в Гранаду, расположенную в предгорьях Сьерра-Невада и потому гораздо более удобную для обороны. Династия Зиридов быстро превратила Гранаду в основную региональную силу. Необычная политика Зави, позволявшая способным администраторам продвигаться по службе независимо от их вероисповедания, привела к власти еврея Самуэля ибн Нагрила. Старший государственный служащий, Самуэль сумел «справиться» с кризисом наследования власти в 1038 году (после смерти Зави) и успешно посадил на трон своего фаворита Бадиса. До своей смерти в 1056 году Самуэль был фактическим правителем, а затем власть перешла к его сыну Иосифу. Но в 1066 году *факих*[1] Абу Ишак (*Abu Ishaq*) раздул в городе анти-еврейские настроения, и Иосиф был убит, за чем последовал погром.

Вскоре после этого городом завладели альморавиды. С их приходом управлять городом стала Севилья. В 1099 году они разрушили церковь и начали изводить христиан; время терпимости ушло не на шутку. В 1154 году город захватили альмохадцы, и религиозная нетерпимость достигла новых высот. Вместо того чтобы объединить город под дланью ислама, альмохадцы разбили его хрупкое единство.

Дела каинитов. Обстановка в Гранаде стала крупной неудачей Аширры в аль-Андалус. Таинственный Ласомбра, султан Бадр, произвел столь сильное впечатление на Ассамитов,

---

[1] (араб. «знающий») богослов-законовед, овладевший *фикхом* - комплексной правовой системой в исламе, на основе которого решаются вопросы соблюдения мусульманских ритуалов, морали и социального поведения.

пришедших с альмохадцами, что они не стали бросать вызов его власти. Бадр изгнал из города всех каинитов – христиан и иудеев, а также инакомыслящих мусульман, и начал готовиться к войне с огромным усердием. Но подобный фанатизм не стал подспорьем в деле ислама. Гранада – главная основа мощи Альмохада, но смертные последователи каинитов деятельно восстановили друг против друга враждебные группировки, сделав невозможным для альмохадцев объединение аль-Андалус против христианской угрозы. А там, где стадо овец разбито, волки тоже разделяются.

После Лас-Навас-де-Толоса дух смертных и каинитов стремительно упал. Бадр, кажется, не обращает на это внимания, но местные Ассамиты разделились в мнениях. Визирь Фарид – противник строгого фундаментализма Бадра – призывает к более рациональному подходу к поддержке интересов Аламута. Но колдунья Назира поддерживает Бадра, и ее слово имеет большой вес для потомков Хакима.

Остальная территория провинции. Город Гвадикс расположен на расстоянии около 40 километров на берегах Рио Гвадикс и окружен плодородными пахотными землями. По преданию, город основан Юлием Цезарем в 45 году до н.э. Вскоре здесь были построены серебряные и медные прииски, а также железные шахты. Мавры, в свою очередь, развернули здесь прибыльное производство шелка, на доход от которого они построили стену и впечатляющие ворота. Алькасаба, построенная в X-XI веках, возвышается над городом. Стены и укрепления из красного песчаника окружают впечатляющую центральную башню, откуда открывается вид далеко на окружающие земли. Алькасаба крепка, но местные жители боятся христиан. Многие из них начали рыть пещеры в мягком туфе, из которого состоят окружающие холмы.

Альмерия

Альмерия – один из самых засушливых и отдаленных и наименее населенных регионов аль-Андалус, более напоминающий о гостях из северной Африки, чем об остальной Иберии. В глубине этих земель расположено немного поселений разных размеров, ни одно из которых не отмечено на картах. Единственный город – сама Альмерия. Дни в этом регионе, окруженном горами, долгие и жаркие, осадков мало. Пейзаж не особенно разнообразен, с пустошами, пересекаемыми горами, и береговой линией, отличающейся высокими обрывами, труднодоступными гротами, пещерами и иногда – дюнами. Сельскохозяйственные делянки преобладают на чрезвычайно плодородных прибрежных низовьях. Несмотря на климат и редкое население, Альмерия сумела стать чистым экспортером

сельскохозяйственной продукции, что сделало провинцию доходной и даже обеспечило местным жителям некоторую степень благосостояния.

Город Альмерия. Альмерия, имеющий огромную ценность порт на побережье Средиземного моря, контролировалась тесно связанным альянсом городской знати с самого начала вторжения берберов в 711 году. Из трех семей аль-Вади и аль-Рималь были арабами, а семейство Невес – мозарабами, происходящими от одной из исконных вестготских фамилий, правивших этими землями вслед за крахом власти римлян в VI веке. Эти три семьи, под чьим контролем находятся все плодородные земли вокруг Альмерии, позаботились о том, чтобы всей череде правителей, назначаемых халифатом Омейядов, было известно, кто на самом деле властвует в городе. После падения халифата эти губернаторы взяли власть в собственные руки и подкрепляли ее, столкнувшись с раздорами между тремя семействами, альморавидами и альмохадцами; при случае им, однако, приходилось приносить ложные клятвы верности новым захватчикам.

Когда за падением Альмохада последовали беспорядки, Альмерия оказалась неподготовлена к хаосу, поскольку все три семейства оказались вовлечены в ожесточенный спор насчет неких ценных оливковых рощ. Поэтому, когда в 1199 году берберские наемники из племени Аббасов высадились в Альмерии, город смог выстоять лишь в самой короткой из битв. Несмотря на быстроту поражения, большая часть окружающей местности была опустошена. Сотни людей были убиты, и еще больше попали на рынки рабов в Северной Африке. Семейства аль-Вади, аль-Рималь и Невес были вырезаны или обращены в рабство вместе со всеми местными семьями, которые не смогли выкупить себя, чтобы подчиниться новому правителю Альмерии, Бассаму ибн Коману аль-Аббасу.

Аль-Аббас сформировал новую династию правителей, Аббасидов, и распределил пустующие земли вокруг между своими сторонниками. В следующем поколении Аббасиды стали практически неотличимы от правителей, которых они свергли – превращение, которому способствовало немалое количество женщин-рабынь из семейств аль-Вади, аль-Рималь и Невес, выданных замуж за убийц их родных. Жизнь вошла в нормальное русло, хотя пахотные земли так и не стали вновь столь же продуктивными, а убийство или порабощение еврейской общины Альмерии в полном составе в процессе завоевания повредило торговле. Восстановлению не помогли и несколько войн Аббасидов с их соседями, особенно с берберской династией Насридов из Гранады.

Благодаря удачному географическому расположению Альмерия долгое время избегала угрозы наступления христиан, но в конце концов их более сильный сосед – Гранада – смогла в 1234 году завладеть городом с помощью сочетания династических браков, взяток и обещаний защиты от подступающих армий короля Арагона. Уцелевшие члены династии Аббасидов бежали в северную Африку или сумели ужиться с новой властью, которая продержалась до 1492 года.

Дела каинитов. Влиятельная семья Невес, объявившая себя правителями города и окружающих земель во время захвата Альмерии вестготами, имела могущественного союзника. Теодерик Невес, великий дед первого лорда Альмерии из семьи Невес, многие годы присматривал за своими потомками. Когда семья решила осесть в городе, он присоединился к ней. Вентру по крови, Теодерик был потомком римского каинита, желавшего приобрести власть над новыми захватчиками. Истинный варвар, более приспособленный к полям сражений, чем к придворным условностям, Теодерик оставил льстивые речи своего клана и продолжил свой путь крови. Он оказался в недоумении относительно того, что делать с поселением в Альмерии. Поначалу он удовольствовался выслеживанием и уничтожением нескольких каинитов, остававшихся в городе. Затем он присоединился к своим сородичам в покорении окрестных земель, купаясь в кровавой жестокости и разрушении.

В конце концов Теодорик угомонился, став господином теней Альмерии. В течение последующих двух столетий он воспитывал свое стадо смертных и безжалостно преследовал любого каинита, осмелившегося вступить в его домен. Несмотря на его собственничество в отношении территории, он стал полноправным старейшиной Вентру и даже принял небольшое участие в делах своего клана. К несчастью, отчужденность Теодерика оставила его без союзников, когда в 711 году за вторжением в Иберию мусульман последовали фанатичные члены Аширры. Перед лицом превосходящего числа врагов и перспективой Окончательной Смерти Теодерик отдал себя на милость захватчиков. Он принял ислам и принес клятву крови новому имаму вампиров Кордобского султаната. Занимая позицию чуть выше, чем раб, Теодерик служил своим новым хозяевам на протяжении веков, пока хаос, вызванный падением Кордобского халифата, не позволил ему разработать долгосрочный план и уничтожить своего хозяина, после чего он под прикрытием беспорядков бежал назад в Альмерию.

Вернувшись в свой прежний домен, Теодерик тайно обосновался здесь и подчинил себе нескольких каинитов города.

Не имея иной цели, кроме как вернуться к независимости и беспечальной жизни, которую он вел раньше, Теодерик старался держать Альмерию вдали от основных волнений, сотрясавших каинитов Иберии. Он игнорировал конфликты смертных, проносившиеся по полуострову, мало внимания обращая на религию, политику и даже на судьбу своих смертных потомков. Единственной его заботой стала собственная безопасность, и ее он обеспечивал, строго надзирая за каинитами в своем маленьком султанате, встречая грубым насилием все, что он принимал за угрозу. Он ничем не противостоял нашествию берберов – ведь оно послужило отличной ширмой для устранения нескольких каинитов, чья возрастающая сила беспокоила его. Не тревожит его и медленная убыль богатств города, причиной чему постепенно отрезаемые христианами торговые пути и набеги, опустошающие отдаленные районы. Он успешно заключил договоры с гранадскими членами Аширры и каинитами Арагона, чтобы обезопасить свою непрерывную власть. Он надеется пережить окончание Реконкисты, когда Аширра, когда-то изгнавшая его, канет в Лету.

Восточное побережье и острова

Средиземноморское побережье Иберии отмечено крупными портами вроде Валенсии, когда-то бывшей домом Эль Сида, или Картахены. Оба города лежат на фронте Реконкисты. Далеко в море, фактически представляя собой отдельный регион мусульманских владений в Иберии, расположены Балеарские острова. Четыре крупных острова, омываемые теплыми водами Средиземного моря, лежат поодаль от восточного берега полуострова: Мальорка с высокими и широкими утесами и тихими труднодоступными пляжами; Менорка с красивейшим побережьем и укрытыми пещерами; Форментера с равнинами, пляжами и скалистыми обрывами; и Ибица с каменистыми берегами и песчаными пляжами. Мягкий климат омрачается лишь обжигающей летней жарой.

Мурсия

Мурсия, вне сомнений, – наиболее изолированная область аль-Андалус. Здесь жарко и сухо, а сама территория в форме алмаза грубой огранки отрезана от западных соседей (Кастилии и Гранады) сухими взгорьями и горами; к северо-востоку лежит засушливая южная оконечность Валенсии. Единственным разнообразием в провинции служит юго-восточное побережье.

Обширная система орошения с каналами, водяными мельницами и акведуками распределяет воду скудных дождей. Сельское хозяйство сконцентрировано в плодородной долине

реки Гвадалентин и примечательно своими урожаями цитрусовых и виноделием.

Жители Мурсии – *мурсианос* – относятся к чужеземцам со сдержанностью или даже недвусмысленным подозрением. Провинция слишком долго была объектом притязания дальних государств (Кордобы или Севильи), но особенности географии гарантируют, что подобный контроль в лучшем случае останется номинальным. *Мурсианос*, похоже, беззаботно относятся к подобным заявлениям; вне зависимости от того, насколько далеко отсюда династия, желающая править землями, жизнь здесь идет, как всегда шла.

Город Мурсия. Основанный Абд аль-Рахманом II в 825 году в качестве колонии, Мурсия – маленький город, оседлавший реку Сегура. Известный своим *медресе*, город стал родиной множества ученых, специализирующихся на строительстве и разведении животных. Большая мечеть расположена к северу от реки, в нескольких кварталах дальше на север находится медресе. Город вечно охвачен суетой, ученики и торговцы помогают создать атмосферу благоразумия и эффективности.

Политика и религия. Кордобский халифат номинально правил Мурсией до своего краха, но в 1078 году город попал под влияние Севильского *таифа*. Ибн Аммар, посланный управлять провинцией, не стал тратить времени на утверждение собственной независимости, но был предан человеком из собственного двора и вынужден бежать.

Следующая страница политической жизни города открылась в 1146 году, когда дворянин из Сарагосы Саиф аль-Даула, прибыл сюда, поддерживаемый Альфонсо, королем Леона и Кастилии. Однако Альфонсо посчитал аль-Даулу ненадежным союзником и предал его, приказав своим посланникам убить его. Затем Альфонсо возвел на место правителя более предпочтительного союзника, Мухаммада ибн Марданиша. Называя себя Королем-Волком (*El Rey Lobo*), ибн Марданиш одевался, говорил, сражался и ел как житель Запада, и до своей смерти в 1172 году настраивал Мурсию (и Валенсию заодно) против альмохадцев. С этого времени альмохадцы номинально властвуют над этими землями, но их хватка далека от крепкой, и Мурсия по существу остается независимой.

Дела каинитов. В IX столетии в Мурсии поселилась Аширра, в первую очередь Ласомбра и некоторое количество Носферату. Когда власть Кордобы рухнула, вампир-султан Ясар аль-Нахьян, ученый-Носферату родом из Дамаска, мудро решил просто продолжать существовать, как будто бы ничего не произошло. Кастильские Ласомбра прибыли сюда, когда власть

в городе в 1146 году захватил их смертный союзник ибн Марданиш. Аль-Нахьян убедил посланников Ласомбра, что он должен оставаться на позиции султана, однако предложил им включить их посла (Эрменгола, священника Ласомбра) в круг своих приближенных. Таким образом, его домен оставался номинально независимым на протяжении еще 26 лет, пока Ассамиты не убедили визиря султана, мусульманина-Ласомбра Омара аль-Азиза, действовать в своих интересах. Аль-Азиз никогда не был доволен правлением султана, и его оказалось легко убедить в том, что город лучше послужит исламу под властью более благочестивого султана.

Альмохадцы захватили город в 1172 году; аль-Азиз убил аль-Нахьяна, став султаном вместо него. Первым его решением стала казнь Эрменгола. Убийство посла Ласомбра единокровным мусульманином без элементарной консультации с *Amici Noctis* стало одним из оскорблений, по причине которых эта благородная группировка стала поддерживать дело христиан в Иберии. В город прибыло некоторое количество Ассамитов, но они предпочитают не выделяться, защищая султана из тени. Их присутствие является постоянной угрозой для местных каинитов и напоминанием вероломства аль-Азиза. Выжившие сторонники аль-Нахьяна достигли кастильских Ласомбра в надежде найти нечто общее. Ассамиты знают об этих сношениях, но пока что не могут найти преступников.

Остальная территория провинции. Единственный значимый город (помимо Мурсии) – Картахена, важный портовый город, основанный иберийцами, завоеванный Гасдрубалом и позже расширенный римлянами. Сейчас это – независимый эмират и важный центр судостроения, чью экономику поддерживают сельское хозяйство и шахты. Город стал домом некоторому количеству Гангрел, преданных альмохадцам, а также нескольким Ассамитам, отслеживающим всех прибывающих в порт и уходящих отсюда.

Валенсия

Провинция Валенсия протянулась от города Винарос на севере (что в каких-то двухстах милях от Барселоны) до города Торревьеха (расположенного в полусотне миль к востоку от Мурсии). Вся местность усеяна военными укреплениями, многие из которых в спешке ремонтируются, но еще большее их количество сильно в этом нуждается. Север Валенсии известен как *Коста дель Азахар* («берег апельсиновых цветов»), зеленый гористый регион старых римских поселений и апельсиновых плантаций. Поселение на месте города Сагунто, что всего лишь в 15 милях от столицы провинции, существовало с V века до н.э.

Римляне перестроили его (назвав Сагунтумом), и его обитатели до сих пор пользуются результатами их трудов.

Город Валенсия. Валенсия – важный морской порт, расположенный на излучине реки Турия в каких-то двух с половиной милях от океана, почти посредине восточного побережья Иберии. Римляне основали здесь свое поселение в 138 году до н.э., вслед за греками и карфагенянами, и соорудили оросительные системы, превратив его в центр сельского хозяйства и заложив основу будущей репутации региона как фруктовой и овощной корзины Иберии. При арабах эти системы были улучшены и расширены.

Когда Рим пал, пришли вестготы, но они, в свою очередь, были изгнаны волной захватчиков-мусульман в 711 году н.э. Восхищенные Валенсией, мусульмане стали развивать экономику города. Вскоре Валенсия стала богатым сельскохозяйственным и промышленным центром, известным своей керамикой, бумагой, шелком, кожей и цитрусовыми плодами. Сам город, однако, несколько тусклый – здесь нет примечательных мечетей или памятников. Это с лихвой восполняется богатым разнообразием местного населения, *валенсианос* (*Valencianos*). Пестрая дружелюбная толпа христиан, мозарабов, мусульман и иудеев бурлит и поднимает настроение в городе своим весельем, заставляя хозяев города (смертных и бессмертных) постоянно быть начеку.

Центр города – рынок и место для собраний. Торговые районы города окружают площадь с востока и запада. По четвергам здесь проходят «водные суды» (*Tribunal de las Aquas*), где местные фермеры решают спорные вопросы орошения. На юге города раскинулся промышленный квартал. За рекой к востоку и северо-востоку расположены дома богатых и власть имущих горожан, а на севере лежит старейшая (и беднейшая) часть города.

Политика и религия. Валенсия всегда была доходным, энергичным городом. Но процветание привело ее к безделью – правители города к XI веку будто бы растеряли свою строгость. В 1095 году Родриго Диас, искатель приключений из Кастилии, в истории известный как Эль Сид, завоевал Валенсию. Он удерживал ее вплоть до своей смерти в 1099 году, а его наследники – до 1102 года.

После смерти Диаса город оказался не в силах остановить подступающие армии альморавидов, и христианам пришлось бежать. Возрождение ислама было скоротечным, но город не погрузился в праздность и пороки, как некоторые другие. Близость христиан (и урок, преподанный Эль Сидом) гарантировали бдительность новых правителей. Альморавидам,

однако, не удалось предупредить возвышение Мухаммада ибн Марданиша (Короля-Волка), который в 1146 году при поддержке Кастилии и Арагона захватил власть над Мурсией и Валенсией. Ибн Марданиш держал врагов на расстоянии до самой своей смерти в 1172 году, после чего альмохадцы быстро установили здесь свою власть, осторожно балансируя между друзьями и врагами.

Дела каинитов. Под властью мусульман Валенсия стала средоточием интересов детей Каина, привлекая Ассамитов и Ласомбра, а также отдельных вампиров других кланов, преимущественно Носферату, Тореадор и Гангрел. Валенсийские члены Аширры не были смещены Ласомбра, поддерживавшим Эль Сида, и приняли правила нового князя практически без жалоб, как велел им их султан, Малкавиан Абдулла Мудрый. Эль Сид умер в 1099 году, и с его смертью власть христиан-Ласомбра испарилась. Немногие вампиры-христиане, прибывшие в город с Эль Сидом (большей частью Ласомбра и Тореадор) либо ушли, либо примирились со своими собратьями-мусульманами; те, кто этого не сделал, долго не протянули.

Когда в середине XII века город захватил Король-Волк, небольшая группа членов Аширры решила действовать. Местный религиозный лидер Аширры, имам Абу аль-Фулани, узурпировал власть султана Абдуллы и приговорил его к Окончательной Смерти за услужливость по отношению к христианам. Малкавиан сумел ускользнуть, и с тех пор его не было видно. Всем каинитам города был предоставлен выбор: защищать Валенсию от новых вторжений христиан или быть казненными. К удивлению нового султана, большая часть вампиров города – христиан и иудеев – согласились защищать свой город под его предводительством. Когда умер Король-Волк, бессмертные города спокойно приняли каинитов-альмохадцев, пришедших в город. Аль-Фулани объявил, что вера должна быть обновлена, и начал восстанавливать ортодоксальный ислам. Его советники направляют его энергию на защиту города от христиан, которые явно готовятся пойти в крупное наступление, но Абу считает себя в первую очередь имамом, а уже потом султаном.

В этой постоянно меняющейся кутерьме в регион тайно вернулся Абдулла Мудрый. Он обеспечил себе верность нескольких старших *алимов*[1] Аширры и планирует возвратить город к его былому процветанию. Пока что его успехи невелики, зато к его печали, его убежище неподалеку от Сагунто

[1] (араб. «учёный») признанный и авторитетный знаток теоретических и практических сторон ислама, со временем стало уважительным прозвищем.

обнаружено Гангрелом Шабако Нубийцем. Тот пока не выдал своего присутствия и решает, как лучше всего распорядиться этой информацией.

Остальная территория провинции. К югу местность становится более засушливой, а в глубине региона гористый участок Эль Маэстрасго усыпан древними деревеньками, приютившимися тут и там на горных сбросах и хребтах, населенными крепкими шахтерами и пастухами. В южном углу Маэстрасго расположена Морелья, один из старейших постоянно населенных городов в Иберии: крепость на вершине холма с замком, окруженная стеной протяженностью почти в милю. Здесь живет некоторое количество старых Носферату и Гангрел помоложе; их интересы лежат не в делах религии, а исключительно в выживании.

Балеарские острова

Поселения на Балеарских островах датируются не позднее 5000 года до н.э., и они были постоянными портами захода для финикийских, карфагенских, римских и вестготских торговцев. Обитатели островов жили в каменных домах и производили глиняную посуду, инструменты и ювелирные изделия. Мусульмане завоевали острова один за другим. Их обитатели восприняли культуру новых хозяев с энтузиазмом. Четыре крупных острова – Мальорка, Менорка, Форментера и Ибица – каждый обладает собственным характером, а единственный крупный город на островах – Пальма-де-Мальорка – остается важным форпостом ислама. Лето здесь жаркое и сухое, зима прохладная и влажная. Рыболовство остается основным занятием островитян, как и традиционное производство ювелирных и глиняных изделий.

Политика и религия. Балеарские острова в некотором роде удален от основного направления политики каинитов, как христиан, так и мусульман. Мавры завоевали острова в самом начале своей военной кампании, и управители давно уже привыкли к беззаботной жизни. Тесно сплетенный клубок семей благородных арабских торговцев – Абу-Калифа, аль-Мирани, аль-Тикрити, аль-Убайидх – главенствовал на Балеарских островах от первого их завоевания мусульманами в 720 году. В 1015 году Муджахид аль-Амисс завоевал острова и управлял ими из Дении, что на побережье Валенсии. Его сын Али продолжил правление, но альморавиды перехватили острова и удерживали их до 1203 года, когда небольшая армия альмохадцев наконец не подчинила их себе.

Во время всех этих завоеваний знатные торговцы фальшиво уверяли своих очередных хозяев в преданности и продолжали свою безмятежную жизнь; изолированность и благосостояние

позволяли им запугивать и подчинять себе местные власти и делать что заблагорассудится. Но подобное заносчивая и часто бездумная независимость изолировала острова, а постоянные набеги христианских торговцев на восточное Средиземноморье сделало их первой целью христианских репрессалий[1]. Прочие действия христиан, помимо набегов, мало интересуют торговцев Мальорки, поскольку их торговая сеть является частью остального исламского мира. Они не обратили внимания на рост могущества христиан и отказываются поддерживать попытки альмохадцев отстроить на островах флот, способный противостоять продвижению короля Арагона вдоль побережья Иберии.

Несмотря на переход территорий аль-Андалус из рук в руки, эти годы оказались хорошими для Мальорки, даже учитывая завоевание острова альмохадцами. Новые виллы знатных торговцев, новые мечети и огромные новые базары (сак – *suq*) – самые очевидные знаки состоятельного и успешного исламского торгового сообщества. Бурная торговля оливковым маслом и различными грузами с христианских судов оплачивает все строительные проекты, культурные предприятия и роскошный образ жизни благородных. Многие альмохадские правители все менее могущественны, и знатные торговцы с удовольствием используют беспомощных представителей власти для ведения повседневных дел на островах. Они, однако, не скупятся на оборону и военные силы, поскольку обеспокоены переворотами, которые возглавляют наемники, кого бы нужно было привлечь на стены и военные корабли.

В конце концов, король Арагона Хайме, поддерживаемый морскими силами, собранными со всех христианских портов восточного Средиземноморья, почувствует себя достаточно сильным, чтобы в 1229 году бросить вызов пиратам Мальорки. Сделав это, он выведет знатных торговцев на чистую воду, и острова окажутся практически беззащитными против мощного флота христиан. Некоторые благородные обратятся в бегство перед лицом арагонцев; менее удачливые смогут выкупить себя и свои семьи и отплыть в северную Африку. Власть получит христианский губернатор, и значимость Мальорки как торгового и культурного пункта ждет горький финал.

Мальорка. На северо-западном берегу острова возвышается горная цепь Сьерра-де-Трамунтана. Этот редкой красоты регион изобилует оливковыми рощами, сосновыми лесами и маленькими деревнями. Весной полевые цветы привлекают сюда богатых путешественников, но большую часть

[1] Правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

года местные жители предоставлены сами себе. Береговая линия рваная и представляет собой череду песчаных заливов и открытых пляжей. Южный берег очерчивают скалистые утесы. Центр острова представляет собой ровную плодородную местность, усеянную поселениями земледельцев и мастерскими.

Единственный город на острове – Пальма-де-Мальорка – привлекательная путаница каменных улочек, широких, окаймленных деревьями бульваров, узких петляющих проулков, церквей, мечетей и синагог. Главная мечеть покоится вдалеке от суматохи портов, за небольшим парком. Общественные бани расположены всего в нескольких минутах ходьбы к востоку – цепь подземных камер со сводчатыми потолками, поддерживаемыми колоннами. Прилегающий к ним двор – популярное место среди богатых и влиятельных жителей города, где они отдыхают и обсуждают дела. Султанша Ясмин разместила свой двор в старой христианской капелле на задворках города.

Дела каинитов. Вампиры Балерских островов наслаждаются своей независимостью от общих течений в

Бани

Римляне издавна строили публичные бани, но мавры довели эту традицию до высокого искусства. В каждом городе имеется несколько бань, называемых *хаммам*, причем главные бани примыкают к мечети и служат для ритуальных омовений. Богатые и влиятельные люди, разумеется, строят в своих домах собственные бани.

Устройство бани стандартно. Посетители входят через открытый дворик в холл, где их приветствуют; затем мужчины и женщины разделяются. В банях имеются три купальни: прохладная, теплая и парилка. Прохладная комната (*баит аль-мислай*) предназначена для раздевания. Одежда заменяется полотенцами, тапочками и банными рубахами. В теплой комнате (*баит аль-вастани*) есть бассейны, как и в горячей (*баит аль-саджуни*), где высокая влажность заставляет потеть и этим очищает поры. Бортики бассейнов предназначены для отдыха, массажа или стрижки. Дровяная печь под полом прогревает и воду и воздух. Крыши бань – простые сводчатые конструкции со звездчатыми пролетами. Стены покрыты изразцами, а полы сделаны из впитывающего влагу плитняка. Колонны и округлые арки, заимствованные из римских руин, поддерживают крышу.

В банях обычно хороший персонал, банщики обеспечивают все нужды купальщиков (полотенца, мыло, духи, масла и т.д.) Другие растапливают печи и чистят бани. Цирюльники и массажисты предлагают свои услуги. Для посетителей бани – место отдыха, где можно посплетничать или вести дела.

Аширра и прочие каиниты, охотящиеся на мусульман, не видят причин не участвовать в этих удовольствиях. Многие крупные города имеют бани, которые содержат каиниты. Имея в распоряжении податливую пищу, члены Аширры пьют специальные препараты, позволяющие им потеть кровью. Потеряв достаточно крови для того, чтобы почувствовать

каинитском сообществе, являясь пестрой компанией отшельников, эксцентриков и неудачников. Предполагается, что все четыре острова входят в домен султанши Пальмы Ясмин, Ассамитки-колдуньи альмохадского происхождения. Ей удалось вдохнуть жизнь и веру в членов Аширры, живущих на островах, но заставить их принять угрозу, исходящую от христиан, – в этом она преуспела гораздо меньше. Они попросту не верят, что Реконкиста окажет на них влияние, в чем они, несомненно, ошибаются.

Ясмин завела дружбу с Юлиусом, старым Гангрелом, бродящим по Ибице. Однако Кассиб, лидер тайно созданного на Форментере *рибата* (боевого крыла Аширры), завидует позиции султанши, и солгал ей о том, что Юлиус обнаружил их *рибат*. Если Ясмин отдаст приказ убить Юлиуса, она может потерять важного союзника и отдалиться от прочих местных бессмертных. Если она этого не сделает, Кассиб считает, что сможет оправдать ее уничтожение перед вышестоящими вампирами. Кассибу неизвестно, что Юлиус и в самом деле узнал о существовании *рибата* и пытается убедить Ясмин в том, что ее единокровный сородич – опасный фанатик, всеми силами стремящийся уничтожить их обоих.

Менорка. Менорка, самый восточный из островов, обладает по сравнению с остальными более прохладным и влажным климатом – настоящее благословение в летний сезон. Зимой, однако, остров одолевает морозный ветер трамонтана. Главное поселение острова, Мао, расположено на утесах восточного окончания Менорки. Северная половина острова – цепь плавных зеленых холмов со скалистым побережьем. Южная половина более ровная и сухая, с более плавной береговой линией, песчаными пляжами и высокими обрывами. Основной продукцией, производимой на острове, являются сыр и кожаные изделия. Южный берег усыпан доисторическими развалинами и примечателен системой пещер, включающей погребальные пещеры, относящиеся к самым ранним поселениям на острове.

Ибица. Ибица вместе с Форментерой известны как «острова сосновых лесов» (*Islas Pitiusas*). На Ибице выпадает мало дождей, а сам остров суров и скалист. В дополнение к соснам земледельцы острова выращивают оливки, фиги и миндаль. Берег Ибицы чередует каменистые участки и песчаные отмели. Немногие бессмертные обитатели острова – это Юлиус, древний Гангрел, пришедший в регион с войсками Цезаря, и его спутница, Тореадор по имени Зара, поэтесса, очарованная морем.

Форментера. Это самый маленький и наименее развитый из четырех основных островов. На большей частью ровной и суровой (кто-то может сказать – унылой) Форментере, тем не менее, есть красивые пляжи с перекатывающимися песчаными дюнами, обрамленные зазубренными скалами. В центральной и восточной областях острова влачат свое существование несколько земледельцев, но основная часть острова покрыта сосновыми лесами, соляными пластами и пастбищами. Остаток населения живет в рыбацких деревнях, раскиданных вдоль побережья. Все бессмертное население Форментеры составляет *рибат* фанатиков Аширры, возглавляемый новообращенным Ассамитом-воином Кассибом.

Часть IV: Власть имущие

Рахиль с Иудой, клянитесь десницей,
нас ни христианам, ни маврам не выдать

«Песнь о Сиде»

Группы каинитов

Каиниты Иберии существуют в среде союзов и баланса сил, изменчивой даже в большей степени, чем их смертная добыча. В других регионах Европы могущественные каиниты с уверенностью могут объявить своим доменом целые области, но только не здесь. Старейшины, разумеется, напрягают свои древние мускулы, но быстро смещающийся фронт Реконкисты приносит больше выгоды тем, кто получил Становление недавно. Новообращенные и служители обладают гибкостью ума и энергичностью, необходимыми для успеха в войне. Они занимают гораздо больше лидирующих позиций, чем старейшины.

Ласомбра Сильвестр де Руис носит неофициальный титул лидера каинитов в регионе, но его притязания вряд ли безоговорочны. На деле несколько других старейшин едва ли признают его первенство, а молодые вампиры чаще лишь уверяют его в своей преданности, вместо того, чтобы исполнять приказания. Иберия каинитов – скорее рассказ об отдельных князьях и султанах, каинитах-рыцарях и каинитах-эмирах, чем о цельных группировках. Среди христиан архиепископ Мадрида – Ласомбра по имени Монкада и князь Памплоны – Малкавиан Роке, выделяются из толпы, тогда как среди мавров наиболее значительны Ласомбра Мириам бинт Аиша и султан Гранады Бадр из того же клана, а также Ассамит-визирь Умар аль-Рашид.

Тем не менее, существуют определенные обширные общности, обладающие престижем и властью – по меньшей мере, номинально.

Клан Ласомбра и Теневая Реконкиста

Иберийский полуостров населен вампирами клана Ласомбра по обе стороны религиозного раскола. Исторически сложилось так, что Судьи объединились против внешнего вторжения и сделали весьма серьезную заявку на владение всей Иберией в качестве домена. Они усмирили внутренние разногласия перед первоочередной целью показать, что все остальные пьют кровь в Иберии лишь с благоволения Ласомбра.

Борьба смертных мусульман и христиан всегда представляла собой большую опасность для этого единства, поскольку по обе стороны конфликта было значительное число предположительно искренних Судей. Вплоть до конца XI столетия клану, однако, удавалось сохранять свое единство.

Падение этой ширмы сопровождалось несколькими ударами по единству Судей. Первый из них пришелся на начало XI века, когда члены *Amici Noctis* не позволили дать Становление великому лидеру мусульман аль-Мансуру без его собственного на то желания. Великий полководец отказался, и Ибрагим, старейший из мавританских Ласомбра и потенциальный сир аль-Мансура, решил на время отойти от дел, чтобы оправиться от неудачи. Ибрагим долгое время был способен мастерски примирять свою веру и интересы клана, поэтому, когда он устранился с позиции лидера, единство Ласомбра не могло не понести урон. На лидирующие позиции среди мусульман Ласомбра вышли Бадр, религиозный фанатик, вознесшийся до трона султана Гранады, и Мириам бинт Аиша, несравненная мастерица интриг. В мире смертных слава Кордобского алифата померкла, и его место занял хаос государств *таифа*, что воодушевило лицемеров по обе стороны религиозного противостояния.

В конце столетия на полуостров вторглось берберское племя альморавидов, попытавшихся навести порядок во владениях мавров. За ними по пятам пришли поддерживавшие их Ассамиты. Потомки Хакима жили в Иберии еще во времена зависимого эмирата, но вторжение альморавидов, казалось, стало сигналом к новой фазе их вовлеченности в жизнь региона. Умар аль-Рашид, могущественный член касты визирей, обосновался в Севилье и заявил о том, что Аламут как никогда раньше поддерживает дело мусульман, и возможно, объявит полустров своим владением. Несмотря на мольбы Ибрагима, Мириам отказалась противопоставить себя этим притязаниям, предпочитая использовать интриги в борьбе против самого Умара один на один. Что еще хуже, Бадр открыто заявил о том, что поддерживает мусульманский натиск Ассамитов. Старейшины христиан Ласомбра, в особенности Сильвестр де Руис, зашептались о том, что пришло время Клану Теней поставить Ассамитов (а заодно и мавров) на место.

Успех Родриго Диаса де Вивара, больше известного как Эль Сид, в борьбе с альморавидами, дал христианам клана Судей, особенно молодым, пример для подражания. Ибрагим воспрепятствовал Становлению Эль Сида, как ранее это было проделано с аль-Мансуром, но его легендарная жизнь завершилась, став для христиан Ласомбра еще более возбуждающей, чем его не-жизнь стала бы когда-либо. Вплоть до нынешних ночей Ласомбра (да и другие вампиры), вознамерившиеся нанести поражение маврам, проводят целый день, бодрствуя возле могилы Эль Сида. Термин «Теневая Реконкиста» появился на устах вампиров вскоре после смерти Эль Сида, как обозначение усилий тех, кто предпринял такое бдение. В десятилетия, прошедшие после смерти де Вивара, сумел возвыситься один из его компаньонов, Терцио Браво, вступивший во мрак. Этот подстрекатель из клана Ласомбра стал одним из первых лидеров Теневой Реконкисты и отстаивал необходимость полного истребления всех членом Аширры (каинитов-мусульман) в Толедо. Этой резне не суждено было случиться, но Браво остается могущественной, вызывающей разногласия фигурой.

Бдение

Ласомбра, участвующие в Теневой Реконкисте, проводят целый день, бодрствуя подле могилы Эль Сида, и клянутся не знать покоя, пока мавры не будут изгнаны назад в северную Африку. Они также дают клятву не поднимать оружия против собратьев Ласомбра, занятых тем же делом, хотя эту клятву престижнее нарушить, чем соблюдать. В последнее время число сторонников Теневой Реконкисты растет, в первую очередь за счет молодых Ласомбра, желающих произвести впечатление на своих старейшин.

Дневное бдение у могилы Родриго Диаса де Вивара не запрещено членам клана Ласомбра, хотя желающие предпринять его должны получить одобрение воина Теневой Реконкисты из клана Судей. Прочие Ласомбра, не так прочно связанные с Реконкистой, также могут предпринять бдение, но такой поступок обыкновенно означает моральную поддержку попыткам оттеснить мавров.

Не все Ласомбра так уж рады

Итак, к 1170 году единство Ласомбра в Иберии, по большей части, является удобной выдумкой. Судьи с обеих сторон верны *Amici Noctis* лишь на словах, в критической ситуации, но при дворе и на поле битвы они сталкиваются лицом к лицу. Но и эта видимость сходит на нет в 1172 году, когда альмохадцы захватили Мурсию, до этого управлявшуюся вассалом Кастилии. В мире теней Ласомбра аль-Азиз при поддержке Ассамитов Альмохада возвысился до поста султана, убив предыдущего султана – посланника христианских Ласомбра по имена Эрменгол. Аль-Азиз

совершил над ненавистным Эрменголом ритуал Амаранта, не прибегая к Суду Крови, как это принято у Ласомбра. Когда ни Бадр, ни Мириам не стали возражать против случившегося, христиане среди *Amici Noctis* были вне себя от бешенства.

Внутри *Amici Noctis*. Эти так называемые Друзья Ночи – правящая клика клана Ласомбра, и усилия, прилагаемые для поддержания лидерства клана в Иберии, несколько веков были их первоочередной задачей. По своей сути, *Amici* – группа всех тех вампиров Ласомбра, кто доказал свою полезность, чтобы полноценно войти в состав клана. Члены этой группы часто приглашаются в качестве арбитров в спорах между членами клана, устанавливают политику клана и составляют печально известные Суды Крови, разрешающие одним членам клана совершать ритуал Амаранта над другими. Любой член клана может быть приглашен в число Друзей Ночи, хотя подобная честь обычно оказывается лишь после нескольких десятилетий, проведенных во мраке. Призыв к такому служению – высшая почесть, которой клан может облечь одного из своих членов. Существование *Amici* – секрет Полишинеля среди Ласомбра, и благосклонности этого кружка одинаково ищут как его участники, так и все остальные.

Дробление Иберии, таким образом, стало главной проблемой Друзей Ночи. На расправу и диаблери без разрешения над Эрменголом (который сам был одним из *Amici*) нельзя было не отреагировать – и Друзья Ночи выработали новую линию поведения. Клан в полном составе объявил Кровавую Охоту на диаблериста аль-Азиза, а сами Друзья Ночи наложили запрет для всех Ласомбра, мусульман или христиан, на вынесение на их обсуждение любого вопроса, касающегося Реконкисты. Мусульмане Ласомбра по всему исламскому миру были недовольны такой политикой и заявили о том, что никогда не будут принимать во внимание дипломатическую суету между Мадридом и Сицилией. Все же, при поддержке Старца Монтано (а через него, и самого Ласомбра), эта стратегия стала законом.

В последовавшие сорок лет эта политика лишь еще больше разделила клан. Друзья Ночи редко собирались вместе (если такое когда-либо вообще случалось). Вместо этого члены группы, обитающие рядом, встречаются, чтобы обсудить дела и повлиять на ход событий, а затем с помощью курьеров консультируются с другими Судьями, если это необходимо. Из-за этого давняя вражда и крестовые походы раздробили *Amici Noctis* по религиозному принципу. Мусульмане Ласомбра встречаются с другими мусульманами Ласомбра, чтобы обсудить свои дела, и редко задумываются о том, чтобы спросить мнение своих собратьев-христиан на этот счет.

Некоторые даже утверждают, что теперь существуют две различные группы Друзей Ночи: христиане *Amici Noctis* и мусльмане *Asdiqa' al-Lail*. Эта точка зрения нашла подтверждение в 1202 году, когда каиниты многих граппировок собрались в Венеции, чтобы обсудить маршрут собранного Четвертого Крестового похода. Среди собравшихся были Томмазо Брексиано и Лючита Арагонская, говорившие от имени *Amici Noctis*, и Хадиджа Саадех, представлявшая мусульман клана (для большей информации об этом событии см. хронику «Горький Крестовый поход»).

Договор Седобородых. Насколько известно молодняку, этот паралич и дробление остаются текущим положением дел. Молодые вампиры дерутся в битвах Теневой Реконкисты, не взывая к *Amici Noctis* или Судам Крови. Но глубоко во мраке старейшины уже пришли к решению. Последовав за Четвертым Крестовым походом, Лючита Арагонская и Габриэлла Генуэзская подготовили подробные отчеты о том, насколько хаос вокруг Крестового похода оказался выгоден Еретикам каинитов, подчеркивая тот факт, что дробление Клана Теней является ключевой проблемой. Более того, Кровавая Охота против аль-Азиза оказалась тщетной и безуспешной, поскольку этот диаблерист все еще скрывается в Мурсии, охраняемый целым штатом Ассамитов. Что-то необходимо было предпринимать.

Ключевые игроки по обе стороны раскола, в первую очередь Ибрагим, Сильвестр де Руис и Элиазар де Поланцо заключили соглашение. Этот так называемый «договор седобородых» установил условия, на которых мусульмане клана Ласомбра в Иберии приняли христианское завоевание. Оно не положило конец Теневой Реконкисте или сопротивлению ей, но в общих чертах определило, каким образом Ласомбра с солидной репутацией могут поддерживать свое положение в случае, когда территория переходит из одних смертных рук в другие. Окончательной целью соглашения является поддерживать власть Ласомбра, оттесняя Ассамитов и всех остальных. Таким образом, де Руис надеется окончательно закрепить свой домен на всем полуострове.

После победы христиан при Лас-Навас-де-Толоса «седобородые» постепенно открывают факт существования этого соглашения ключевым игрокам по всему полуострову. Монкада, ревностный католик, обращенный отчасти для того,

Львы Родриго, Теневые Крестоносцы

На склонах Пиренеев и на Столпах Атласских гор Львы Родриго высекли свои имена, как одна из наиболее жестоких и яростных групп рыцарей на службе Теневой Реконкисты. Независимо от задчи, стоящей перед ними, Львы наслаждаются своей кровавой работой. Возможно, они наслаждаются ею даже слишком сильно, если верить каинитам, которые считают их набожность более слабой по сравнению с их жаждой крови и драки. В своем деле по ограничению числа мусульман-грабителей Львы опасно приближаются к числу каинитов, обнаруженных диаблированными в своих убежищах. Тем не менее Львы наставивают на том, что преследуют только еретиков и противников веры, а при отсутствии возражений и острой потребности в солдатах, сударь Настасио не развивает эту тему. Местные князья и прочие каиниты осведомлены о репутации Львов, и немногие осмеливаются давать им приют в своих доменах. Анархический образ их действий также не идет им на пользу, и Настасио часто оказывается разочарован их утверждением, что единственный их предводитель – Господь Бог. Настасио не может отрицать благочестивости этого высказывания, но оно делает Львов практически неуправляемыми, когда они обрушиваются на врага. Многие старейшины уже выражали точку зрения о том, что если бы Львы приняли в последних боях Реконкисты Окончательную Смерть, это стало бы практичным способом избавиления от опасного оружия, которое изжило свою полезность.

Львы Родриго – это опасное сборище беспокойных новообращенных и закаленных служителей, каждый из которых убежден в правоте их действий и жаждет славы и власти над доменом в завоеванных землях. Многие члены братства поначалу служат солдатами-упырями. Лишь те, кто доказал свою готовность пролить кровь во имя Господа, принимаются в число Львов. Слухи о нападениях Львов на каинитов-христиан, увы, также правдивы, ведь Львы не тратят время на тех, кто не бросается в битву против захватчиков, как это делал король Родриго, последний вестготский монарх Иберии. Если кто-то не желает

чтобы стать подстрекателем Реконкисты для целей де Руиса, кажется, покорно воспринял этот договор. Терцио Браво, наоборот, резко его отверг. Со стороны мусульман, Мириам бинт Аиша с охотой использует договор в качестве еще одного инструмента в борьбе против ее врага – Ассамита Умара аль-Рашида, а Бадр намеренно воздержался от каких-либо комментариев.

Аширра в Аль-Андалус

«Аширра» в переводе с арабского означает «братья», именно так исповедующие ислам каиниты называют себя. Аширра – довольно обширная секта, раскинувшаяся по мусульманскому миру, которая продвигает идею о том, что ислам обещает вампирам спасение. Секта предполагает можество линий поведения для каинитов, основанных на требованиях Корана и Хадиса[1], истолкованных мудрецами секты. Они включают несколько молитв каждую ночь, раздачу подаяния и нечто вроде кровавого поста в священный месяц Рамадан. Поглощение крови – проблема для членов Аширры, поскольку это запрещено Кораном. Большинство практикуют ритаульное очищение крови, заключающееся в помещении ее в чашу и вознесении молитвы о прощении Аллаху. Такие вампиры обычно содержат здоровые стада пищи. Многие другие, однако, кормятся так, как им удобно, считая, что дело джихада важнее, чем грех питья крови. Те Ассамиты, кто встал на путь Крови, разумеется, вообще себя не ограничивают.

Секта настолько широко распространена в исламском мире, что термин «Аширра» стал применяться как общее название для вампиров в мусульманских землях. Одни более преданны секте, другие не так ей верны, и хотя она выигрывает в обширности, ей не хватает организации. Существует несколько светил ислама, обладающих некоторым влиянием, но нет никого, кто бы пытался установить домен в регионе. Как и в христианской Европе, мир вампиров – лоскутное одеяло доменов, установленных множеством султанов, от великих до слабых. Аширра имеет религиозных лидеров и наставников (имамов), но почти всегда они находятся под наблюдением местного султана. Во всяком случае, дробление в Иберии очевидно более, чем где-либо еще. (Для большей информации об Аширре см. книгу «Покров Ночи»).

Религиозные лидеры. В большинстве своем благочестивые члены Аширры в аль-Андалус проводят свои не-жизни как могут, обращаясь к местному имаму и своим

[1] араб. «беседа», «предание» - изречение, образ, действие или одобрение пророка Мухаммеда, описанное или пересказанное одним из его сподвижников; вместе хадисы составляют Сунну – одну из основ шариата.

знакомым за советом. Во времена Кордобского халифата единства и смысла в этом было гораздо больше, но с приходом волн захватчиков и смятением системы государств *таифа* частные интересы, кажется, превосходят все остальное. Два вампира, тем не менее, являются авторитетами в делах религии: Бадр в Гранаде и Умар аль-Рашид в Севилье.

Бадр – фанатичный султан Гранады из клана Ласомбра. Он взял себе также и титул имама и исповедует весьма воинственный ислам. Нетерпимый к неверным и ясно осознающий тот факт, что христиане одерживают верх в их бесценной Реконкисте, он призывает к отчаянным мерам. Он желает видеть всех вампиров *таифа* подчиненными его воле и направлять их толпы против христиан с новой яростью. Несмотря на слова о религиозном фундаментализме и его титул имама, Бадр во многом является «политическим животным» и отстаивает мнение о том, что нужды джихада оправдывают отказ от некоторых преимуществ мусульманского образа жизни. Таким образом, его последователи, в общем-то, игнорируют защиту каинитов-иудеев и каинитов-христиан, гастрономические и некоторые другие ограничения.

Умар аль-Рашид – могущественный Ассамит из касты визирей, обитающий в Севилье. Аль-Рашид пришел в регион с альморавидами, и попытки его клана установить свое первенство домена в мавританской Иберии целиком на его совести. Он сделал Риду, имама Севильи из клана Ласомбра, своей пешкой, превратив его в религиозный рупор. Рида призывает к более строгому соблюдению норм религии и более тонкому политическому маневрированию, направленному на ослабление христиан скорее с помощью интриг, нежели силой оружия. Именно Рида разрешил в 1170-х годах диаблировать Эрменгола, посланника Ласомбра в Мурсии. Он считает это удачной попыткой разрушить власть христиан в *Amici Noctis*. Более правильным было бы назвать это попыткой аль-Рашида раз и навсегда прервать связь Ласомбра по обе стороны религиозного раскола.

Прочие лидеры. Хотя Бадр и Умар аль-Рашид являются основными религиозными лидерами аль-Андалус, вряд ли их можно назвать единственными влиятельными вампирами. Среди Аширра, как и среди смертных мусульман, зачастую трудно разделить религиозную и светскую власть, и некоторые вампиры все еще обладают немалым авторитетом в мавританских землях. В период расцвета Кордобского халифата султан города Ассамит Гилель аль-Масаари и его советник Ласомбра Ибрагим были основными лидерами на полуострове. Оба они ушли сос цены после падения халифата; Ибрагим – из-

за того, что не смог склонить к Становлению избранного аль-Мансура, а аль-Масаари – по неким собственным тайным причинам. Оба вернулись, но с несколько уменьшившейся влиятельностью.

В Кордобе также скрывается Мириам бинт Аиша. Интриганка и манипулятор, она использует одни государства *таифа* против других в качестве фигур в причудливой шахматной партии. У нее множество союзников, а Умар аль-Рашид – ее враг, но она, похоже, не имеет видов на полуостров, кроме как ради собственного развлечения. Наконец, есть еще Шабако Нубиец. Этот действительно древний Гангрел дружен (если так можно сказать) с Гилелем аль-Масаари. Несколько столетий назад он обратился в ислам, что подтолкнуло к тому же других вампиров его клана; они стали защитниками веры, назвав себя Гангрелами Таифа. Шабако не отдает приказов и не устанавливает доменов, но старейшины аль-Андалус почитают его из-за его возраста и силы.

Апостолы Каина Третьего

Апостолы – побочная ветвь Ереси каинитов, отколовшаяся от Престола Нод около 1000 года н.э. Их предводители считают, что Нарсес Венецианский, тогдашний Архиепископ Нод,

Основы Ереси

Ересь каинитов – мрачное религиозное движение среди сознательно принявших христианство каинитов, большей частью Ласомбра, а также все растущая толпа смертных священников и клериков. Сторонники Ереси, происходящей от гностицизма и ереси дуализма, пышно расцветших в отдельных областях Европы, верят, что Каин был воплощением духа и вещества, отвергнутым материальным Демиургом. Христос был Вторым Каином, чистым духом, посланным направить человечество к Становлению (и тем самым к Каину). Еретики ожидают кокнчательного разрушения материального мира с приходом Каина Третьего. Согласно некоторым популярным толкованиям священного текста Ереси – *Книги Сияющей Крови* – Каин Третий должен прийти в этот мир в 1206 году, прожить в нем 33 года и в 1239 году обрушить на мир Геенну. Ясно без слов, что эта быстро приближающаяся дата стала причиной некотрого маниакального напряжения среди Еретиков.

Хотя некоторыми Ересь цинично используется в качестве дороги к власти, в ее рядах огромное количество истинно верующих, как каинитов, так и упырей. До недавнего времени всеобщим лидером Еретиков был Нарсес, князь Венеции (носивший титул Архиепископа Нод). Однако десять лет назад он оказал помощь в организации Четвертого Крестового похода на Константинополь, исполняя чье-то древнее стремление отомстить и поставив интересы Ереси далеко позади своих собственных. Это дорого ему обошлось, и Алая Курия (правящий совет Ереси) недавно отстранил Нарсеса от его должности и передал ее Цимисху Никите Средецкому. (о некоторых деталях этой истории

чересчур увлекся мирскими делами и недостаточно занимался духовными потребностями своей паствы. Как некоторые монашеские ордена смертных католиков, Апостолы являются реформистским движением внутри их веры. Они надеются, что их аскетический, суровый образ жизни вдохновит других Еретиков на то, чтобы покинуть праздный Престол Нод и присоединиться к ним в подготовке к пришествию вампира-Мессии.

Эта мессианская идея – многие бы назвали ее одержимостью – отличает Апостолов от многих течений Ереси каинитов. Апостолы искренне верят, что пророчество Каина Третьего исполнится в ближайшие несколько лет. Их толкования некоторых зашифрованных отрывков из *Книги Сияющей Крови*, однако, весьма странны. В частности, они ожидают появления Каина Третьего среди смертных. Они верят, что вампиры не смогут спастись самостоятельно, эта задача по силам лишь смертным. Следовательно, среди детей Сета появится исключительная личность. Он (или она – Апостолы не возражают против спасителя женского пола) проявит свои мессианскую сущность через знаки и чудеса. Как только эти предзнаменования проявятся, на Апостолов ляжет задача даровать этому смертному Становление, чтобы тот занял подобающее ему место Каина Третьего – Спасителя всех каинитов.

Апостолы истолковали последние события в Иберии как исполнение пророчеств Еретиков, и обосновались в крепостях на христианском севере, особенно в Наварре и Арагоне. Они используют изрезанные ущельями горы в этих регионах, чтобы прятаться и странствовать ночами, выискивая новые знаки появления мессии. Апостолы убеждены, что смертный, которому суждено стать Каином Третьим, уже рожден и живет в Иберии. Войны на полуострове и резня, которой они сопровождаются, лишь еще более убеждают этих искренне верующих. В конце концов, разве не гласит *Книга Сияющей Крови*, что «он придет среди крови и войны, и битва будет его вестником»?

Вера Апостолов в их искаженную версию Ереси непоколебима, несмотря на все усилия Престола Нод отвлечь их. Старейшины Апостолов ведут особенно аскетичный образ не-жизни, отвергая роскошь и богатство, свойственные основной группе Еретиков и их Алой Курии. Именно эти различия между верой Апостолов и их предков лишь добавляет к их праведности. Их заповеди говорят, что «сильных Он поразит, но слабые будут Его служителями, пирующими подле Него с Его пришествием». Может ли быть более верный знак

того, что Престол Нод отклонился от «чистой» Ереси, которую представляют Апостолы?

Отход Нарсеса от руководства Ересью не смирил их антипатии к Престолу Нод в один момент, несмотря на усилия нового Архиепископа Нод, Никиты Средецкого, облагодетельствовать Апостолов. Слишком много времени прошло со времени начального раскола, чтобы брешь можно было залатать. Более того, множество благочестивых Еретиков – особенно в Португалии – видят в Апостолах источник бед, ведь их действия затруднили путь в Иберию истинной вере Каина. Они считают усилия Никиты по воссоединению циничными и недостойными нового Архиепископа. Апостолы, со своей стороны, более не расположены к Еретикам, считая их развращенными слугами ложного бога.

Организация. Внутреннее устройство Апостолов Каина Третьего во многом напоминает любой небольшой культ, действующий тайно и скрывающий свое существование от любопытных глаз. В действительности же с самых своих истоков Апостолы обладали менее иерархичной структурой, чем основное течение Ереси каинитов. Они отвергают подобные структуры, как несоответствующие простым словам Книги Сияющей Крови, которая наставляет «не раболепствовать перед своими братьями». Следовательно, относиться к любому каиниту как к вышестоящему непозволительно и даже аморально. Апостолы верят, что между пастырем и паствой не должно быть различий. Они признают лишь разницу в возрасте - Апостолы обычно подчиняются более старым вампирам в большинстве случаев. Но даже тогда это подчинение не универсальное, а всего лишь общее правило. В ответ на расспросы о необычной структуре их организации Апостолы обожают цитировать отрывок, гласящий: «Да не будет у тебя иного царя, кроме Каина».

Службы культа проходят в менее формальной обстановке, чем у собратьев по Ереси. Религиозные отправления не следуют Литургии Потомков. Вместо этого они напоминают импровизированные кровавые пиршества, в процессе которых члены культа обмениваются *витэ*, и которые иногда заканчиваются экстатическим поведением и видениями. Апостолы и в самом деле харизматичны, и часто демонстрируют необычные способности и дисциплины, полученные в результате коллективных служб. Сами они считают эти случаи доказательством благоволения к ним истинного Бога.

Взаимоотношения с другими группировками. Большинство Апостолов – вампиры-каитиффы, выросшие вне клана. Те, кто не является каитиффами, порвали связи со своим

кланом и имеют мало общего с традиционной системой власти мира каинитов. Это одна из множества причин, по которой практически любая из группировок или кланов каинитов относятся к Апостолам как к париям. В свою очередь, Апостолы находят в этой ненависти подтверждение своему благочестию, поскольку *Книга Сияющей Крови* говорит, что «они оттолкнут тебя и плюнут на тебя из-за твоей любви к Его имени». Поэтому преследование лишь сделало Апостолов более пылкими в их верованиях – и оттого более опасными.

Апостолы мало общаются со смертными. В отличие от Ереси каинитов, они редко допускают смертных на свои службы. Они также не делают из них слуг или упырей. Те немногие, кого они посвящают в свои тайны, обычно обладают хорошим положением в мирской или духовной иерархии смертного мира. Как правило, Апостолы сосредотачиваются на светской иерархии, потому что, во-первых, это позволяет им избегать внимания Еретиков основного течения (которые обычно подчиняют себе Церковь), а во-вторых, их толкования каинитских манускриптов гласят, что Каин Третий до Становления будет великим предводителем смертных. Итак, они предпочитают использовать тех смертных, которые, как они надеются, помогут им продвинуться в определении человека, который (или которая) в один из дней станет их мессией.

Как уже отмечалось, Апостолы сильнее всего в Наварре и Арагонской короне (особенно в Каталонии). Меньше всего их обитает в Кастилии и Португалии, поскольку в обоих регионах им противостоят могущественные каиниты. В Кастилии они борются с архиепископом Монкадой, а в Португалии – с Вибиусом Фимбриа и другими догматиками основного течения Ереси. В Кастилии Апостолы предпочли сохранить свои ограниченные ресурсы и избегать прямого столкновения с Монкадой. В Португалии, однако, группа Апостолов поступила наоборот: усилила свои позиции перед лицом сопротивления Еретиков. Члены этой группы под руководством астурийского каинита Балесквиды верили, что король Португалии Саншу и был Каином Третьим. Его смерть годом раньше стала для них ударом, хотя некоторые из последователей Балесквиды открыто интересовались, не является ли смерть короля лишь прикрытием для того, чтобы расчистить путь к его окончательному и славному возвращению. Им неизвестен ни один каинит, который бы обратил Саншу, что лишь укрепляет их веру.

Текущие интересы. Апостолы верят, что битва при Лас-Навас-де-Толоса была одним из знаков пришествия их вампирического мессии. Если так, он (или она) уже рожден и

живет среди смертных. Поэтому Апостолы много времени и усилий тратят на попытки найти и определить Каина Третьего, что позволит им ускорить его пришествие, а заодно и конец материального мира, о котором он возвестит.

К несчастью для Апостолов, они не имеют четких признаков, по которым они могли бы установить личность Каина Третьего. Отрыки из *Книги Сияющей Крови*, к которым они обычно обращаются, особенно туманны и описывают мессию лишь в общих чертах. По сути, больше деталей уделяется обстоятельствам, при которых появится Каин Третий, чем характеристикам самого спасителя. Этот факт стал для Апостолов разочарованием, а для преследующих их Еретиков – поводом для насмешек.

Тем не менее, у Апостолов есть кандидат на мантию мессии – король Арагона Педро II. Секта указывает на многочисленные победы Педро над мусульманами, а также на его решимость порвать с христианскими традициями, как на доказательства его будущей роли. Разумеется, они допускают, что его идентификация еще не точна, и потому пустились во все тяжкие, чтобы проникнуть в правящий круг Арагона – и идут на все, чтобы исследовать своего предполагаемого мессию. Эти попытки привлекли к ним внимание старейшин клана Ласомбра, имеющих собственные планы на короля Педро. Дитя Монкады – Лючита – пожалуй, их самый опасный враг при дворе.

Архиепископ Никита Средецкий отдал приверженцам Ереси каинитов распоряжение воздержаться от открытых действий против Апостолов. Он надеется этим жестом залечить пропасть между религиозными группами – и усилить Ересь. В действительности же этот приказ разбил верность Еретиков Ласомбра, поскольку те поставлены перед выбором между своим кланом и своей верой.

Группа Балесквиды, напротив, наблюдает за Саншу Португальским, как за возможным Каином Третьим. Они указывают на поддержку, оказываемую королю кланом Бруха, а также на попытки Еретиков держать их подальше от Португалии, как на подтверждения своей веры. Этот спор с другими Апостолами скорее дружелюбный, поскольку обе группировки осознают шаткость своих позиций. Вдобавок и те и другие знают, что всегда хорошо иметь запасной вариант. Реконкиста вступает в свою завершающую стадию, и будущее более чем неопределенно, но Апостолы надеются, что в этом будущем окончательная победа окажется за ними.

Группы смертных

В Иберии бесчисленное множество группировок и сообществ смертных, обладающих хоть малой толикой влияния. Эти группы, от различных христианских династий до средиземноморских пиратов и эмиров таифа, рассыпаны по региону так же, как деревья или холмы. Но некоторые группы, насколько известно потомкам Каина, оказывают воздействие на более обширную территорию, или же более влиятельны сами.

Рыцари Сантьяго

Орден Сантьяго[1], или, правильнее будет назвать его Воинствующий Орден Святого Иакова Меченосца, – главный воинствующий орден христианской Иберии, стоящий наравне с другими великими орденами тех дней – тамплиерами, госпитальерами и тевтонцами. Изначально орден был небольшим военизированным братством, базировавшимся неподалеку от Касереса в Эстремадуре. Внутри ордена есть легенда, согласно которой его основал в 846 году Рамиро, король Галисии, но эти утверждения с неохотой принимаются остальными – особенно недружественные воинствующие ордена. В любом случае, первоначальным предназначением ордена было обеспечение безопасного путешествия паломников к великому месту поклонения – собору святого Иакова в Компостеле, что в Леоне. Бандиты-мусульмане давно уже нападали на путешественников, и их защиту веками обеспечивал этот орден.

Где-то между 1164 и 1170 годами тринадцать рыцарей – по числу Апостолов Христа и его самого – примкнули к обыкновенному монашескому ордену Святого Элигия в Галисии. Они пообещали монастырю военную защиту и приняли управление Святого Августина. Эти рыцари были людьми состоятельными, в их владении было двадцать замков, которые они пообещали использовать для защиты паломников. В обмен на долю всех доходов, полученных от их деятельности, монахи согласились выхаживать всех раненых рыцарей и организовать приют для пилигримов. Это соглашение было формально заключено в 1175 году. Глава рыцарей, дон Педро Фернандес, отправился в Рим, где Папа Александр III принял его и официально признал орден.

Получив папское признание, орден сразу же получил и поддержку со стороны короля Леона Фернандо, который

[1] Точное название Великий военный орден Меча святого Иакова Компостельского — католический военный орден, основанный в Испании около 1160 года. Действует по сей день как гражданский рыцарский орден под покровительством короля Испании, командором ордена с 2008 года является наследный принц Фелипе Астурийский.

разрешил им использовать город Касерес в качестве своего штаба. Позже, когда Касерес попал в руки мусульман, король Кастилии Альфонсо IX предложил ордену использовать замок Уклес, где они устроили основное местоположение своего ордена. В течение десяти лет со своего основания орден обустроил госпитали в Толедо, Авиле, Талавере и Куэнке, а в 1186 году они открыли лепрозорий в Вилле Сан Мартин. Они также получили обширные владения в Португалии, включая город Палмелла. Слух об их благих деяниях и благородных поступках распространяется по Европе с благодарными паломниками, и орден получает владения и во многих других странах, даже в таких далеких, как Англия и Венгрия.

Орден Сантьяго стал крупным феодалом с владениями по всей Иберии, так же, как ордена тамплиеров и госпитальеров по всему миру. Получая новое владение, в качестве подарка или в результате завоевания, орден обычно возводит некое защитное сооружение, а в крупных городах – строит дополнительную крепость. Земли, прилегающие к крепости, отводятся под выращивание пищи, чтобы рыцари могли выдерживать осаду. Более крупные крепости привлекают крестьян и рабочих, которые строят деревни неподалеку. Таким образом, орден становится еще более могущественным феодальным лордом.

Различные дары ордену обычно расположены в областях, граничащих с мусульманскими поселениями. В некоторых случаях правители земель предлагают ордену эти земли в обмен на города и замки в его владении, теперь находящиеся далеко за линией фронта. Дары, призванные поддержать орден, иногда представляют собой монополии на другие виды дохода, например, контроль над шахтами или другими природными ресурсами. Также привычной задачей для ордена стало заселение бывших мусульманских земель христианами. С ней рыцари справляются превосходно, ведь сила оружия ордена убеждает поселенцев в том, что их новые дома защищены от сарацин. Как следствие этого, орден снискал любовь и уважение многих христиан уже только за эту область их деятельности.

Организация. Рыцари Сантьяго приносят обеты, похожие на клятвы госпитальеров и тамплиеров. Им, однако, разрешено вступать в брак, с тем условием, что, женившись, они будут соблюдать целомудрие. Члены ордена соглашаются заботиться обо всех больных и увечных, с которыми встретятся во время несения службы. Они также выступают проповедниками обращения в свою веру, неся Евангелие тем, кто отошел от Церкви, и тем, кто никогда не слышал о нем, как иудеи и мусульмане.

Глава ордена носит титул мастера и возглавляет Совет Тринадцати, созданный в память о тринадцати рыцарях, создавших орден. В его трудах ему помогает ассистент, называемый главнокомандующим. Главнокомандующий – участник Совета Тринадцати, чьи мудрость и воинское умение общепризнаны. Совет из тринадцати рыцарей создан также и в каждом замке, и один из этих рыцарей главенствует. Некоторые местные подразделения ордена позволяют вступать в свои ряды членам религиозных общин (священникам и дьяконам). В этом случае такие религиозные члены ордена подчиняются только собственным духовным владыкам, а не совету. В некоторых случаях это приводит к заминкам, и подобная практика применяется редко.

Каждый из замков ордена имеет собственное управление, подчиняющееся местному командиру, с группой рыцарей, сержантов и рядовых воинов. Из-за того, что каждое королевство в Иберии пытается извлечь выгоду из действий ордена, ему принадлежат земли и замки по всему полуострову. К сожалению, многие такие подразделения изолированы от центрального руководства ордена, что приводит к внутреннему неравенству. Это, в свою очередь, делает принятие решений медленным и тяжелым – и орденом гораздо легче манипулировать извне.

Текущие интересы. Стремление ордена использовать одно королевство против другого становится все более и более обременительным. Вражда, которая родилась из-за этого, стала основной причиной того, что Реконкиста все еще не достигла своей цели – выдворения мусульман из Иберии. Что еще хуже, орден иногда отстаивал политические интересы одного государства в ущерб другому. Например, в 1176 году рыцари присоединились к королю Кастилии в походе против короля Наварры Санчо VI. Это позволило альмохадцам атаковать Уклес, укрепления которого при нападении сильно пострадали.

Когда в 1184 году мастер Фуэнтес умер, орден почти что распался из-за верности его членов своим нациям. Рыцари из Леона поддались влиянию короля Фернандо и избрали на пост мастера ордена дона Санчо Фернандеса. Тем временем рыцари родом из Кастилии, воодушевленные своим королем, выбрали на это же место дона Фернандо Диаса. В течение двух лет споры раздирали орден, поскольку и кастильцы и леонцы продвигали своих кандидатов. К счастью для ордена, кастилец Диас в 1186 году отказался от притязаний на лидерство, отдав первенство Фернандесу.

В 1195 году орден Сантьяго вместе с орденами Калатрава и Алькантара потерпел сокрушительное поражение от мавров при

Аларкосе. Мастер Диас был смертельно ранен, а многие из его рыцарей убиты. Вскоре после этого разразилась война между Кастилией и Леоном, и орден, обладавший властью в обеих странах, вновь был в силу политики избрать двух мастеров. Второй спор окончился в 1203 году избранием единого мастера Гонзало Ордоньеса. Это, однако, не утихомирило национальные амбиции внутри и вне ордена. Рыцари сражаются против других христиан (особенно против наваррцев) почти так же часто, как и против мусульман. Эта тенденция встревожила наиболее строгих членов ордена, которые считают, что организация отошла от ее истинной цели – защиты паломников и обращения язычников в свою веру.

Взаимоотношения с каинитами. Орден Сантьяго состоит, в основном, из смертных рыцарей. Кто-то отличается верностью, кто-то амбициями, а многие обладают и тем и другим в одинаковой мере. На многих из них вампиры не оказывают влияния напрямую. Но не на всех. Юные Тореадор и Вентру, да и другие, привлеченные обещаниями рыцарства и славы, внедрились в орден, если не в качестве рыцарей, то в роли покровителей и советников.

Вампиры клана Ласомбра также обладают властью над отдельными частями ордена. Князь Компостелы Рейнальдо де Рубио имеет наиболее прямое влияние, и несколько групп рыцарей – вампиров и упырей в составе ордена принесли ему личную клятву верности. Рейнальдо сообща с другими влиятельными Ласомбра обеспечивает ордену постоянное одобрение многочисленных королевств Иберии. Среди этих дворцовых манипуляторов – Лючита Арагонская в Лериде. Рейнальдо, однако, разочарован национальной враждой, которая регулярно угрожает единству ордена.

Некоторые активные Бруха также связаны с владениями ордена и надеются использовать рыцарей в качестве инструмента, который бы ускорил наступление новой эпохи на полуострове. Демесио, Бруха, когда-то входивший в ряды Львов Родриго, – самый примечательный образчик этих настоений. Он е некоторын его знакомые рыцари-вампиры взяли за правило охранять паломников, идущих в Компостелу, и сделали своими упырями некоторых смертных из числа ордена. Рейнальдо де Рубио бдительно за ними наблюдает.

«Меч святого Иакова»

Рыцари Сантьяго – не единственные, кого вдохновляют легенды об Апостоле Иакове. «Меч святого Иакова» – группа христиан, посвятившая себя искоренению сверхъестественного зла, где бы оно ни обнаруживалось. Родриге Наваррский, иберийский дворянин, основал эту группу, после того как

непреднамеренно узнал о существовании Ереси каинитов. Ошарашенный этим открытием, Родриге решил узнать больше о Еретиках. С 1190 года он несколько лет выискивал новые доказательства того, что «создания ночи» (как он называет каинитов) действительно существуют и действуют за сценой христианского мира. Расследования завели его далеко, и он собрал огромное множество свидетельств тому, что нечестивые чудовища используют смертных в качестве пешек в своих мерзостных интересах. Его опыт, приобретенный во время катастрофического Четвертого Крестового похода, во многом подтвердил его опасения – и укрепил его решимость. (Больше о Родриге можно узнать в книге *Горький Крестовый поход*).

Возвратясь из Крестового похода, Родриге поделился своими убеждениями с некоторыми людьми, мнению которых он мог доверять. Когда эти люди также убедились в том, что он приоткрыл завесу над подлинными доказательствами темного заговора внутри христианской Европы, они присоединились к нему в его поиске. С этими первыми последователями Родриго создал «Меч святого Иакова», партизанскую армию в войне против сил тьмы. Они смотрят на легендарные подвиги святого Иакова Старшего как на пример того, что они надеются совершить. Как святой Иаков помогал иберийским христианам поразить наступающих мавров, так Мечи надеются поступить с пьющими кровь монстрами, зачумляющими христианских мир.

В своих попытках «Меч святого Иакова» сталкивается с двумя взаимосвязанными проблемами. Во-первых, большая часть Мечей никогда не сталкивалась с настоящим каинитом. Лишь Родриге и его первые последователи, сопровождавшие его в Четвертом крестовом походе, имеют реальный опыт столкновения с вампирами. Поэтому их знания о враге по большей части теоретические, полученные от наблюдения и из обрывков богохульных сочинений, таких, как *Книга Сияющей Крови*.

Этот недостаток опыта дорого обошелся Мечам в 1209 году, когда Ксалбадор, дитя Роке, князя Памплоны, заинтересовался их деятельностью. Даже с помутившимся рассудком Ксалбадор остался способен к чуткому пониманию человеческой природы. Он распознал необычные линии поведения последователей Родриге, что привело его к подозрениям о существовании «Меча святого Иакова». К несчастью, Малкавиан позволил своему любопытству одержать над собой верх, что привело его к Окончательной Смерти от рук Родриге. Ксалбадор, собственно, единственный вампир, котрого Родриге удалось убить, но Мечи уничтожили нескольких упырей и других пешек каинитов, а двух вампиров погрузили в оцепенение. Как многие охотники на

ведьм, они не имеют понятия о разнице между двумя этими видами монстров.

Хотя Ксалбадор был всего лишь новообращенным вампиром, то, что он оказался способен подобраться к Мечам близко, привело ко второй проблеме членов группы – паранойе. После того, как юный каинит обнаружил существование Мечей, Родриге стал особенно одержим проблемой безопасности. Теперь его беспокоит то, что и другие вампиры могут пройти дорогой Ксалбадора. Поэтому группа сократила внешние контакты до минимума, опасаясь, что один неверный шаг может свести на нет все их предприятие. Величайшая ирония всего этого в том, что сир Ксалбадора уже давно знает о существовании Мечей – этот факт, без сомнения, испугал бы Родриге, узнай он о нем. Сейчас Роке наблюдает за Мечами скорее для развлечения, нежели с интересом. Он рассказал о существовании группы только ближайшим советникам, поскольку считает, что она может представлять угрозу только для горячих голов. Более того, князь уверен, что однажды Мечи станут отличным инструментом, и уничтожать их преждевременно не имеет смысла.

В настоящее время «Меч святого Иакова» – небольшая и изолированная группировка. С каждым годом их паранойя и неуверенность Родриге растет. Все же они уверены в том, что их миссия – святое деяние, доверенное им божественным провидением. В своих первых открытиях Родриге видит зов Божий; услышав его, он не может свернуть с пути. Итак, Мечи наблюдают и выжидают, собирая при этом информацию, которая, как они надеются, изменит Европу навсегда, избавив христианский мир от этих проклятых ночных демонов.

Организация. Численность Мечей святого Иакова – не более чем несколько дюжин. Родриге Наваррский отбирает людей в отряд лично, выбирая лишь тех, кто кажется ему надежными и полезными. Оба качества одинаково важны, поскольку Родриге надеется на то, что «Меч» не только выживет в противостоянии с каинитами, но и вообще уничтожит темную угрозу. Вдохновленный уничтожением Ксалбадора, он не видит смысла в простом сборе сведений, он ищет способ использовать эту информацию в борьбе со злом. Цитируя *Послание святого Иакова*, Родриге напоминает своим последователям, что «вера без труда мертва».

Мечи святого Иакова обычно действуют небольшими группками, по два-три человека в каждой. Такая организация обеспечивает им безопасность и гарантирует, одновременную активность более чем одной группы. Состав групп меняется, в зависимости от нужд конкретной миссии. Например, поездка в

архивы в Барселоне требует, чтобы кто-то из группы владел латынью и арабским языком, а для встречи в лиссабонских доках нужен человек, знакомый с морским делом.

Родриге заходит довольно далеко, чтобы заполучить в свои ряды разносторонних рекрутов. Хотя иберийцы – преимущественно родом из Наварры – преобладают в отряде, в нем есть и довольно большое число жителей Прованса. Также Родриге взял в отряд трех итальянцев, пару германцев и анличанина. Их умения весьма разнообразны, от теологии до инженерного искусства и знания языков.

Пока что лишь один из Мечей пал от рук каинитов – это старый друг Родриге по имени Зелипе Берганца.

Отношения с другими группировками. До настоящего времени «Меч святого Иакова» пытается сохранить свое существование в тайне. Тем не менее, Родриге установил неуверенные отношения с теми, кто разделяет его убеждения в Иберии и за ее пределами, с целью обрести для своего движения дополнительные ресурсы. Обычно эти союзники – люди, с которыми Родриге познакомился в своих путешествиях; вреди них много ученых и священнослужителей, дающих Мечам доступ к архивам и прочим записям. Другие их помощники – солдаты и рыцари, связанные с военными отрядами, включая Орден Сантьяго. Родриге считает, что в предстоящей битве «Меч святого Иакова» должен быть отточен как можно острее. Союзники, натренированные в воинском деле, – единственный путь обеспечить это. Родриге старается изо всех сил, чтобы оставлять этих союзников в неведении о том, что «Меч» - организованное движение, а также о широте своих собственных знаний обо всем оккультном. Он считает смерть своего друга Зелипе Берганцы в 1210 году предупреждением об осторожности. Берганца нарушил обет молчания отряда, рассказав священнику в Барселоне об уничтожении Ксалбадора. Вскоре после этого и Берганца, и тот священник были найдены мертвыми – что, несомненно, было делом рук монстров.

Текущие интересы. Деятельность «Меча святого Иакова» посвящена уничтожению Ереси каинитов в Иберии. Начиная с 1190 года Родриге скопил огромное количество информации о Еретиках, их верованиях и действиях. Он также установил местонахождение нескольких баз Еретиков, включая одну в Пиренеях. Вооруженные этой информацией, Мечи готовятся выманить из укрытия тайных предводителей этих баз и уничтожить их. Ему известно о том, что среди Еретиков множество различных монстров – вероятнее всего, демонов и их прислужников – хотя он остается в неведении об истинных пределах их мощи. Родриге боится, что его последователи все

еще слишком неопытны для эффективных сражений с ними, и поэтому вопрос союзников среди воинов играет важную роль в его планах.

Разумеется, Мечи собрали достаточно информации, чтобы осознать: преследуемые ими Еретики – лишь одна из множества граней более многочисленного рода зла. У них и в самом деле достаточно причин верить, что Еретики Иберии – всего лишь побочная ветвь сети огромного заговора, раскинувшегося по всему христианскому миру. Разумеется, Родриге увидел свидетельства всего этого в крестовом походе. Поэтому «Меч святого Иакова» должен перебороть свою естественную паранойю и искать себе союзников, если цели организации выше, чем метания нескольких одиноких безумцев.

Часть V: Проклятые

Пусть ночью возьмут их,
Чтоб не могли христиане проведать

«Песнь о Сиде»

Ассамиты

Назира, гранадская колдунья

Происхождение. Назира узнала о смерти своего отца, Гади, в драке за освобождение латинского королевства Эдессы от захватчиков в один из жарких, пыльных иерусалимских дней. Приближение Второго Крестового похода лишь укрепило ее убежденность в том, что отец погиб во славу Аллаха, и Назира решила оставить свою прошлую жизнь, посвятив себя уничтожению захватчиков.

Ее час настал даже раньше, чем она молила судьбу. Однажды ночью, возвращаясь с вечерней молитвы, Назира убежала от своей матери вперед. Она в буквальном смысле споткнулась об раненого солдата-христианина, просившего милостыню. Пока она искала оружие, которым можно было бы вышибить солдату мозги, к ним спустилась темная фигура. Тишина окутала все вокруг, и Назира в ужасе наблюдала, как христианин расставался со своей кровью. Молчаливый убийца затем повернулся к Назире, улыбнулся, и звуки вернулись. Монстр сказал ей, что способов нанести вред армиям Креста множество, и если Назира будет обучаться под наблюдением его господ, ее, возможно, посчитают достойной присоединиться к ним. Иначе она умрет. На следующий день Назира распрощалась с семьей, и, следую данным ей прошлой ночью инструкциям, добралась до потомков Хакима. Здесь она, стараясь примирить свои обеты Аллаху и Хакиму, погрузилась в обучение. После Становления она стала видной колдуньей, способной управлять силами и духами гораздо более древними, чем вера Мухаммеда.

Назира испросила разрешения отправиться в аль-Андалус в надежде, что, способствуя осуществлению планов Хакима на полуострове, она сможет служить и своему господину и Аллаху и отыскать наконец свое равновесие. Зимой 1197 года, после необходимых договоренностей, она прибыла в Гранаду. Назира заключила союз с султаном Бадром, Ласомброй, негласным лидером города. Следующие несколько лет она помогала султану, с корнем выпалывая его недругов и изгоняя из города всех каинитов, не принадлежащих к Аширре. Свои обязанности

она исполняла хорошо, но ей нелегко было призывать к действиям против ее собратьев по вере. Как только положение султана в Гранаде стало безопасным, Назира отстранилась от своих еженощных занятий, чтобы погрузиться в изучение общества и тайн аль-Андалус.

За десять лет она пришла к двум выводам, разбившим ей сердце. Первый состоял в том, что вершиной ее жизни был Аллах, а не Хаким. Второй – в том, что дело мусульман в Иберии обречено бесповоротно. Эти выводы рассорили ее со старейшинами Ассамитов Иберии, особенно с султаном Кордобы Гилелем аль-Масаари; его Назира винит в том, что он не воспользовался удобным моментом, когда берберы вторглись в Испанию. Она надеется сохранить все, что сможет от мавританской Испании, во-первых, собирая оккультные учения региона, а во-вторых, поддерживая мусульманское государство, которое будет стойко держаться против наступающей волны христиан. Назира верит, что Гранада под властью Бадра вполне может оказаться тем самым государством, однако осознает, что султан – «политическое животное» и способен пойти на компромисс с верой ради сохранения власти. Она тихо высматривает других членов Аширры, кто мог бы задержать волну рока.

Внешность. Назира – невысокая, гибкая молодая женщина, скорее миловидная, чем красивая. Ее движения кажутся дергаными и неловкими, как бы нескоординированными, но никто еще не видел, как она спотыкается или наталкивается на что-либо. Обычно она носит простые черные одеяния высшего качества; в редких случаях, когда нужно действовать активно, Назира надевает мешковатую блузу и брюки и аккуратно повязывает на голову шарф, - все это также черное.

Подсказки для отыгрыша. Назира понимает необходимость единства и применения силы, но чувствует себя некомфортно, убивая мусульман. Для нее это чувство – знак верности в первую очередь Аллаху, а уже потом Хакиму. Назира убеждена, что рано или поздно ей придется сделать этот выбор открыто. Она боится этого дня и еженощно молится, прося дать ей силу остаться верной своим убеждениям, когда придет время.

Убежище. Назира укрывается в маленькой мечети рядом со стенами Гранады. Ее весьма успокаивает отдых в доме Аллаха (точнее, под ним). Хотя вера смертных причиняет ей неудобства, Назира подбадривает себя тем, что Аллах вообще терпит ее в своем доме. Такая еженощная проверка ее выносливости укрепляет ее достоинство. Смертные служители

знают о ней и о ее природе - поначалу они считали ее благой вестницей и поэтому прислуживали ей; теперь же они служат ей в качестве упырей.

Тайны. В ходе своих расследований Назира познакомилась с интригами во множестве королевств *таифа*. Ей также удалось похитить и пронести через границы значительное количество оккультных текстов и артефактов.

Влияние. Назира располагает хорошей сетью знакомых среди колдунов и мистиков Иберии. Многие из них не имеют понятия о ее сущности, те же. Кому это известно, общаются с ней осторожно. Она – одна из лучших чародеек-Ассамитов среди потомков Каина в Иберии, и завела тесное знакомство со многими прочими оккультными учеными аль-Андалус, включая Каппадокийку Алию и Ласомбра Ибрагима. Ее связь с Бадром придает ей дополнительный политический вес в кругах Аширры.

Судьба. Назира ужаснется судьбе ислама в Иберии, возлагая вину за это на скудость веры в Аширре. Ее убеждения станут только сильнее, когда к концу XV века лишь Гранада останется исламским государством. В XIII веке она оставит Иберию, и на протяжении десятилетий будет проявлять активность в Малой Азии. Затем она вернется в свой любимый город, где и погибнет, сражаясь с христианами, завершающими Реконкисту в 1492 году.

Клан: Ассамит (каста чародеев).
Сир: Малик аль-Вали.
Натура: Автократ.
Маска: Судья.
Поколение: 8.
Становление: 1151 год н.э.
Внешний возраст: 20 с небольшим лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 2.

Социальные: Внешность 3, Манипулирование 4, Обаяние 3.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 4, Сообразительность 4.

Способности:

Таланты: Артистизм 3, Бдительность 2, Рукопашный бой 2, Уворот 3, Эмпатия 3, Обман 4.

Умения: Стрельба из лука 2, Этикет 4, Холодное оружие 3, Верховая езда 2, Скрытность 4.

Знания: Академические науки 2, Расследование 3, Знание закона 2, Оккультизм 3, Политика 3.

Дисциплины: Прорицание 3, Смертоносность 2, Магия Ассамитов 4.

Окружение: Контакты 4, Наставник 4, Ресурсы 1, Сторонники 2, Статус 2.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 3, Храбрость 3.
Путь: Небеса 5.
Сила Воли: 7.

Гилель аль-Масаари, султан Кордобы

Поколение: 6 (каста воинов).
Сир: Пелагон.
Натура: Защитник.
Маска: Автократ.
Становление: 580 год н.э.
Внешний возраст: чуть старше 35 лет.

Аль-Масаари был величайшим сторонником ранних мусульманских завоеваний и одним из первых потомков Хакима, обратившихся в ислам. Он был предводителем попытки Ассамитов использовать волну экспансии для смещения или уничтожения интересов других кланов в регионе. Говорили о его непобедимости в битве и о том, что он когда-то был любимцем халифа касты воинов, но аль-Масаари пал жертвой политики и интриг. Шагая среди теней по ранним халифатам Омейядов, он последовал за захватчиками до Кордобы, откуда, как он надеялся, завоевание продолжится дальше на север, через Пиренеи в Европу. У судьбы таких событий в плане не было, и аль-Масаари стал султаном величественного мусульманского города, что ни в малейшей степени не удовлетворяло его воинский дух.

Не будучи способным отказаться от притязаний на домен без того, чтобы открыться для атаки собственных врагов внутри крепости Аламут, аль-Масаари стал чем-то вроде отсутствующего правителя. За последние несколько столетий его, по большей части, видели лишь воины Кордобы. Вместо него правила вереница визирей. Часть этого времени аль-Масаари провел на полях сражений, прикрываясь вторжениями Альморавидов и Альмохадцев для собственных военных набегов на север. Но, похоже, эти берберские династии прогнили и развалились еще до того, как началось их наступление. Теперь же аль-Андалус превратилась в хаос дерущихся *таифа*, а христиане накатываются на юг с внушающей тревогу скоростью. Покинуть свой домен для султана все же недопустимо, и он готовится вернуться к делам и вступить в последнюю ужасающую битву.

Умар аль-Рашид, альмохадский кукловод

Поколение: 7 (каста визирей).
Сир: Беноа.
Натура: Тиран.
Маска: Судья.
Становление: 992 год н.э.
Внешний возраст: чуть старше 45 лет.

Занимая место *кади* в Египте, Умар в начале своей нежизни двинулся на запад, в горы Атлас и Магриб. Здесь он увидел в берберах потенциал ортодоксального религиозного рвения и решил использовать его как для распространения влияния Аламута, так и для увеличения собственной значимости. В Иберии всегда присутствовали Ассамиты, но вряд ли их количество можно было назвать подавляющим большинством. Однако, когда Кордобский халифат рухнул, Умар приступил к изменению этой ситуации. Он убедил других обитателей Аламута, что у династии Альморавидов великое будущее, и она возродит яростный дух иберийского ислама. Когда берберы наводнили Иберию, они непреднамеренно привели с собой множество молодых Ассамитов-воинов. Большинство из этих новообращенных встретили свою Окончательную Смерть, но некоторые сместили самодовольных каинитов-христиан и вампиров Аширры. Вскоре в Севилью прибыл Умар и привел с собой группу единокровных вампиров, обязанных ему.

Умар не стал пытаться заполучить себе титул султана, что было характерно для касты визирей. Вместо этого он поддержал обратившуюся в ислам еврейку Герушу бинт Иоав в борьбе за этот пост и продолжил плести свои интриги по всему полуострову. По мере того как Альморавиды стали вести все более праздный образ жизни, Умар поддержал вновь прибывших с Альмохадцами Ассамитов и приобрел еще больше знакомых и союзников. В течение нескольких десятков лет казалось, что Умар прочно встал на путь обретения истинной власти над каинитами аль-Андалус. Единственной его соперницей может оказаться Мириам бинт Аиша из клана Ласомбра, раскинувшая сеть своего влияния так же хорошо и изящно, как и он сам.

Ничто, однако, не может длиться вечно. Сначала, в 1171 году, покровитель Умара внутри клана, высший визирь Аламута Халдун, утратил свою позицию лидера касты – им стала враждовавшая с ним Ребека. С тех пор Альмохадцы оказались неспособны поднять различные *таифа* на борьбу с христианами, и Реконкиста продвигается вперед. Итак, лишенный своих лучших союзников, с разрушающимся прикрытием среди смертных, Умар был вынужден обратиться к принципу

контролируемых убытков. В Севилье он оказал поддержку тем Ласомбра, кто желал бы сместить Герузу, опираясь на то, то султанша должна понести часть вины за неудачи альморавидов и альмохадцев. Те же слухи он пустил и среди Ассамитов, одновременно очерняя Гилеля аль-Масаари, древнего воина-султана Кордобы. Аль-Масаари, похоже, возвращается после долгой изоляции, но, чтобы спасти его репутацию, делать что-либо уже слишком поздно. Тем не менее, он остерегается своей соперницы Мириам бинт Аиши, которая, без сомнения, стоит за немалой частью его проблем.

Бруха

Фелипе, копье благочестивых

Поколение: 7.
Сир: Пелайо.
Натура: Монстр.
Маска: Фанатик.
Становление: 1030 год н.э.
Внешний возраст: 20 с небольшим лет.

Обращенный в возрасте всего лишь восемнадцати лет посреди кровавой схватки с мусульманами, Фелипе наиболее близок к позиции лидера из всех Львов Родриго. Львы следуют за ним не из-за его способности к тактике или образованности, а скорее по причине его бесшабашного фанатизма и вкуса к крови. Именно это привлекло к юному воину внимание Пелайо, основателя отряда Львов. Обретя силу Становления, Фелипе с течением лет стал еще более маниакальным и агрессивным, особенно после гибели Пелайо от рук могущественного Гангрела-мусульманина Шабако Нубийца в окрестностях Мадрида в 1135 году. Кровь Фелипе (уже имевшего опыт диаблирования более старых каинитов) гораздо более сильна, чем считают многие старейшины; а сам он с нетерпением жаждет утолить свою жажду *витэ* каинитов в грядущих битвах.

Рой, поджигатель мечетей

Поколение: 9 (8?).
Сир: Фелипе.
Натура: Дитя.
Маска: Фанатик.
Становление: 1085 год н.э.
Внешний возраст: около 25 лет.

Роя, рост которого не превышает метра двадцати, часто по ошибке принимают за ребенка, хотя на самом деле он был взрослым, когда получил Становление при осаде Толедо. Само Становление ничего не значило, его сир Фелипе просто

создавал пушечное мясо, чтобы очистить город от его защитников из числа Аширры. Вопреки обстоятельствам, Рой выжил. Сражаясь с теми, кто насмехался над ним и унижал его, Рой обрел то, что зажгло в нем искру устремлений и бесстрашия – она удивила бы его старого хозяина, который показывал его на улицах ради подаяния. После того, как Рой сумел пережить падение Толедо, Фелипе и его отряд крестоносцев выследили его и отпраздновали его победу. Они всерьез восприняли его яростность и считали, что он может стать отличным шпионом и разведчиком, и вскоре приняли его в свои ряды. Рой почитает своего сира Фелипе и слепо за ним следует; отчасти его нескончаемые похвалы стали причиной все более эгоистичных действий лидера Львов Родриго.

Каппадокийцы

Хаким ибн Алия, таящийся в крипте

Происхождение. Хаким аль-Фулани, похоже, был благословлен Аллахом. Сын весьма состоятельного торговца, он родился и вырос в Кордобе, которая тогда находилась в расцвете могущества и влияния. Его интерес к наукам расцветал, и Хаким изучал медицину, философию и естествознание в школе. Неудовлетворенный изученным, он провел несколько лет в Египте, исследуя древние тексты и споря с коптами, мусульманами и поклонниками еще более древних богов.

Его жизнь круто изменилась, когда заболел отец. Хаким немедленно вернулся домой, намеренный вынянчить его до полного выздоровления. У отца, однако, были другие соображения. Он знал, что умирает, и хотел услышать от сына обещание оставить свой легкомысленный образ жизни, остепениться и продолжить семейное дело.

Хаким был потрясен смертью отца. Все его знания, наука и медицина, все годы изучения тайн жизни, ее происхождения, смысла и причин не смогли помочь ему спасти жизнь любимого отца. На следующий день после утраты, несмотря на протесты матери и сестер, Хаким продал семейное дело партнерам отца. Он не мог оставаться в Кордобе и надеялся провести время с несколькими влиятельными естествоиспытателями, недавно поселившимися в Севилье.

Его желание открыть секреты жизни было обречено остаться невоплощенным. Годы исследований не приближали его к цели, и он становился все более ожесточенным и замкнутым. Лишь перспектива диспута, открытия или добавления редкого документа в его собрание, или обещание попрактиковаться в хирургии выманивали его из жилища. В конце концов, надежда Хакима умерла. Он осознал, что жизнь

не выдаст своих тайн. Итак, он сменил предмет своих исследований: вплотную занялся изучением смерти, надеясь обрести хоть какую-то надежду, некую подсказку о природе этой великой тайны. Он стал общаться с учеными со сходными взглядами, мистиками и сумасшедшими, убежденный, что на этот раз добьется успеха.

Лишь когда стало слишком поздно, Хаким осознал, что все это время его направляли в его темных исследованиях. Похожая на призрак бледная женщина, навещавшая его ночами с тех пор, как он прибыл в Севилью, однажды вечером пришла к нему, когда он работал над пыльным томом. Ее звали Алия, и она была ученым из клана Каппадокийцев. В годы, последовавшие за Становлением, Хаким служил ей в качестве помощника и инструмента, когда она обосновалась со своим потомком в руинах римской эпохи в Италике, к северу от Севильи.

Десятью годами позже Алия послала Хакима назад, в Кордобу, чтобы очистить местные библиотеки, так как величественный город приходил в упадок. Освободившись от ее назойливого присутствия, он вновь почувствовал вкус к жизни и обосновал собственный домен. Он боится, что Алия держала его под влиянием некого подобия кровавого обета, и не желает повторять этот опыт, и поэтому начал собирать инструменты для борьбы с ней. Одним из главных таких инструментов является взаимопонимание с Виктором, молодым вампиром из клана Тремер, ищущим тайны мавританского мира. Он также сделал нескольких кордобских ученых своими упырями.

Внешность. При жизни Хаким был стройным мужчиной, высоким и крепко сложенным, однако он стал бледным и костлявым за то время, когда его преследовала его навязчивая идея. После Становления его внешность стала еще менее человеческой. Он мало заботится о таких банальностях, как уход за собой или приличная одежда, и обычно одевается в набор дорогих одеяний, которые за годы заметно обветшали. Его упыри часто убеждают его надевать новую одежду при встречах с другими каинитами, и он иногда прислушивается к ним, но это происходит не часто.

Подсказки для отыгрыша. Теперь Хаким понимает, что все его существование было лишь социальным экспериментом, проводимым его сиром. Возможно, даже его ранние годы смертной жизни, проведенные за изучением медицины, вполне могли быть делом ее рук. Он ощущает прикосновение ее холодных рук в каждом воспоминании, как из смертной жизни, так и из не-жизни. Вскоре он нанесет ей ответный удар, используя те же инструменты, что и она.

Убежище. Хаким устроился в цепочке камер под домами своих смертных марионеток в Кордобе. Несколько туннелей соединяют между собой комнаты его резиденции, и он вполне способен проводить под поверхностью целые недели, погрузившись в свои исследования.

Тайны. Хаким позаботился о том, чтобы оставаться информированным[1] о крупнейших движениях и битвах как в мире смертных, так и в обществе каинитов, однако на самом деле он мало интересуется политикой. Секреты, привлекающие его, лежат совершенно в другой плоскости.

Влияние. Хаким обладает сравнительно небольшим влиянием в мире смертных, но среди членов Аширры в Кордобе он известен как ученый и поставщик секретов. Как посланник Алии, он также имеет свою долю уважения среди нежити.

Судьба. Алия исчезнет при захвате Севильи христианами, но Хаким останется при своем мнении о ее возможной гибели. Нарастающая паранойя заставляет его видеть ее руку в любом, даже самом случайном событии. Он не видит, что Тремер Виктор заманивает его в свои лаборатории.

Клан: Каппадокиец.
Сир: Алия.
Натура: Одиночка.
Маска: Автократ.
Поколение: 9.
Становление: 1013 год н.э.
Внешний возраст: около 55 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 3.

Социальные: Внешность 2, Манипулирование 4, Обаяние 2.

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 5, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 2, Уворот 3, Обман 4.

Умения: Этикет 2, Травничество 5, Холодное оружие 2, Скрытность 2.

Знания: Академические науки 4, Народная мудрость 2, Расследование 3, Лингвистика 4, Медицина 5, Оккультизм 4, Наука 4.

Дисциплины: Анимализм 2, Прорицание 3, Доминирование 1, Стойкость 2, Смерть 5.

Окружение: Союзники 3, Стадо 3, Ресурсы 4, Сторонники 3.

---

[1] В оригинальном тексте опечатка: употреблено слово «appraised» – «оцененный», вместо «apprised» – «информированный».

Добродетели: Убежденность 4, Самоконтроль 3, Храбрость 2.
Путь: Путь Костей 5.
Сила Воли: 8.

Алия, шепот смерти

Поколение: 8.
Сир: Лонас.
Натура: Судья.
Маска: Инноватор.
Становление: 843 год н.э.
Внешний возраст: чуть старше 25 лет.

Некоторые называют ее султаншей Италики, и она действительно является госпожой этого разрушенного города к северу от Севильи, возглавляя попытки исследовать деятельность призраков в этих местах. Но вряд ли ученые занятия – единственный объект ее интересов, и для некоторых уважаемых членов Аширры в последние столетия она была советчиком и даже наемным убийцей. Геруза бинт Иоав, султанша Севильи, извлекла выгоду из ее советов во времена владычества альморавидов и последовавшего за ними хаоса, а еще Алия была союзником Ласомбра по имени Ибрагим. Она в заметной степени ушла с политической сцены с приходом Альмохадцев, когда осознала, что Ассамит-визирь Умар аль-Рашид держит в руках многие нити. По сути, она стала лишь более слабым игроком, пытающимся обеспечить сохранение всех тех вещей, которые она более всего ценит в аль-Андалус, и уверяясь в том, что те, кто заслуживает падения на погребальный костер истории, оказались в нем.

В последние полвека она принялась создавать сеть связей для собственных исследований и прочих оккультных занятий. Она создала тайный союз с колдуньей-Ассамиткой Назирой и послала свое дитя, Хакима, очистить библиотеки Кордобы. Ей известно, что Хаким стал источником неприятностей, однако она верит, что способна удержать его предательство под контролем. В Севилье она сеет разлад между султаншей и визирем Умаром, толкая их на борьбу друг против друга и тем самым все более ослабляя позиции обоих. Алия согласна со своей знакомой Назирой в том, что продвижение христиан необратимо, но мало разделяет отчаяние Ассамитки, связанное с этим. Вместо этого она строит планы использования ситуации. Ее союзник Ибрагим заключил сделку с христианином Ласомбра Элиазаром де Поланцо, с тем, чтобы Алия имела возможность продолжить свои исследования, и передала

контроль и над Умаром, и над султаншей Герузой, когда придет время. Она только рада повиноваться.

Последователи Сета

Салах ибн Кабу, повелитель цепей

Происхождение. Салах родился в процветающем клане персо-арабских работорговцев в великом городе Багдаде в 925 году и был единственным сыном своего отца, вконец избалованным с младенчества. Он вырос в статного, одаренного и чрезмерно заносчивого молодого человека, которому надменное отношение сходило с рук лишь из-за успешного ведения семейного дела. Были ли это экспедиции за рабами к побережью Африки или торговые сделки с главой рабов халифа, Салаху будто бы помогал Бог. Деньги и власть двумя равными реками текли в семью. В личной жизни юношеское своеволие Салаха превратилось в психотические припадки, и семейные рабы жили в страхе перед его плетью и кинжалом. Женившись, Салах использовал плеть и на жене, и на детях, когда они появились. В 957 году, однако, жизнь Салаха изменилась: в обширном *сукве* Багдада он познакомился с энергичным и притягательным купцом из Сидона по имени Кабу ибн Ахмед.

Кабу очаровал Салаха, и тот скоро почувствовал в себе стремление сделать все, что угодно для своего любовника, употребляя прибыли на снаряжение караванов в странные уголки империи и тратя деньги на покупку старых свитков. В конце концов, Кабу открыл своему катамиту[1] свою истинную суть, за что Салах, как и предполагалось, возлюбил его еще больше. Работорговец охотно отбросил мусульманскую веру, к которой относился равнодушно, ради поклонения Сету, и всецело посвятил себя своему господину. В награду Салах стал упырем и жрецом Кабу. Многие годы он служил ему в этом качестве, пока его медленное старение не заставило его покинуть Багдад. Куда бы он ни отправился, он продолжал порабощать людей, а его талант к торговле обеспечивало Последователей Сета богатством и кровью.

В конце концов Кабу признал, что его слуга заслуживает чего-то большего, чем вкус крови Сета, и даровал Салаху Становление. После краткого периода обучения Кабу отпустил свое дитя, чтобы тот распространял культ Сета. Эта парочка как-то прибыла в аль-Андалус и со смятением обнаружила, что их вера не пережила приход альморавидов. Кабу дурно отзывался о ревностных членах Аширры, воспользовавшихся хаосом эпохи, чтобы провести чистки против

[1] Мальчик (юноша), состоящий в половой связи со взрослым мужчиной.

«идолопоклонннического» культа Сета. Салах осознал брошенный вызов, когда услышал об этом, и прибыл в Севилью в 1202 году, горя амбициями и желанием отличиться.

Салах намеревается сполна отлить проклятой секте Аширры их грехи. Он видит подступающую волну христиан и способен узнать огонь амбиций, если увидит его. Множество рыцарей и лордов, смертных и каинитов, с радостью поступятся долей благочестия, чтобы получить взамен еще больше славы. Составляя список убежищ и уязвимых мест властной структуры Аширры в городе – и где бы то ни было еще – он надеется втереться в доверие к некоторым из этих амбициозных лордов. Таким путем он сможет отомстить за культ Сета и распространить свою веру по христианской Европе. Он уже наладил контакт с несколькими значимыми христианами, включая Лючиту Арагонскую.

Внешность. Высокий, царственного вида мужчина с ястребиными чертами лица и широкими плечами человека, привыкшего к открытым пространствам. Салах – образчик утонченного, воспитанного и обходительного проходимца. Его одежды сшиты из лучших шелков и самого дорогого льна, его борода и волосы тщательно умащены маслами, и он всегда осведомлен о последних веяниях моды из великих городов Леванта.

Подсказки для отыгрыша. Салах был торговцем рабами так долго, что играет роль поставщика живого товара с непревзойденным искусством, легко располагая к себе покупателей и жертв своим очарованием, остроумием и вероломством. Как любой хороший работорговец, он терпелив – ему ведь нельзя повредить товар. Под всем этим, однако, скрывается безжалостный человек с манией величия, который с большой вероятностью впадет в бешенство, если его будут серьезно сдерживать или унизят. Он хорошо осведомлен, что столь слабый самоконтроль может нарушить тонкий баланс союзов, от которых он сам зависит. Салах наслаждается моментами, когда он может спустить на волю своего Зверя и накормить его.

Убежище. Салах редко спит в одном месте дольше нескольких дней подряд и использует передвижной храм торговца-Сетита вместо постоянного убежища, предпочитаемого теми, кто чувствует себя в большей безопасности. Его упыри переносят его сонное тело между складами, кораблями и домами в зависимости от того, что из этого доступно.

Тайны. Салах понемногу строит шпионскую сеть на территории аль-Андалус, опираясь на многих работорговцев,

которых он подчинил своей воле. Он торгует информацией с каинитами-мусульманами, действуя так, как, по их мнению, действовал бы «полезный язычник». При этом он собирает информацию, чтобы сторговать ее христианским союзникам, когда придет время.

Влияние. Салах чрезвычайно влиятелен среди смертных торговцев рабами. С помощью контроля поставок живого товара и, соответственно, стад смертных, он создал себе огромное преимущество в Севилье, Кордобе и королевствах *таифа*.

Судьба. Основной план Салаха на поверку окажется успешным, хотя его месть Аширре не останется незамеченной. Старейшина клана Гангрел Шабако Нубиец узнает кое-что о его коварстве и будет преследовать его всю вторую половину XIII столетия.

Клан: Последователи Сета.
Сир: Кабу.
Натура: Тиран.
Маска: Опекун.
Поколение: 8.
Становление: 1005 год н.э.
Внешний возраст: 30 с небольшим лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 3.
Социальные: Внешность 4, Манипулирование 3, Обаяние 3.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Артистизм 2, Уворот 2, Лидерство 3, Обман 4.
Умения: Ремесло 4, Этикет 4, Холодное оружие 2, Верховая езда 2, Скрытность 3, Выживание 3.
Знания: Академические науки 3, Лингвистика 4, Оккультизм 2, Политика 2.
Дисциплины: Затемнение 4, Могущество 2, Присутствие 4, Серпентис 4.
Окружение: Контакты 4, Стадо 5, Влияние 1, Наставник 3, Ресурсы 4, Статус 3.
Добродетели: Убежденность 4, Инстинкты 2, Храбрость 2.
Путь: Путь Змея 5.
Сила Воли: 7.

Гангрел

Сабела, благородный дикарь

Происхождение. Сабела жила роскошной, привилегированной жизнью. Старшая дочь богатого валенсийского дворянина, она получила великолепное образование и в соответствии со своим положением была выдана замуж за столь же богатого сына одного из отцовских друзей. Она быстро свыклась с жизнью благородной дамы, рожая детей, управляя хозяйством и развлекаясь мелкими интригами.

Затем в город пришли мусульмане. Ее мир рухнул, когда при обороне Валенсии погибли ее муж и старший сын. Убегая от наступающей армии, она со своим караваном попала в засаду бандитов. Сабелу с дочерьми отвели в лагерь, где, очевидно, им предназначено было удовлетворять прихоти мужчин. Когда главарь бандитов попытался изнасиловать Сабелу на глазах ее дочерей, она, внезапно собравшись с силами, выцарапала ему глаз и размозжила голову камнем. Остальные бандиты достали было оружие, но из теней выступила поджарая нагая женщина с хищным блеском в глазах. Чудовищная женщина раскидала головорезов в стороны и без слов глубоко впилась зубами в шею ошарашенной Сабелы. Она пила и пила; Сабела потеряла голову от сладости Становления, но ее родительница преподнесла ей еще один урок. С безумным криком Сабела дала волю жгучему голоду, поднимавшемуся внутри нее. Она и вторая женщина осушили ее дочерей, затем обе ушли в ночь.

Мара, сир Сабелы, даже говорила с трудом, однако сумела научить Сабелу выживать в дикой местности, охотясь равно на мусульман и христиан. Но однажды ночью группа Ассамитов напала на них в отместку за убийство нескольких сторонников и упырей. Мара пожертвовала собой, чтобы задержать Ассамитов, а Сабеле удалось скрыться.

В конце концов, юная Гангрел вернулась к христианской цивилизации, знакомой ей в смертной жизни; она обосновалась в Барселоне и вернулась к жизни в роскоши. Но время, проведенное в глуши, ее темный голод и горечь, вызванная гибелью детей и ее сира (и в том и в другом она не без оснований обвиняла мусульман), заставило ее покинуть комфорт. Она желала мести, но осознала, что христианским королевствам потребуется время, чтобы окрепнуть и изгнать мавров из Иберии. Она решила встретиться с врагом лицом к лицу и потому в 1097 году вернулась в Валенсию, где в то время правил Эль Сид. Независимость города и терпимость его жителей вполне ее устраивали; она даже «обратилась в ислам»,

из осторожности выждав время, необходимое, чтобы переход в дргую веру выглядел правдоподобным. Она обнаружила других мусульман клана Гангрел, погрязших в цивилизации, и вошла в общество как одна из них. Ее переход в ислам, однако, вряд ли был искренним.

Ко времени расцвета Реконкисты она стала признанным членом Аширры в обществе Валенсии, ей доверяют так же, как любому вновь обращенному. Она собрала подробные сведения о защите города и местном обществе Аширры. Она также организовала небольшую сеть гонцов, знающих приграничные дороги не хуже ее самой.

Сабела намеревается переслать всю собранную информацию Элиазару де Поланцо, члену клана Ласомбра из Толедо, с которым ее связывает тайная переписка. К несчастью, несколько ее курьеров-упырей погибли ужасной смертью, предположительно от рук неизвестного врага. Сабела планирует найти нескольких подставных, чтобы переправить информацию ближе к границе с Каталонией, где Элиазар мог бы организовать им засаду из своих союзников в регионе и освободить их от тяжкой ноши.

Внешность. Сабела одевается как мусульманка, живущая в достатке, уверенная в своем месте в этом мире. Она встречает гостей с предельной учтивостью и хлебосольством, но из осторожности прикидывается слегка обеспокоенной и желающей угодить; идеальная внешняя оболочка может вызвать подозрения.

Подсказки для отыгрыша. Сабела – искусный актер и манипулятор, ей удалось заставить валенсийских членов Аширры поверить в искренность своего обращения в ислам. Ей, возможно, недостает звериной жестокости ее сира, но она более чем компенсирует это смертоносным коварством. Сабела не боится вызова ни каинита, ни большинства смертных, но понимает, что для открытых действий пока не время. Ее время скоро придет.

Убежище. Укрытие Сабелы расположено под конюшнями большой харчевни, которую она содержит. У нее также есть несколько запасных убежищ и пристанищ, разбросанных по всей Валенсии и вокруг нее, включая укрепленное убежище под Сагунто.

Тайны. Сабела составила весьма внушительное досье по ситуации в Валенсии. В нем содержится несколько очень важных сведений (например, довольно точная оценка количества Ассамитов, прибывших в город в последние годы), а в целом ее документы являют собой значительную стратегическую информацию о городе.

Влияние. Сабела имеет значительную степень влияния в городе, и зачастую к ней обращаются члены Аширры, которые хотят получить совет насчет взаимодействия с городскими каинитами-христианами или каинитами-иудеями.

Судьба. Предательство Сабелы останется в тайне многие годы, и Валенсия падет в руки христиан в 1238 году. Она удалится в Барселону и проживет там несколько спокойных столетий. Где-то в середине XIX века свидетельства ее обмана откроются. В 1917 году группа Ассамитов отомстит ей за преступления многовековой давности и сожжет ее в пепел.

Клан: Гангрел.
Сир: Мара.
Натура: Судья.
Маска: Опекун.
Поколение: 7.
Становление: 712 год н.э.
Внешний возраст: 30 с небольшим лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 4.

Социальные: Внешность 4, Манипулирование 4, Обаяние 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 5.

Способности:

Таланты: Бдительность 3, Рукопашный бой 4, Уворот 4, Запугивание 3, Воровство 3, Лидерство 2, Обман 5.

Умения: Обращение с животными 4, Этикет 4, Травничество 3, Холодное оружие 4, Верховая езда 3, Скрытность 3, Выживание 5.

Знания: Академические науки 2, Расследование 4, Лингвистика 3, Политика 4, Искусство управления 3.

Дисциплины: Анимализм 4, Доминирование 3, Стойкость 3, Могущество 2, Присутствие 3, Превращение 4.
Окружение: Союзники 2, Контакты 3, Стадо 3, Влияние 2, Ресурсы 4, Сторонники 4, Статус 2.
Добродетели: Совесть 1, Самоконтроль 3, Храбрость 4.
Путь: Небеса 5.
Сила Воли: 7.

Шабако Нубиец, Гангрел *таифа*

Поколение: 5.
Сир: Курру.
Натура: Одиночка.
Маска: Варвар.

Становление: 1290 до н.э.
Внешний возраст: 30 с небольшим лет.

Шабако был рожден за четырнадцать столетий до рождения пророка Иисуса в Напате, древней столице Нубийского Царства. Сын королевского охотника, Шабако пошел по стопам отца, обеспечивая божественных царей Нубии едой и развлечениями. Столь же яростный, как и животные, на которых он охотился, Шабако вскоре стал любимцем двора и часто возглавлял экспедиции для наследника престола и Верховного Жреца Амона. Его положение позволило ему купить себе хорошую жену, а его господа осыпали его дарами. Его мастерство росло, и Шабако часто просили устраивать ночные охоты для самих богов, ведь некоторые из них любили убивать во тьме гиен, львов и крокодилов. Иногда появлялись духи чудовищ, и Шабако присоединялся к своим богам в борьбе с ужасающими монстрами, выходившими из темноты. В одну из таких охот Шабако впервые отведал вкус *витэ*. Став упырем, Шабако наблюдал, как состарились и умерли его жена и дети, но, зная, что боги избрали его, он служил им всей душой на протяжении многих поколений. В 1290 году до н.э. он оказался в числе сильного отряда, который боги послали на защиту великого храма Амона у Джебель-Баркала от атак демонических Последователей Сета. В конце концов, Сетиты одержали победу в битве за главенство в Верхнем Египте, переместив столицу Нубии в Мероэ, чтобы закрепить свое владычество и изгнав остатки прочих каинитов Нубии в пустыню. В последней битве, закончившейся поражением, Шабако был тяжело ранен. Дабы не позволить верному упырю погибнуть, Старец-Гангрел, в то время носивший имя Курру, дал ему Становление и увел в пустыню.

Откровения, пришедшие со Становлением и рассказами Курру, вдребезги разбили веру Шабако в живых богов. Он потерял веру и цель в жизни. Несколько лет он следовал за Курру, но вскоре покинул его и всякое прочее общество, существуя на крови животных и странствуя по Сахаре от Красного моря до Геркулесовых Столпов. Шабако сражался с разными тварями и охотился на нескольких Последователей Сета, но веками бродил в одиночестве и созерцал ночь. Шли годы, и иногда он посещал храмы и беседовал со святыми, также жившими в пустыне в одиночестве. На краткое время он вернулся в мир, чтобы изучить новую религию, распространяющуюся среди его народа, но ответов на свои вопросы он в христианстве не нашел. Через несколько столетий, даже будучи глубоко в пустыне, Шабако почувствовал силу ислама. Заинтригованный, он выбрался из глубин пустыни,

чтобы исследовать эту религию. Он восхищался многим из того, что узнал, но все же не мог полностью связать себя с ней, чувствуя, что любая истина, открытая человеку, вовсе не обязательно утоляет чаяния Проклятых. И все же принципы ислама и истории о небольшом пустынном народе, потрясшем мир, так зажгли в Шабако стремление странствовать, как он не желал этого веками. Он путешествовал из одного конца империи в другой, в конце концов в X веке оказавшись в аль-Андалус.

Плодородные равнины и реки, удивительные горы и суровые плато подействовали на Шабако благотворно. Смешение верований и древней философии дали ему пищу для размышлений. Он вступил с Гилелем аль-Масаари, султаном Кордобы и одним из первых Ассамитов, обратившихся в ислам, в дискуссию, затянувшуюся на десятилетия, и наконец вновь поверил. В 1005 году он принял ислам. В силу своего возраста, поколения и умений охотника он побудил остальных вампиров клана Гангрел сделать то же. Те, кто последовал его примеру, стали называться Гангрел Таифа и из звероподобных хищников превратились в воинов-ученых. Хотя это движение распространяется все дальше, сам Шабако остался в аль-Андалус.

Шабако не желает возглавлять Гангрел Таифа, как и любую другую армию, организованную во зло. Он рад тому, что более молодые члены его клана вдохновились его выбором, но сам твердо верит, что каждый вампир должен встретиться с Богом один на один. Со своей стороны, он уничтожает каинитов-христиан, оскорбляющих его чувства, и верит, что Господь посчитает его достойным спасения, когда придет время.

Ласомбра

Альфонсо Палациос, униженный целитель

Происхождение. Король Санчо Толстый имел одно редкое для правителя качество: он ценил умение больше, чем родословную. Это означало, что его двор был полон людьми, добившимися всего самостоятельно, теми, кто заработал свою репутацию, а не унаследовал ее. Это привело к суровому соперничеству между подданным Санчо за то чтобы преуспеть и завоевать благосклонность короля. Кроме того, это разделило двор, и благородные придворные косо посматривали на нахальных новичков.

Альфонсо Палациос пришел сюда в качестве целителя, призванный попытаться излечить короля от одного из его частых недомоганий. Сын бедного торговца, Палациос сумел устроиться учеником к лекарю и избежать участи унаследовать

разваливающееся отцовское дело. К тридцати годам он имел репутацию одного из лучших медиков в Иберии, и был призван из Сарагосы, чтобы помочь захворавшему Санчо. Он сумел помочь королю, и тот наградил его золотом, почестями и местом при своем дворе.

Палациос оставался при Санчо еще в течение нескольких лет, но не смог исцелить короля от одного из появившихся позже недугов. Именно этого момента дожидались враги Альфонсо. Когда ученый и раввин Хасдай ибн Шапрут преуспел в исцелении Санчо от болезни, с которой не справился Палациос, недруги Альфонсо обвинили его в попытке отравить короля. Сам Санчо был слишком слаб, чтобы разобраться в этом деле, и бывший фаворит был с позором удален от двора.

Огорченный и униженный, Палациос переезжал из города в город, предлагая свои услуги бродячего лекаря. Он никогда не упоминал о месте, которое когда-то занимал, и не искал возможности вернуться к жизни на виду. Вместо этого он странствовал вдоль и поперек по полуострову, пересекая христианские и мусульманские королевства. Его путешествия, однако, не оставались незамеченными. Амбициозному Ласомбра по имени Фернандо де Ринкон, случайно оказавшемуся при дворе Санчо, понравилась манера молодого лекаря держать себя. Еще более впечатлен он был тем, как Палациос сносил свое унижение, и, после нескольких лет наблюдения, Фернандо предложил тому возможность стать одним из клана Ласомбра. Поразмыслив некоторое время, Палациос согласился.

Внешность. Высокий и стройный Палациос обладает необычайно длинными руками и ногами. Кисти его рук и пальцы также удлиненные, подобающие медику. Редеющая копна седых волос покрывает его голову, а его лицо обветрено после целых лет, проведенных в пути. Палациос иногда одевается в придворный наряд, особенно если его уговаривают посетить официальное мероприятие, но, оставаясь в одиночестве, он предпочитает носить одежды бродячего лекаря.

Подсказки для отыгрыша. Поиск способа окончить свое существования сменился для Альфонсо посиком знаний. За столетия своей не-жизни он увидел достаточно эпидемий и убийств, чтобы осознать полную бессмысленность труда целителей и то, что в конце смерть наложит свою лапу на каждого. Маленькая искорка в нем спрашивает, могут ли достоинства крови Каина быть дарованы всему миру – разумеется, при должном руководстве – но это всего лишь преходящая иллюзия. Теперь Альфонсо ищет сочинения по медицине, чтобы уберечь их, и не более того. Он радушен к гостям, но не обсуждает свое прошлое. Те, кто вспоминает об

его изгнании от двора Санчо, не входят в круг его друзей, зато в него попадают те, кто разделяет его мастерство.

Убежище. Палациос обитает в нескольких комнатах под Плаза де Мария Магдалена, рядом с университетом Сарагосы. Здесь он проводит приблизительно полгода, исследуя и экспериментируя, а остальное время он путешествует в поисках других ученых и пополнений для своей коллекции.

Тайны. Редко участвующий в интригах, Палациос, тем не менее, знает обо всех сделках, заключенных ради объединения Иберии под властью христиан. Его очевидная незаинтересованность политикой оберегает его от того, чтобы быть убитым из-за этих знаний; он, однако, общался с поэтом Юсуфом и внушающей ужас Мириам бинт Аиша в надежде выторговать некоторые мусульманские сочинения по медицине, которыми он жаждет обладать.

Влияние. Палациос обладает относительно малым влиянием, но в последние годы он основательно изучает вампирические недуги крови. Принесет ли это пользу в будущем – пока не ясно.

Судьба. Бывший медик проведет последующие несколько столетий, расширяя свои знания о болезнях крови, и к 1450 году станет наиболее известным экспертом в Европе. Учащиеся со всего Средиземноморья будут съезжаться, чтобы поучиться у него, и слава его среди птотмков Каина будет расти. Но со славой расцветает и зависть. В 1485 году, вскоре после установления власти инквизиции в Сарагосе, Палациос будет предан своими недругами. После нападения на его убежище Альфонсо уведут в качестве пленника в крепость Альяферия, где обустроились инквизиторы. По слухам, Палациос заключил с ними сделку: он помогает инквизиторам в их трудах, а взамен они позволяют ему использовать некоторых пленников по собственному усмотрению. Правда это или нет – никто не знает; достоверно лишь то, что Палациос так и не вышел из Альяферия после пленения, а его бесценная библиотека была сожжена.

Клан: Ласомбра.
Сир: Фернандо де Ринкон.
Натура: Инноватор.
Маска: Опекун.
Поколение: 8.
Становление: 960 год н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 5, Выносливость 4.

Социальные: Внешность 3, Манипулирование 5, Обаяние 4.

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 5, Сообразительность 5.

Способности:

Таланты: Артистизм 1, Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Уворот 4, Эмпатия 5, Хитрость 2.

Умения: Ремесло 4, Этикет 4, Травничество 5, Холодное оружие 2, Музыка 1, Верховая езда 3, Выживание 2.

Знания: Академические знания 5, Народная мудрость 3, Расследование 4, Знание закона 1, Лингвистика 4, Медицина 5, Оккультизм 2, Политика 3.

Дисциплины: Прорицание 5, Доминирование 2, Власть над Тенью 5, Могущество 3, Присутствие 2.

Окружение: Союзники 2, Контакты 4, Наставник 3, Ресурсы 2, Сторонники 1, Статус 2.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 5, Храбрость 2.

Путь: Небеса 4.

Сила Воли: 8.

Марцелл Руфус, хранитель Лас Медулас

Происхождение. Ходят слухи, что опустошенные окрестности Лас Медулас[1] населяют призраки, но эти слухи верны лишь наполовину. Ведь даже призраки рабов, умерших здесь, обходят стороной Марцелла Руфуса, хотя сам он однажды принадлежал к их числу.

В дни своей смертной жизни Руфус был отпрыском состоятельной семьи, жившей в Остии. Увлеченный рассказами деда о старых добрых днях республики, уставший от городской жизни, Марцелл, к разочарованию отца, принял решение записаться в легион. Его разум горел видениями доблестных мужчин, таких, как Марий[2], и он присоединился к войскам и вскоре был отправлен в отряд, уходивший на запад, в места, которые позже назовут Кастилией. К сожалению, благородное воспитание Руфуса упускало некоторые области знаний, жизненно важных для солдата, а именно, азартные игры, пьянство и распутство. Его неопытность во всех трех областях быстро стала очевидна, и вскоре он оказался в огромных долгах,

[1] Золотой рудник в южных отрогах Кантабрийских гор, открытый и разрабатывавшийся римлянами, в описываемый книгой период времени уже веков семь как заброшен. В 1997 г. включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

[2] Скорее всего, имеется в виду Гай Марий (157-86 гг. до н.э.), римский полководец и политический деятель. Семь раз был избран в консулы, в том числе пять раз подряд в 104-100 до н.э. Провёл реорганизацию римской армии, превратив ее в высокоорганизованный и мощный механизм.

пристрастился к вину и нажил себе нескольких соперников за внимание некоторых спутниц лагеря. Высокомерно предполагая, что имя и положение его семьи защитят его, Руфус был чрезвычайно удивлен, когда его враги решили объединить усилия, вернуть свои долги и избавиться от причины несчастий одним ударом. Его похитили, избили и продали в рабство на новый золотой рудник в Лас Медулас. Надзиратели встретили хохотом его утверждения о том, что он является офицером. В конце концов, каждый знал, что центурион Марцелл Руфус Остиани был убит в ходе налета одного из племен кельтиберов. Иными словами, он стал лишь еще одним рабом.

Несчастные случаи на руднике были обычным делом, поскольку римляне заставляли рабов направлять реки в новые русла и прорывать каналы длиной в тысячи футов, которые помогали бы вывернуть внутренности гор в долину внизу. Многие рабы, будучи не в силах вынести изматывающий темп и надсмотрщиков-садистов, рано или поздно погибали. Их кости обрамляли выкопанные туннели, а опустошенное нутро горы служило им надгробием. Руфус, однако, выжил. Не обращая внимания на мифические принципы поведения, почерпнутые из рассказов деда, он не позволил работе взять над собой верх. В конце концов. Он был римским патрицием, и, даже если бы ему пришлось умереть, он не умер бы как раб.

Эта стойкость и целеустремленность окупились десятью годами позже. Могущественный Букефос из клана Судей узнал об этом огромном предприятии и задался целью увидеть его собственными глазами, намереваясь дать Становление императору, также обозревавшему местность. Но гораздо более по сравнению с солдатом его поразил один из рабов, державший себя как благородный человек и командовавший прочими трудягами. Так Марцелл Руфус Остиани вступил во владения тьмы.

В течение нескольких столетий Марцелл время от времени путешествовал вместе со своим сиром, но всегда возвращался в золотые копи, где когда-то трудился в поте лица, будучи рабом. В конце концов Букефос рассудил, что Руфус готов для собственного пути, и отпустил его. Поначалу Марцелл попытался осесть в Остии, но за прошедшее время она изменилась до неузнаваемости. Его семья впала в нищету и безвестность, а в бывшем его доме обитал теперь жирный торговец с еще более жирными дочерьми, не имевший никаких доблестей, достойных упоминания.

С отвращением Марцелл отвернулся от Рима и отправился в единственное место, которое он мог считать домом: в Лас

Медулас. Здесь он и оставался веками, питаясь теми, кто приходил обобрать золото с покойной горы. По большей части Руфус воздерживается от дел каинитов, однако ясно выражает свое мнение в двух вопросах: власти над территорией Лас Медулас и собственных ожиданий от своего клана и тех, кому в нем дают Становление. Если он узнает о новообращенном, который, по его мнению, позорит клан Ласомбра, Руфус вполне может сойти со своей горы, чтобы выразить неудовольствие по этому поводу.

Внешность. Марцелл – широкоплечий мужчина среднего роста, с угольно-черными волосами и патрицианским профилем. Его тело – сплошное переплетение мускулов, результат труда в копях, а кожа все еще хранит следы сурового летнего солнца. Не настолько старомодный, чтобы носить традиционные одеяния римлянина, Руфус обычно предпочитает простую одежду. Он никогда не носит чего-либо помимо сандалий и свободной туники, а иногда не надевает и этого. Тогда единственной вещью на нем оказывается перстень с фамильным гербом его семьи, изготовленный давно покойным кузнецом из золота, добытого в Лас Медулас. Этот перстень более ценен для Марцелла, чем само его существование, и любое замечание об этой вещи, скорее всего, сделает виновника вечным врагом Руфуса.

Подсказки для отыгрыша. Беспечный молодой идеалист, ставший легионером, мертв уже столетия. Рабство и века, проведенные в изоляции, сделали Марцелла стоиком во всех смыслах этого слова. При встрече с незнакомцами он ждет благоприятного момента и дает им понять, что все преимущества в его руках. Он вознаграждает честную сделку, но карает предательство и воровство смертью. Он яростно охраняет свое уединение, предпринимая для этого любые необходимые шаги.

Убежище. Марцелл случайным образом перемещается между несколькими укрытиями внутри и вокруг изрытой горы. Все они расположены просто и глубоко сокрыты в толще породы. Большая часть их снабжена ловушками, натянутыми веревками и прочими подобными мерами предосторожности. Под самым основанием горы есть пещера, над которой Марцелл работал веками. Когда он посчитает время подходящим, он намеревается удалиться в нее и погрузиться в сон, предварительно устроив оползень, чтобы запечатать пещеру. Это убежище оборудовано более пышно, нежели остальные, и Марцелл запас в ней еще и значительное количество золота, чтобы обеспечить себе существование после пробуждения.

Тайны. Марцелл посвящен в немногие секреты, помимо своих собственных. Несмотря на то, что его боятся и уважают за его возраст и происхождение, по большей части он воздерживается от политических дел клана. Однако он знает всю местность вокруг его убежищ – каждый поворот, изгиб или пещеру, и изредка позволяет другим каинитам укрываться в своем домене. Те, кто пользовался его разрешением, четко осознают, что когда-нибудь им придется расплатиться с Марцеллом.

Влияние. Марцелл обладает малым влиянием где-либо за пределами своего домена. Однако он опосредованно выказывает удовлетворение или недовольство всеми решениями других Ласомбра на всем полуострове. Верный почитатель Юпитера Статора, Марцелл питает мало любви и к христианам, и к мусульманам, и, честно говоря, ему все равно, кто в итоге победит, пока они – по его стандартам – достойны уважения. В последнее время Марцелл проникается все большим отвращением к тому, что творится во имя Реконкисты, и объявил о том, что он дарует убежище любому каиниту или члену Аширры, кто захочет навсегда устраниться из конфликта. Хотя немногие пока осмелились отправиться в путь, само предложение Марцелла является вызовом как для князей Иберии, так и для султанов *таифа*. Молодые Ласомбра – противники конфликта – теперь располагают чем-то вроде покровительства.

Второе оружие в руках Марцелла, помимо предоставления убежища, - это золото. В его распоряжении огромное богатство, и, если он достаточно воодушевится, то будет расходовать его, чтобы поддержать тех, кого он уважает или кем восхищается.

Судьба. Марцелл будет охранять свои владения от все более частых вторжений вплоть до середины XII века. В конце концов, исполнившись отвращения к событиям гражданской войны в Испании и изрядно разозлившись, он уйдет в свое заботливо подготовленное убежище и запечатает его, чтобы дождаться наступления более достойных времен.

Клан: Ласомбра.
Сир: Букефос.
Натура: Одиночка.
Маска: Стоик.
Поколение: 5.
Становление: 112 год н.э.
Внешний возраст: чуть больше 25 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 8, Ловкость 7, Выносливость 8.

Социальные: Внешность 5, Манипулирование 2, Обаяние 3.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 4, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 5, Атлетика 4, Рукопашный бой 5, Уворот 3, Запугивание 5, Лидерство 4.

Умения: Обращение с животными 3, Стрельба из лука 5, Ремесло 2, Холодное оружие 5, Верховая езда 3, Скрытность 4, Выживание 5.

Знания: Народная мудрость 2, Лингвистика 4, Оккультизм 2, Политика 2, Наука 2.

Дисциплины: Стремительность 5, Доминирование 8, Стойкость 6, Власть над Тенью 7, Могущество 8, Присутствие 6.

Окружение: Союзники 1, Контакты 2, Наставник 5, Ресурсы 5, Статус 3.

Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 5, Храбрость 5.

Путь: Благородство 9.

Сила Воли: 10.

Мириам бинт Аиша, паучиха *таифа*

Происхождение. Мириам родилась в Малаге в дни юности зависимого эмирата и стала единственным ребенком в семье визиря города. Это время было отмечено яростной внутренней борьбой различных группировок, и Мириам, хотел того ее отец или нет, училась политическим играм, стоя у его колена. Отец Мириам был, однако, практичным человеком, осознававшим, что во времена кризиса важны любые ресурсы. Когда его дочь начала выказывать значительный талант к государственному управлению, отец быстро извлек из этого выгоду.

Вместе со сражающимися фракциями пришли и воинствующие каиниты, также высматривавшие все, что могло оказаться полезным. Аиша бинт Салах впервые приметила Мириам во время отчаянного бегства через Малагу, но затем, вернувшись сюда при более благоприятных обстоятельствах, она стала подготавливать Мириам к жизни во тьме. Мириам получила Становление в 736 году и вскоре стала служить дочери Салаха в качестве главного советника. Но долгие годы, проведенные рядом с Аишей, заставили Мириам скучать. Аиша была консервативна и утомительна, и видела в Мириам лишь еще один инструмент в своих руках. Мириам же тайно испросила разрешения оборвать существование своего сира и получила его, а в 934 году сделала это.

К счастью, появилось нечто новое, заинтересовавшее ее. Бурно разрастающиеся королевства *таифа*, с их мелкими корольками и поверхностными склоками, стали для нее идеальной шахматной доской, предназначенной для игры в политику. Она осела в Кордобе и принялась раскидывать свои сети союзников, предательства и обмана. Вторжения Альморахадцев и Альморавидов причиняли ей временные неудобства, но уничтожить ее не могло ничто. Говорят, что когда один из Детей Хакима, пришедший с Альмохадцами, по глупости позволили себе угрожать ей, она спокойно обездвижила его и сказала, что тот станет ее пленником до тех пор, пока вторжение не завершится. Эта история правдива, и несчастный Сарацин теперь ожидает освобождения глубоко в ее темнице. Именно этот воин был одним из орудий визиря Умара аль-Рашида, еще одного мастера интриг в регионе, и он теперь с интересом присматривается к Мириам.

Хотя несправедливым будет утверждение, что именно конфликт между Мириам и Умаром стал причиной нестабильности, угрожающей королевствам *таифа*, и тот, и другая без колебаний используют его каждый к своей выгоде. Вдобавок Мириам испытывает откровенное удовольствие, экспериментируя и процветающим хаосом, то оказывая поддержку здесь, то натягивая отношения в хрупком союзе там. Ее мало заботит, чем все это закончится, но она – в отличие от своего соперника-Ассамита – осведомлена о джентльменском соглашении между членами *Amici Noctis* относительно Теневой Реконкисты. Ее в большей степени интересует сам процесс игры и победа над Умаром.

Внешность. Для фигуры, внушающей такой трепет, Мириам выглядит довольно-таки непривлекательно. Невысокая, с темной кожей и ястребиными чертами лица, она вовсе не красива. Ее взгляд, однако, пронизывает, поскольку ее глаза большие и совершенно черные. Волосы Мириам длинны, а одежда, которую она носит, чересчур открыта для женщины ее положения.

Подсказки для отыгрыша. Мириам считает себя в полной безопасности и потому ни в ком из посетителей не видит угрозы. Все, что ее заботит, - это борьба за королевства *таифа*. Она вознаграждает тех, кто играет хорошо, и карает тех, кто играет плохо. Интересным, способным бросить вызов гостям она всегда рада, но какой-нибудь болван рискует погибнуть. Мириам много лет трудилась для собственного блага и не терпит тех, кто считает ее «всего лишь женщиной». Она может скрывать свое раздражение вплоть до того момента, когда она сможет показать, на что «простая женщина» способна.

Убежище. Мириам живет в довольстве неподалеку от Алькасара в Кордобе. Она не старается спрятаться, и в некоторых кварталах ее называют хранителем города. Она не заинтересована в том, чтобы оспаривать титул султана города у Гилеля аль-Масаари, в особенности потому, что древний воин-Сарацин по большей части не правит, и к тому же является противником Умара. Вместо этого она счастлива помогать советами и манипулировать. Резиденция Мириам невероятно роскошна и украшена реликвиями, когда-то принадлежавшими эмирам Омейядов.

Тайны. Мириам – источник знаний обо всех интригах в королевствах *таифа*. Она также собирает сведения о том, что происходит во всем клане, но сфера ее интересов – игра за ее порогом, а не на Сицилии или где-то еще.

Влияние. Многие каиниты в королевствах *таифа* ищут ее расположения. Мириам хорошо известна и внушает страх, и тем не менее ее благосклонности ищут все, кто о ней знает.

Судьба. После падения Насридов в 1492 году Мириам наконец отойдет от дел и освободит своего пленника, предварительно вытянув из него клятву в том, что он не будет ей мстить. Он сдержит клятву, в отличие от многих его собратьев.

Клан: Ласомбра.
Сир: Аиша бинт Салах.
Натура: Тиран.
Маска: Автократ.
Поколение: 8.
Становление: 736 год н.э.
Внешний возраст: 28 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4, Ловкость 5, Выносливость 4.

Социальные: Внешность 2, Манипулирование 5, Обаяние 5.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 5, Сообразительность 5.

Способности:

Таланты: Артистизм 5, Бдительность 4, Уворот 5, Эмпатия 4, Запугивание 4, Лидерство 3, Хитрость 5.

Умения: Ремесло 4, Этикет 5, Травничество 4, Холодное оружие 3, Музыка 1, Скрытность 4.

Знания: Академические знания 3, Знание закона 5, Лингвистика 4, Оккультизм 4, Политика 5, Искусство управления 4.

Дисциплины: Прорицание 4, Стремительность 3, Доминирование 5, Власть над Тенью 5, Могущество 5, Присутствие 4.
Окружение: Союзники 5, Контакты 5, Стая 4, Влияние 3, Ресурсы 5, Сторонники 5, Статус 4.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 5, Храбрость 5.
Путь: Человечность 3.
Сила Воли: 10.

Рафик ибн Харун, терпеливый

Происхождение. Рафик обитает в Лусене с конца XI века. Он любит город, как ничто другое на земле. Он появился в городе в 1090 году с войском, посланным подавить восстание, и остался здесь в качестве начальника гарнизона, когда остальной отряд двинулся дальше. Вскоре он полюбил город и многие годы верой и правдой служил его визирям.

За повседневной работой Рафик состарился, но на смертном одре к нему пришел незнакомец. Этот человек, по виду такой же бербер, как сам Рафик, спросил, чего тот желает больше всего. Умирающий ибн Харун ответил, что более всего остального он хотел бы навсегда сберечь свой город от всякого вреда.

«Ты желаешь этого больше, чем оказаться в Раю?» - спросил незнакомец, усмехнувшись.

Рафик похолодел, он испугался того, что не прошел некое испытание и теперь отправится к Иблису. Но на смертном одре он не мог солгать ни человеку, ни ангелу.

«Именно этого я хочу», - сказал он.

«Будь по сему», - ответил незнакомец, и дал Рафику Становление.

С того самого времени Рафик обитал в стенах и казармах Лусены. Он объявил город своим, неосквернённым и неприкосновенным, и не позволяет ни одному каиниту проходить за его стены, не испросив прежде его разрешения. Поступившие так становятся его почетными гостями; тех, кто этого не сделал, часто находят в виде праха перед городскими воротами.

В последнее время Рафику стали сниться таинственные сны. Он видит того самого незнакомца, подарившего ему бессмертие, с факелом в одной руке и мечом в другой, и тот предлагает Рафику выбрать между ними. Рафик всегда просыпается прежде, чем успевает выбрать, но он уверен, что рано или поздно он должен определиться – ведь от этого зависит судьба его города.

Внешность. Рафик – пожилой мужчина с густой седой бородой и плешью. Его тело, однако, мало изменилось с

возрастом, и могло бы принадлежать человеку помоложе. Как всегда, он носит грубую одежду военных, и редко расстается с потертой кривой саблей, которой орудовал множество раз при обороне города.

Подсказки для отыгрыша. Лусена – первая и последняя забота в не-жизни Рафика. Он радушен к гостям и непреклонен к врагам города. Грызня между королевствами *таифа* беспокоит его, и он боится, что ничего хорошего из этого не выйдет. Не имеет значения, что будет с другими городами, но Рафик позаботится о выживании своего приемного дома.

Убежище. Рафик имеет несколько убежищ по всему городу, хотя предпочитает остальным апартаменты к югу от Корраль де Карбон. Они обставлены как солдатские казармы, по-спартански строго. Он практически не украшает комнаты, но в них всегда есть лишний пустующий стул, приготовленный для его сира, если тот вернется.

Тайны. Рафик хорошо знает Гранаду. Он также в курсе того, что болтает Юсуф, ведь поэт недавно гостил у него. Более того, его дважды навещал элиазар де Поланцо, пытавшийся договориться о возможном содействии, если Теневая Реконкиста преуспеет. Де Поланцо пообещал, что Гранада будет захвачена без вреда; Рафик же решает, что может означать этот визит.

Влияние. В пределах Лусены Рафик всесилен, но в остальных регионах его считают чем-то вроде чудака. Его тактика неизменно консервативна и строго религиозна, и он увещевает своих собратьев вернуться к былой славе альморавидов. Они игнорируют его, хотя с почтением именуют его султаном Лусены.

Судьба. В своем сне Рафик наконец выберет меч. Каким-то образом он осознает, что этот выбор обречет его, даже если Лусена будет спасена, и он возьмет меч с охотой. В последующие два с половиной столетия он будет защищать свой город ото всех вновь прибывающих, но в конце концов сдастся неизбежному и заключит альянс с де Поланцо. Таким образом город пострадает гораздо меньше при взятии, и Рафик вернется в свои покои, чтобы дождаться неизбежного. События не заставят себя ждать. Через год вернется сир Рафика и одобрит его выбор. Если бы Рафик выбрал факел, он спасся бы сам, но город сгорел бы дотла. Незнакомец вновь спросит Рафика, чего тот желает больше всего, и тот, зная, что его город в безопасности, ответит: «Я хочу попасть в Рай».

Улыбаясь, незнакомец исполнит его желание.

Клан: Ласомбра.

Сир: Неизвестен.

Натура: Опекун.
Маска: Стоик.
Поколение: 11.
Становление: 1109 год н.э.
Внешний возраст: 60 с небольшим лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 5, Ловкость 3, Выносливость 4.
Социальные: Внешность 2, Манипулирование 1, Обаяние 2.
Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 4, Сообразительность 4.
Способности:
Таланты: Бдительность 3, Рукопашный бой 4, Уворот 2, Запугивание 3
Умения: Стрельба из лука 4, Этикет 1, Холодное оружие 4, Верховая езда 3, Скрытность 2.
Знания: Знание закона 3, Лингвистика 2, Оккультизм 3, Политика 1, Искусство управления 1.
Дисциплины: Доминирование 2, Стойкость 2, Власть над Тенью 4, Могущество 3.
Окружение: Союзники 1, Контакты 2, Наставник 3, Ресурсы 1, Статус 2.
Добродетели: Совесть 5, Самоконтроль 2, Храбрость 5.
Путь: Человечность 7.
Сила Воли: 9.

Сильвестр де Руис, господин теней

Происхождение. Сильвестр де Руис был в Ковадонге, когда армия христиан – впервые – дала отпор наступающим войскам мусульман. Тот факт, что сражение было небольшим, а войска мусульман были лишь разведывательным отрядом, в итоге значения не имел. Ко времени, когда поэты и создатели легенд завершили свои труды, казалось, что весь исламский мир вышел на поле той битвы.

Однако какими бы грандиозными ни были описания той битвы, Сильвестр в них не упоминался. Ведь он не был ни рыцарем, ни оруженосцем, ни кем-либо иным. Он был шпионом. Именно де Руис обнаружил тропу, которой шли наступающие мусульмане, именно он доставил эту информацию их противникам – христианским рыцарям, и именно он в своей самоубийственной отваге предложил услуги проводника захватчикам, чтобы те гарантированно не избежали нависшего над ними рока. Другие получили славу за столь блистательную победу. Сильвестр же получил крупное вознаграждение и поток предложений, который не иссякал два десятилетия, в которые

христианские королевства начали долгий и медленный процесс Реконкисты.

Ласомбра по обе стороны борьбы с интересом наблюдали за подвигами Руиса. Его удачи стали cause célèbre[1], ведь многие из *Amici Noctis* боролись за право уничтожить его либо даровать ему Становление. В результате было решено предоставить его собственной судьбе; когда же дни его на поле битвы подойдут к концу, первый добравшийся до него пусть сделает с ним все, что пожелает. К удаче де Руиса, первым до него добрался его сир, Клеоболус.

В прошедших затем веках де Руис упрочил свое положение в клане. Будучи поначалу посланником, он получал со временем все более и более деликатные задания. Старейшины клана избрали его как посредника во взаимоотношениях с Сицилией всего лишь через сто лет после Становления, и он стал самым юным в заседаниях *Amici Noctis*. Ныне, после почти пятисот лет во Тьме, Сильвестр де Руис – один из тех, кто вершит судьбу Ласомбра в Иберии.

Внешность. Сильвестр невысок, худ, с загорелой кожей. У него седоватые усы и козлиная бородка; когда он говорит, руки его практически постоянно находятся в движении. По его левой щеке от уха до носа идет тонкий шрам – результат стычки при жизни; еще один пересекает его живот. Теперь, когда он больше не работает в поле, Сильвестр приобрел что-то от денди и носит только лучшие одежды. В его подчинении три упыря, чьей единственной обязанностью является уход за внешностью хозяина, в результате тот всегда впечатляюще ухожен.

Подсказки для отыгрыша. Руки де Руиса всегда чем-нибудь заняты – в них нож, завиток тьмы или же они просто в воздухе. Он говорит быстро и по делу и знает, что ценное есть и в большом, и в малом. В конце концов, он и сам когда-то был скромным шпионом. Если нужно, он донесет эту точку зрения до других Ласомбра, ведь некоторые из них чересчур сосредоточились на себе, а такие привычки опасны.

Убежище. У де Руиса два убежища. Одно – в палате под замком Кастель д’Омбро на Сицилии. Второе – в Мадриде, по соседству с резиденцией его дитя и ученика, Монкады. Оба укрытия шикарно меблированы в стиле эпохи поздних Омейядов, – любопытный выбор для того, кто всю жизнь служил делу христиан. Возможно, это жест, обращенный к мусульманам Ласомбра, призванный показать, что де Руис ставит себя выше подобных условностей. А может быть, он означает нечто более глубокое…

---

[1] Cause célèbre (*фр.*) – скандальный судебный процесс, громкое дело

Тайны. Если есть в Иберии какая-то тайна, касающаяся Клана Теней, де Руису она известна.

Влияние. Любое значимое решение, касающееся иберийских Ласомбра, принимается с участием де Руиса. В последнее время Монкада испытывает его терпение, и де Руис позволяет ему это; однако редко какой Ласомбра, да и вообще редко кто из каинитов аль-Андалус осмеливается идти против его воли.

Судьба. Де Руис в конце концов ослабит давление на Монкаду, и в 1424 году бывший архиепископ возглавит переворот. Некоторые наблюдатели посчитают это первым выстрелов в Восстании Анархов.

Клан: Ласомбра.
Сир: Клеоболус.
Натура: Автократ.
Маска: Судья.
Поколение: 6.
Становление: 732 год н.э.
Внешний возраст: 40 с небольшим лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 6, Ловкость 6, Выносливость 7.

Социальные: Внешность 7, Манипулирование 7, Обаяние 4.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 5, Сообразительность 6.

Способности:

Таланты: Артистизм 4, Бдительность 5, Атлетика 4, Рукопашный бой 4, Уворот 5, Эмпатия 3, Запугивание 4, Воровство 5, Лидерство 4, Хитрость 5.

Умения: Стрельба из лука 3, Этикет 4, Холодное оружие 5, Музыка 2, Верховая езда 4, Скрытность 4, Выживание 2.

Знания: Разведка 4, Знание закона 3, Лингвистика 3, Оккультизм 1, Политика 5, Искусство управления 3.

Дисциплины: Прорицание 4, Стремительность 4, Доминирование 7, Стойкость 6, Власть над Тенью 7, Могущество 5, Присутствие 4.

Окружение: Союзники 5, Контакты 5, Стая 4, Влияние 4, Ресурсы 4, Сторонники 4, Статус 5.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 5, Храбрость 4.

Путь: Благородство 8.

Сила Воли: 9.

Виценте де Кардона, честный житель Лиссабона

Происхождение. Виценте был амбициозным человеком, сыном состоятельного купца, делавшего деньги на колеблющихся волнах союзов, прокатывающихся по Иберии. Вообще-то родиной Виценте был Мадрид, но с девятилетнего возраста он путешествовал с отцом, обучаясь ведению дел и общению с людьми. В первую очередь он замечал, насколько легко подкупать, запугивать или умасливать людей, так что те забывали про свой долг, и это произвело огромное впечатление на мальчика. Неудивительно, что юный Виценте вырос, считая, что мир состоит из людей двух типов: хозяев и дураков, причем среди хозяев были лишь двое: он и его отец.

Все изменилось с приходом весны 1164 года. Обыкновенная торговая поездка из Бежо в Лиссабон обернулась бедой, когда группа бандитов – дезертиров из армии крестоносцев – захватила караван де Кардоны и обрушила на него кровавый хаос. Виценте увмдел, как его гордый отец молил о пощаде, а главарь бандитов рассмеялся и заколол сеньора де Кардоне. Сам Виценте сумел убежать с искалеченной правой рукой и изрезанным лицом – прощальными подарками от бандитов.

Виценте излечился от травм и даже сумел воссоздать торговую империю отца. Однако его, в отличие от отца, никогда не любили; наоборот, его заносчивое поведение, бешеный нрав и стремление к мести сделали его весьма непопулярным человеком. Подпорченная внешность также не способствовала этому, ведь когда-то красивый Виценте больше не заглядывал в зеркала, хотя одевался в самые дорогие наряды, какие только мог себе позволить.

Сочетание энергичности, достижений и странных привычек вскоре привлекло к нему внимание Ласомбра, и после долгих споров он в 1182 году был введен в клан. Однако Виценте оказался не совсем тем, чего ожидал его сир. Вместо того, чтобы развивать свое дело из-за могильной ограды, Виценте пустил всю торговлю побоку, за исключением побочных, но прибыльных операций по перевозке каинитов. Вместо этого он стал убеждать старейшин позволить ему расширить их влияние на Португалию. Хотя это и выглядело привлекательным для *Amici Noctis*, они видели и истинную причину просьб Виценте: довольно ясную попытку вкусить немного мести за свои раны и за смерть отца.

В конце концов беспокойный Виценте настолько утомил своего сира, что тот дал ему свободу погубить себя. Виценте получил приказ отправляться в Лиссабон и не возвращаться до тех пор, пока вся Португалия не будет во власти Ласомбра. Сам Виценте решил, что его сир признал его ценность и

состоятельность его плана, а остальные члены *Amici* просто сговариваются против него. Охваченный сильными надеждами и черными мыслями о мести, он переехал в Лиссабон и принялся за попытки нарушить спокойствие португальских Бруха. Одним из его главных методов стала отправка посланников в мусульманские города, расположенные вдоль границы Португалии, с целью заключить сделки с местными Ласомбра. Он предлагает им возможность выжить и остаться при своем домене в обмен на верность ему.

Внешность. Виценте невысок ростом и фатоват. Он всегда носит перчатки и, когда позволяют обстоятельства, еще и маску. Его волосы черные и волнистые, а тело стройное и жилистое. Он одевается в безукоризненные наряды, а за его внешним видом следит целая стая упырей. Что касается его ранений, его правая рука была рассечена поперек ладони настолько глубоко, что сама рука свернулась наподобие клешни, а правая сторона его лица покрыта беспорядочным лабиринтом шрамов. Он с трудом видит правым глазом, что предпочитает не афишировать.

Подсказки для отыгрыша. Этой ночью Лиссабон, следующей – вся Португалия; таков план Виценте, и он не видит ни малейших препятствий его осуществлению. Он убежден, что доверять можно лишь его сиру, и потому отвергает любой внешний контакт как потенциально предательский (особенно если почувствует запашок *Amici Noctis*). Виценте раболепен к тем, кто выше его (если посчитает нужным таковых иметь), и высокомерен к своим подчиненным; у него нет сомнений в том, что именно его стараниями Португалия окажется во власти Ласомбра. Может быть, тогда эти старые дурни, сидящие во мраке, признают его превосходство.

Убежище. Виценте укрывается в роскошно обставленных покоях под складом, когда-то использовавшимся в его торговых операциях. Если потребуется, У него есть и другие убежища по всей Иберии, расположенные аналогичным образом. Он позаботился хотя бы об этом, бросая дело своей жизни.

Тайны. Виценте знает все, что можно о мореплавании, контрабанде и передвижениях по полуострову. Он может переправить кого угодно в любой город Иберии или же наоборот, вывезти кого угодно из любого города Иберии, и имеет деловые связи в дюжине портовых городов вдоль побережья всего Средиземного моря. Большинство Ласомбра в Иберии считают Виценте непроходимым тупицей; те немногие из них, кто жил в Лиссабоне до его прибытия, откровенно ненавидят его за то, как грубо он вломился в их тщательно выстроенные интриги.

Влияние. Влиятельность Виценте происходит в основном от тех, кто должен ему за устроенное путешествие. Среди Ласомбра он не считается влиятельным лицом; наоборот, упомянуть его в числе союзников – все равно что назвать себя доверчивым, слабым или глупым. В последнее время Виценте стал баловаться возможностью подстеречь некоторые из своих грузов с каинитами и либо допрашивать их, илбо пожирать. Его интриги в мусульманских городах к югу от Лиссабона, кажется, стали приносить плоды, особенно в портовом городе Силвеше, где султан – Ласомбра Мухаммад ибн Фарук – похоже, весьма восприимчив к возможности обретения защиты от сородича-христианина.

Судьба. Планы Виценте насчет Силвеша воплотятся без сучка, без задоринки, вознеся этого мене чем искусного манипулятора на позиции властелина всей южной Португалии и претендента на княжеский престол Лиссабона. Мухаммад ибн Фарук станет его доверенным советчиком и вассалом, а Виценте так никогдаи не поймет, что под маской его собрата по клану скрывается Баали. Дитя Виценте Родриго Тока, однако, осознает это и представит *Amici Noctis* доказательства во второй половине XIII столетия. Родриго совершит таинство Амаранта и займет место Виценте в Португалии, но к тому моменту Баали ускользнет во мрак ночи.

Клан: Ласомбра.
Сир: Эктор де Овьедо.
Натура: Проныра.
Маска: Щеголь.
Поколение: 10.
Становление: 1182 год н.э.
Внешний возраст: 35 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 4, Ловкость 3, Выносливость 4.

Социальные: Внешность 1, Манипулирование 4, Обаяние 2.

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 2, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Артистизм 2, Бдительность 4, Рукопашный бой 2, Уворот 2, Запугивание 3, Воровство 2, Лидерство 2, Хитрость 4.

Умения: Этикет 3, Холодное оружие 3, Верховая езда 4, Скрытность 2, Выживание 2.

Знания: Академические знания 2, Разведка 4, Знание закона 3, Лингвистика 3, Медицина 1, Оккультизм 1, Политика 5, Искусство управления 4.

Дисциплины: Доминирование 3, Власть над Тенью 2, Могущество 2.
Окружение: Контакты 5, Стая 3, Ресурсы 4, Сторонники 3.
Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 3, Храбрость 3.
Путь: Человечность 5.
Сила Воли: 6.

Амбросио Луис Монкада, хранитель веры

Поколение: 6.
Сир: Сильвестр де Руис.
Натура: Чудовище.
Маска: Судья.
Становление: 1153 год н.э.
Внешний возраст: около 55 лет.

Монкада – благочестивый христианин, беззаветно верующий в собственное проклятие и все же предлагающий причастие собственной пастве. Он упорный противник Ереси каинитов, непреклонно придерживающийся записанных Заповедей, но в то же время совершающий невообразимые богохульства. Более того, он обладает поразительным влиянием и пользуется огромным уважением для столь молодого вампира, и не все это можно отнести на счет его высокого положения в жизни.

Довольный всем настолько, чтобы никогда не покидать свое убежище в сердце центрального собора Мадрида, Монкада превратил свое жилище в смертельную ловушку храмов святых, цепных стражей и преданных последователей. Он радушно принимает всех, кто ищет его наставлений, но только на своих условиях; получить приглашение причаститься из его рук – действительно большая честь. Любопытно, что Монкада также наладил сообщение со своими коллегами в государствах *таифа*, и некоторые мусульмане-Ласомбра часто посещают Мадрид под защитой архиепископа.

Сир Монкады, Сильвестр де Руис, с гордостью отметил рост положения в обществе своего дитя, и поощряет Монкаду в его усилиях. В настоящее время бывший архиепископ (который все еще носит свои церковные одеяния) довольствуется усилением своей власти и расширением сети своих сторонников. Многие священники города и исповедники правителей Иберии подпали под его наблюдение и все еще в той или иной мере верны ему. С их помощью он имеет уши в кадом дворце, что служит отличным способом влиять на политику во всех концах полуострова. Сам Монкада – практически всеподавляющая личность. Хотя его личина - набожность и смирение, мало кто сомневается в его

безмерной целеустремленности и силе воли. Его гости уходят от него впечатленными, настороженными, или не покидают его убежище вовсе.

Если у Монкады и есть слабое место, это его дитя, Лючита. Многие отмечали, что при упоминании ее имени чудовищная беспристрастность архиепископа дает маленькие трещины, хотя они были достаточно умны, чтобы не акцентировать на этом внимание. Монкада также увлекается игрой в шахматы и дарит знаки своего благоволения тем, кто достойно с ним сыграет. Мало кому удавалось обыграть его – если такое вообще случалось.

Бадр, султан Гранады

Поколение: 8.
Сир: Маркос.
Натура: Фанатик.
Маска: Автократ.
Становление: 809 год н.э.
Внешний возраст: не поддается определению.

О прошлом Бадр известно мало. Отчасти это так благодаря тому, что она систематически уничтожала тех, кто знал ее до ее прихода к власти в Гранаде, из страха обнародования ее ужасной тайны. Ведь пока что Бадр остается наиболее уважаемым и внушающим наибольший страх султаном аль-Андалус, и хотя ее могущество говорит само за себя, она прилагает громадные усилия к сокрытию своей истинной сущности и пола. Ведь Бадр считает себя единственной, кому под силу объединить всех каинитов аль-Андалус, чтобы сопротивляться Реконкисте, но знает, что единственная ее надежда достичь цели – скрывать свое истинное лицо. Она не питает иллюзий насчет того, последуют ли ее сторонники в бой за ней, если узнают о том, что она женщина, и потому маскируется. До сих пор уловка срабатывала, и хотя ползут слухи, что султан – евнух, никто не шепчет о том, что султан – женщина. Итак, под своей маской Бадр терпеливо трудится над подчинением всех *таифа* своему управлению, изловчаясь противиться военным хитростям христианских королей и Сильвестра де Руиса.

После недавней катастрофы при Лас-Навас-де-Толоса Бадр была вынуждена пересмотреть свои планы. Многие из ее союзников принимают условия «договора седобородых» и покидают полуостров, но сама она решила остаться и отвоевать его. Однако перед лицом разгромных побед христиан она действует все более быстро и более открыто, чем хотела бы. Уже не секрет, что Бадр желает править всей Иберией, и она активно ищет расположения мусульман *Amici Noctis*. Она также

взяла за правило отправлять посланников в другие королевства таифа с приказами при необходимости применять силу, чтобы поставить местных султанов в строй. Это обеспечивает ей новых сторонников, но в гораздо большей степени служит дроблению Аширры, чем ее объединению.

В последнее время Бадр начала осознавать, что истинная угроза исходит не от де Руиса, а от его потомка Монкады. Его мирское могущество, сила крови и вера делает архиепископа наиболее значимым противником. Однако уверенность Бадр в том, что Монкада более опасен, чем его сир, разделяют немногие, и потому ее сосредоточенность на священнике заставила многих ее союзников задаваться вопросом, она ли на деле должна возглавлять их.

Элиазар де Поланцо, толедский дворянин

Поколение: 7.
Сир: Эктор Агилера.
Натура: Защитник.
Маска: Судья.
Становление: 1031 год н.э.
Внешний возраст: 38 лет.

Де Поланцо спокоен, утончен и изящен, чего достигает безо всяких усилий. Последний потомок в длинном роду, взращенный, чтобы присоединиться к клану Ласомбра, он провел сотни лет. Работая на благо Теневой Реконкисты, хоть и действовал самостоятельно. Раньше он верил в единую христианскую Иберию, теперь же верит в Иберию каинитов, объединенную под его управлением. За годы Элиазар приобрел вкус к мавританскому искусству, поэзии, науке, и отвращение к всепоглощающему варварству, примером которого служит Терцио Браво. Это не означает уменьшение эффективности его действий, а скорее то, что он уже не так убежден в том, что цель оправдывает средства, особенно если в числе средств – союзничество с Терцио.

Де Поланцо содержит свою постоянную резиденцию в Толедо, хотя часто покидает ее. В последнее время он взял за правило совершать поездки на мавританский юг в одиночку, в попытках сохранить книги или произведения искусства, которые, как ему кажется, не уцелеют в надвигающейся атаке. Втайне он также заключает договоры, обеспечивающие союзничество различных мусульман-Ласомбра, обещая тем взамен защиту и высокое положение в день, когда Иберия полностью станет христианской. Ошеломляющее число вампиров согласились на его предложение.

Другой «крестовый поход» Элиазара направлен против Терцио Браво, и он с безжалостным умением стягивает ловушку

вокруг своего недруга. Везде, где у де Поланцо есть друзья, ходят слухи, порочащие Браво, а каждый город, в котором живут союзники Элиазара, закрыт для Терцио.

Ибрагим, тот, кто помнит

Поколение: 8.
Сир: Карим ибн Зухр.
Натура: Автократ.
Маска: Одиночка.
Становление: 769 год н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.

Ибрагим (он не имеет никакого другого прозвища) значительно более стар, чем большая часть его знакомых мусульман-Ласомбра. В сущности, он блуждал по этой земле дольше, чем существуют многие мусульманские королевства. Живя при дворе Омейядов, он бежал вместе с ’Абд ар-Рахманом Иад-Дахилом из Дамаска и основал первый независимый эмират в аль-Андалус.

Толковый управляющий и довольно известный поэт, Ибрагим был одним из главных архитекторов в эмирате Омейядов, и его усилиями обеспечивалась значительная часть природной крепости государства. Его работа настолько впечатляла (даже если не замечать его стихов), что некий Ласомбра, ошивавшийся при дворе, решил, что именно Ибрагим, а не эмир, будет достоин введения в клан.

Будучи правоверным мусульманином, Ибрагим ценил самые утонченные вещи, и был в легком смятении от сумятицы, привнесенной в культуру Омейядов альморавидами и альмохадцами. Не считая этого, он целеустремленно и искусно сражался против Теневой Реконкисты. Хотя он питает предельное уважение к врагам вроде Элиазара де Поланцо и способен провести вечер за беседой с человеком, на поле битвы Ибрагим уходит в драку с головой.

Ибрагим все еще ощущает некоторую горечь от того, как нашествия берберов обошлись с королевствами *таифа*, и склонен восхищаться уничтоженными красотами. Разносторонне одаренный, он искусен в дипломатии и в сражении, и не считает бесчестьем торговаться или прибегать к оружию ради достижения своей цели. Он также в совершенстве овладел искусством игры, а его соперничество с Монкадой одновременно дружелюбно и смертельно опасно.

Исмаэль, роковая ошибка

Поколение: 7.
Сир: Ибрагим.
Натура: Варвар.

Маска: Автократ.
Становление: 781 год н.э.
Внешний возраст: 10-12 лет.

Среди членов Аширры ходит поговорка: «Твои ошибки не преследуют тебя, они называют тебя сиром». Исмаэль – ошибка Ибрагима, о которой он горько сожалеет, но не в силах ее исправить. Исмаэль был весьма одаренным ребенком прислуги в доме визиря Сеуты и получил Становление едва ли через дюжину лет после обращения самого Ибрагима. В одну из ночей Ибрагим посетил этот дом под личиной скромного путника и предложил развлечь любого в этот вечер игрой в шахматы. Он был настолько уверен в выигрыше, что предложил тому, кто побьет его, все, что было в его владении или власти.

Юный и весьма наблюдательный Исмаэль сделал два очень хитроумных поступка. Первый состоял в том, что он запомнил, как Ибрагим играл против его отца, и использовал это в своей игре против гостя. Во-вторых, он заметил, что за весь вечер путник ни разу не вздохнул и не попросил отдыха. Итак, когда мальчик обыграл Ибрагима, в дар он попросил наделить его тем же проклятием.

Ибрагим был связан собственным словом и выполнил обещание. В ту же ночь он покинул Сеуту, предоставив мальчишку собственной судьбе и молясь, что к утру тот умрет.

Увы, этого не случилось. Дитя выжило и процветало. Он был дик и умен, и прошло не так уж много лет, когда он впервые вкусил плодов Амаранта, и нашел их прекрасными. Используя свою власть над тенью, чтобы скрывать внешность, мальчишка систематично создал себе строй союзников, избавился от врагов и в конце концов возвысился до позиции султана Сьюдад-Реаля[1].

Сейчас же Исмаэль вынашивает планы обретения власти над всеми остатками аль-Андалус, готовясь перейти в контратаку на армии Реконкисты. К сожалению, первый шаг в этом плане предполагает усмирение прочих Ласомбра, живущих в таифа, что позволило бы ему легко захватить власть. Его кампания по обману и устрашению сородичей по клану поразительно эффективна, и о нем уже поговаривают среди Amici Noctis. На Ибрагима также пытались оказать влияние, но он чувствует, что не может поднять руку на собственное дитя. Тем временем Исмаэль собирает всю свою силу и ожидает удобного момента для удара, пребывая в неведении о том, что Бадр вполне может нанести свой удар по нему первым.

---

[1] Город в Кастилии, на полпути между Толедо и Кордобой. Рядом с городом расположен холм Аларкос, где в 1195 году произошло сражение войск кастильцев и альмохадцев, в которой победу одержали мавры.

Лючита Арагонская, блудная дочь

Поколение: 7.
Сир: Амбросио Луис Монкада.
Натура: Бунтарь
Маска: Защитник
Становление: 1190 год н.э.
Внешний возраст: чуть младше 20 лет.

Дочь короля Альфонсо II – и дочь во тьме архиепископа Монкады – Лючита была рождена (и позже возродилась), чтобы властвовать. Она волевая, гордая и опасная, и вдобавок только лишь начинает осознавать собственную силу.

Жизнь Лючиты была подчинена долгу перед отцом и государством, ограничениям, которые она отвергала. Ее интеллект и воля, однако, выражались в актах неповиновения отцу, и весть об этих ее качествах достигла ушей Монкады через ее исповедника. В поисках достойного агента при дворе короля Альфонсо архиепископ нанес ей визит – и чрезвычайно ею заинтересовался. Перед тем, как вернуться к себе в логово, он даровал ей Становление, пообещав ей свободу от отцовских законов и власть выше ее понимания. Исследовать остальные вехи ее нового состояния он предоставил ей самой.

Лючите вампиризм понравился, и она постепенно продвигалась среди Ласомбра. Заботливость Монкады в качестве приемного отца и наставника, разумеется, помогла ей, хотя она начала подозревать, что его мотивы вовсе не так альтруистичны. Поэтому, возвратившись из Венеции, Лючита решила слегка отдалиться от своего Сира. Она поселилась в Арагоне, путешествуя от города к городу в попытке быть хотя бы на шаг впереди информаторов ее родителя. Она также начала искать союзников среди других Ласомбра и сделала несколько предложений Марцеллу. Доброе отношение Монкады – не та вещь, которой можно разбрасываться, но Лючита очень хочет знать ее реальную цену.

Родриго Тока, образцовое дитя

Поколение: 11.
Сир: Виценте де Кардона.
Натура: Тиран.
Маска: Стоик.
Становление: 1184 год н. э.
Внешний возраст: 31 год.

В попытке сгладить прегрешения своего грубияна сира, Родриго прилагает поразительные усилия, чтобы быть истинным Ласомбра. Он блещет манерами, изящен, горд, официален и дьявольски злобен, и никогда не обращался с теми, кто выше

его по положению иначе, чем с предельной вежливостью. В общении он ясно дает понять, что, хотя и относится со всем возможным уважением к связи между сиром и потомком, но считает Виценте полным идиотом. Все это идет ему в зачет внутри *Amici Noctis*, которые между собой называют Тока «розой на навозной куче Лиссабона».

При жизни Тока был ребенком в богатой и привилегированной семье, и его отец торговал с семьей де Кардона. Родриго видел свободу Виценте и завидовал ему, и позаботился о поддержании деловых отношений между его отцом и отцом де Кардоны. Де Кардоны запомнил это и, когда получил Становление, отплатил Тока за оказанную услугу.

Родриго отлично осведомлен об отвращении, питаемом остальными к его сиру, и давно уже перерос свои иллюзии о человеке, которого он считал своим героем. Он быстро отдалился от де Кардоны, как в политическом смысле, так и с точки зрения географии. В настоящее время он живет в Сантареме, и уехал бы еще дальше, если бы осмелился. Тока, однако, весьма обеспокоен нарастающей паранойей де Кардоны, и передвигается очень медленно, чтобы не спровоцировать своего сира на внезапные действия.

Танкред, тень среди Львов

Поколение: 9.
Сир: Ибрагим.
Натура: Защитник.
Маска: Бунтарь.
Становление: 1073 год н. э.
Внешний возраст: 30 с небольшим лет.

Члены Аширры в аль-Андалус веками тайно работали над тем, чтобы подорвать силы христианства. Однако ярость и незапятнанная репутация каинитов-крестоносцев, известных как Львы Родриго, легко делали из них посмешище.

Танкред (или Салех, как назвали его родители в Кордобе), многие десятилетия был телохранителем своего сира, могущественного мусульманина-Ласомбра Ибрагима, но затем ему поручили внедриться в ряды Львов. Тренированный воин, в 1105 году он был направлен в войска князя Барселоны, как наемный каинит, ищущий себе дело. Танкред убедительно играл свою роль, выказывая величайшее рвение и вкус к кровопролитию, как ему и было сказано. Танкред получил шанс присоединиться ко Львам, но на это ушло почти десять лет. С тех самых пор он манипулировал ими, так что их действия оказывались столь же опасными для них самих, как и для аль-Андалус. Именно под влиянием Танкреда предводитель Львов, Фелипе, начал нападать на каинитов-христиан, вера которых,

предположительно, недостаточно сильна. Достигнув этого, Танкред уверился, что Львы уничтожили множество могущественных противников ислама, а также привели к Окончательной Смерти многих врагов его хозяев, не обязательно христиан. Со времен битвы при Лас-Навас-де-Толоса он ожидает встречи с Ибрагимом, и собирает все силы, готовясь сыграть свою роль в решающих сражениях против неверных.

Тарик ибн Зийяд, будущий завоеватель

Поколение: 11.
Сир: Ихуд ибн Нагрелла.
Натура: Фанатик.
Маска: Фанатик.
Становление: 1102 год н. э.
Внешний возраст: около 45 лет.

Вопреки историям, которые сам Тарик рассказывает о себе, он – не тот самый Тарик ибн Зийяд, кто первым стал завоевывать во имя Мусы и ислама. Тем не менее, взяв это имя и размахивая им, как знаменем, Тарик надеется вновь разжечь в своих братьях по клану и вере ярость завоевателей, и вновь пройтись на север и восток.

Обитая пока что в Гранаде, Тарик странствует из одного королевства *таифа* в другое, собирая сторонников и поднимая их на поддержку еще одной войны или завоевательного похода. Старейшины смотрят на него с подозрением, более обеспокоенные удержанием своих шатких позиций у власти, чем возможностью рискнуть всем в новой атаке. Это никак не затмило комплекс мученика, овладевший Тариком. При каждом случае он отправляется на север, чтобы грабить там, где может, и особенную страсть питает к прерыванию дневных бдений христиан-Ласомбра у могилы Эль Сида.

Тарик сколотил команду из семерых других Ласомбра, гораздо более молодых, чем он сам, но со столь же горячими головами. Они становятся на его сторону во всякой драке или споре. Куда бы он ни пошел, они следуют за ним; а в результате обычно льется кровь.

Терцио Браво, последнее напоминание о Сиде

Поколение: 7.
Сир: Оффа.
Натура: Одиночка.
Маска: Пройдоха.
Становление: 1097 год н. э.
Внешний возраст: около 35 лет.

История Терцио покрыта тайной. Известно, что он на протяжении многих лет сражался бок о бок с Эль Сидом и слыл самым кровожадным и искусным бойцом в его отряде. Получив Становление за два года до смерти своего вождя (говорят, что это было одной из попыток заманить самого Эль Сида в клан Теней), Браво провел десятилетия, трудясь во имя так называемой Теневой Реконкисты. Он провел долгое время на полях сражений, стараясь вывести различные *таифа* из равновесия, или раздвинуть границы тех или иных христианских королевств.

Покинув пост князя Толедо с позором, Браво вновь стал свободным воином. За последнее столетие его поведение становится все более хаотичным, поскольку личная ненависть и застарелая вражда с другими каинитами берет верх над его способностью стратегически мыслить. В результате Браво избегают все более и более тщательно, а немногие его друзья отмечают, что он одержим мыслью о заговоре против него. Хотя его уже не так боятся на поле боя, как раньше, Терцио все же каинит, обладающий значительной силой и харизмой. Его враги пока не осмеливаются нанести удар в открытую.

Юсуф ибн Шамсид, странствующий поэт

Поколение: 9.
Сир: Фарук ибн Хаким.
Натура: Щеголь.
Маска: Дитя.
Становление: 974 год н. э.
Внешний возраст: 50 с небольшим лет.

Юсуф пережил свое время и свою полезность, и хорошо осознает это. Он был придворным правителя Севильи и отказался покинуть двор даже после Становления. Вместо этого он на протяжении десятилетий «умирал» и возвращался ко двору в новом обличье, чтобы держать руку на пульсе дворцовой жизни, наслаждаясь при этом поэзией, музыкой и живописью.

Увы, последнее возвращение Юсуфа в Севилью совпало с правлением короля-поэта аль-Му’тамида, который был низложен альморавидами и вынужден зарабатывать на жизнь поденным трудом. Потрясенный и разочарованный, Юсуф бежал и с тех пор шатается по югу Иберии в поисках другого райского местечка, похожего на оставшийся в его памяти золотой век Севильи. Разумеется, ни одно из мест, где он находит приют, не совпадает в реальности с его мечтами, и по прошествии года или десятка лет он вновь в пути.

Заговорщик из Юсуфа неважный, и его Становление, возможно, было ошибкой для Ласомбра, но те, кто с ним знаком, испытывают к нему определенную привязанность. Кроме того,

он талантливый поэт и часто зарабатывает себе укрытие от солнца импровизированной песнью с похвалой своим хозяевам.

Сейчас Юсуф чересчур много болтает о собственном благе, поскольку число мест, где он мог бы жить, быстро уменьшается; он винит лидеров клана в своем бедственном положении. Пока что никто не воспринимает его всерьез, но если он продолжит свою неосторожную болтовню, кто-нибудь может посчитать необходимым преподать ему урок.

Малкавиан

Казим ибн Дабир аль-Хаким

Происхождение. Видения посещали Казима всегда. Еще ребенком, живя в городке рядом с Гранадой, он умел видеть проблески будущего, находить потерявшихся детей или заблудившийся скот. Он также обладал впечатляющим религиозным пониманием для столь юного человека, и учителя видели в этом знак праведности. Однажды его посетило видение о местном имаме, совершающем прелюбодеяние, однако ребенок не понял, что это означало. Не сообразив ничего лучше, он рассказал обо всем учителям, которые не преминули выдвинуть против имама обвинения. Тот, однако, сумел смутить и обхитрить мальчика, и избежать ущерба своему положению (если не своей репутации). Несколько месяцев спустя имам организовал похищение Казима, ведь такой дар требовал особо тщательной заботы.

Несколькими годами ранее город, где жил Казим, посещал Малкавиан по имени Дабир; заметив талант мальчика, он, тем не менее, решил не давать тому Становления – ребенок был достаточно измучен и без дара Марида (арабское имя Малкава). Возвращаясь из своих путешествий, Дабир услышал о судьбе юного Казима. Душа мальчика молила о Становлении, и Дабир откликнулся. Не тратя время на то, чтобы спросить ребенка, он пришел к Казиму и подарил ему существование вдали от его тюремщика, да еще подкрепленное кровью Марида.

Становление не столько свело Казима с ума, сколько зажгло его видения темной силой. Его пророчества, которые когда-то помогали людям, теперь открывали злобные деяния. Дабир был озадачен реакцией его потомка на Становление, и несколько лет путешествовал вместе с ним. Безумие Казима не заставило долго ждать своего проявления: обычно мирным вампиром овладел дух дикого воина, и он, вычислив логово грешников, в ярости рванулся уничтожать нечестивцев.

Казим немногое помнит об этих периодах бешенства, когда он поддается импульсам откуда-то извне. Дабир предположил, что его дитя – воплощение пробуждающегося духа Марида,

другие называли всплески ярости Казима Божьей волей. Сам Казим не задумывается о теологической стороне своих видений и гневных выпадов – просто знает, что они – часть его обязательств перед Богом, и следует им.

Дабир распрощался со своим дитя, как только стал уверен, что тот найдет свою дорогу в этом мире, и мечты Казима все еще заставляют его странствовать. Несколько воинственных членов Аширры использовали его за прошедшие десятилетия. Бадр, султан Гранады, нанял нескольких подставных, чтобы направить ребенка-монстра в земли христиан, где тот искал и уничтожал бы неверных. Казим причинил некоторый ущерб на христианской границе, однако не всегда такой, какого бы желал его патрон. В его глазах бытность христианином или сражения под знаком креста грехом не являются. Гнев Казима вызывают лишь христиане, обижающие детей.

Иногда Казим чувствует, что ему нужно вернуться в Гранаду. Он осведомлен, что предполагаемые его союзники лишь используют его для достижения своих целей; в самые темные моменты Казиму хочется отомстить. Но этот путь не для него. Он отказывается предать свое провидение ради чего-то столь мелкого, как личное удовлетворение. Сильный зов увлекает его все дальше на север, где, может быть, он найдет более глубокое понимание своего дара.

Внешность. Казим получил Становление, будучи где-то на полпути между ребенком и мужчиной, и выглядит худым, слегка истощенным арабским мальчишкой. Он одевается просто, иногда носит лохмотья, чтобы сойти за безобидного попрошайку.

Подсказки для отыгрыша. Казим одновременно благословлен и проклят своей борьбой с нечестивцами и грешниками, следуют ли они за Иисусом, Мухаммедом или Моисеем. У Господа Бога на него определенно есть какие-то планы, и Казим сделает все, чтобы об этих планах узнать. В промежутках между припадками ярости и темными видениями он пытается жить как добрый мусульманин, отрекаясь от собственных грехов. Он страстно желает просветления, которое позволит ему разорвать этот круг охоты и бешенства.

Убежище. Казим живет в *таифа* Силвеш вот уже около десятилетия. Он устроил себе укрытие в подвале заброшенной церкви. Призраки христиан мучают его каждый раз, как он засыпает, но он считает это наказанием за свои темные деяния.

Тайны. Видения Казима открыли ему многое о страданиях детей, особенно бедных детей, в руках монстров – как вампиров, так и смертных.

Влияние. Казим собрал вокруг себя группу последователей, но истинное его влияние исходит от старейшин и тайного круга, которые уделяют ему внимание. Султан Бадр считает его полезным и удерживает подчиненных ему членов Аширры от нападений на Казима, тогда как Роке, князь далекой Памплоны, строит иные планы на своенравного Лунатика.

Судьба. Казиму суждено отправиться на север в Памплону, где Роке готов помочь ему увидеть хоть какой-то смысл в видениях его измученного разум.

Клан: Малкавиан.
Сир: Дабир.
Натура: Кающийся.
Маска: Кающийся.
Поколение: 9.
Становление: 1155 год н.э.
Внешний возраст: 13-15 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 4, Ловкость 2, Выносливость 3.
Социальные: Внешность 4, Манипулирование 2, Обаяние 2.
Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 2, Сообразительность 4.
Способности:
Таланты: Бдительность 2, Атлетика 2, Рукопашный бой 4, Уворот 4, Запугивание 3, Воровство 2, Лидерство 3.
Умения: Холодное оружие 4, Скрытность 3, Выживание 3.
Знания: Академические науки 1, Народная мудрость 3, Лингвистика 2, Оккультизм 1.
Дисциплины: Прорицание 2, Помешательство 4, Стойкость 2, Затемнение 3.
Окружение: Союзники 4, Стая 3.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 2, Храбрость 3.
Путь: Святость 5.
Сила Воли: 6.

Роке Памплонский, князь умалишенных

Поколение: 7.
Сир: Телец.
Натура: Автократ.
Маска: Судья.
Становление: 743 год н.э.
Внешний возраст: около 35 лет.

Возможно, Роке – самый влиятельный вампир в Наварре, однако он как бы изолирован от прочих князей на христианском севере – в силу географии и своей крови. Князь-Малкавиан – это непривычное явление, а на полуострове, контролируемом Ласомбра и являющемся средоточием военных интересов так называемых «высших кланов», оно совсем уж редкое. Но Роке управляет своим доменом с поразительным умением и строгостью. Его двор отнюдь не показушный, а советники – не лизоблюды. Его привычка использовать рыцарей Тореадор в качестве посыльных к другим князьям сыграла важную роль в деле сглаживания отношений с ними. Он также тихо помог подорвать влияние так называемых Апостолов Каина Третьего, беспокойной ветви Ереси каинитов.

Истинное влияние Роке, однако, редко кто осознает. На деле он – могущественный участник тайного культа Малкавиан, известного как *ордо энигматис*[1]. Предназначенный для извращенной формы просвещения с помощью оккультных обрядов, этот орден имеет неуловимое влияние на старейшин потомства Малкава. Роке, чье безумие выражается в изощренном планировании и махинациях, видит в хаосе, охватившем Иберию, дурное предзнаменование для потомков Каина. Он чувствует также, что ключ к выживанию в этом безумии может с успехом заключаться в центре его. Он почувствовал святое сумасшествие пророка-вампира на юге и призвал этого юного мечтателя – Малкавиана по имени Мухаммад. Ответит ли тот – будет видно.

Носферату

Кристина, ученый в холмах

Происхождение. Жизнь Кристины была трудной. Как следствие, ей пришлось стать выносливой. Старшая дочь крестьянина с равнин Тортосы, что на юге Каталонии (в 15 милях к югу начиналась Валенсия), она вместе со своей семьей дрожала от страха, когда нагрянули мусульмане. К их удивлению, новые хозяева земли – несмотря на иную религию и странные обычаи – похоже, были довольны трудолюбием и усердным отношением крестьян к работе. Это не означало, что жизнь простых людей стала легче, поскольку Кристина и ее семья пережили нашествие и продолжили ковыряться в земле. Обыкновенные христиане, они изо всех сил поддерживали свое существование. В свое время она вышла замуж за крепкого работящего мужика, родила столь же крепких и работящих детей, которые, в свою очередь, произвели на свет ее внуков.

[1] Подробнее об *ордо энигматис* можно прочитать в книге "Libellus Sanguinis IV: Thieves In The Night".

Кристина вела свою простую жизнь, не жалуясь ни на что и не тая злобы.

Однако когда ее поразила старческая болезнь, она ощутила некое новое чувство – горечь. Она лежала на своей постели, впервые в жизни не занятая ежедневной борьбой за выживание, и смотрела в свое прошлое. И к своему ужасу, она не обнаружила там ничего ценного, что бы сделало ее беспрестанно прилагаемые усилия значимыми. Она просто существовала, как грязь, из которой вышла, которую всю жизнь возделывала и в которую вскоре должна была вернуться. Этого ей было недостаточно, и Кристина прокляла восхваляемого ею всю жизнь Бога за то, что он обрек ее на столь пустое существование.

Возможно, Господь Бог услышал ее, поскольку, лежа при смерти, Кристина увидела около себя бесформенную фигуру. Существо стремительно приблизилось к ней, упало поверх и осушило ее. Затем оно вытащило ее, едва осознававшую происходящее, на окраину деревни и там дало ей Становление, а затем бросило полубезумную бредящую женщину в остатках римских руин.

Она очнулась в тех же руинах следующей ночью от страшного голода; подле себя она обнаружила испуганную свинью и книгу в замысловатом переплете. К своему ужасу, первое, что она сделала, – разорвала несчастному животному горло и выпила кровь.

В последующие месяцы она постепенно осознала свою новую сущность и ее потребности. Она предпочла бы не кормиться смертными, но, если поднималось желание, была не в силах устоять. Книгу она носила с собой – хотя не могла ее прочитать – и пыталась прояснить ее значение.

Вскоре ей удалось это сделать. Неизвестное существо преследовало ее с тех пор, как атаковало ее ночью, пока Кристина кормилась. Она сражалась с отчаянной силой и стремлением выжить, но в итоге бежала. Тяжело раненный преследователь погнал ее на юг, в Валенсию, где Кристина встретилась с несколькими Носферату, для которых горы стали домом. Ей объяснили, что ее сир был уважаемым членом христианской ветви клана, взявшимся вернуть украденную книгу; скорее всего, ее преследовал агент вора.

Муташаридин (так мавританские Носферату называли себя) приняли Кристину в свое общество. Ей не нужно было учиться выживанию, она освоила эту науку сама. Ее, однако, обучили чтению. Многие месяцы после завороженная Кристина провела, поглощая тексты в библиотеках Носферату. Изучая историю, философию и естественные науки, она впервые начала

видеть смысл существования. Затем Кристина начала поиск редких текстов и древних книг, которые бы пополнили библиотеку клана.

Дальние странствия, в которых она добывала книги или доставляла сообщения по всей Валенсии и Каталонии, обеспечили Кристине известность в своем клане по обе стороны религиозного раскола. В последние десятилетия, когда обстановка в Валенсии начала ухудшаться, она начала искать способы спасти максимальное количество книг. Она связалась с нужными *Муташаридин* в Валенсии, и при поддержке колдуньи Ассамитов Назиры, чье убежище расположено в Гранаде, началась тайная эвакуация.

Внешность. Кристина – согбенная пожилая женщина с грубыми руками и ступнями; лицо ее изрезано глубокими морщинами. Как результат ее непрерывных странствий, большую часть времени она покрыта грязью. Одевается она в простое крестьянское платье.

Подсказки для отыгрыша. Наконец-то жизнь Кристины хоть чего-то стоит. Умение читать стало единственным и величайшим открытием в ее жизни, лучшим, чем даже смерть (которая означала лишь продолжение столь же пустого существования). Она сделает все, чтобы защитить свои сокровища; по сути, она предпочтет книги большинству каинитов и уж точно смертным. У Кристины не возникает угрызений совести насчет кражи книг или убийства того, кто встал на пути к заветному тому. Она наплевательски относится к глупым религиям смертных и считает, что каиниты, ищущие ответ на вопросы своей новой жизни в святых писаниях – болваны. Но как же совершенны тексты этих книг!

Убежище. Кристина укрывается в небольшом помещении в горном валенсийском городке Морелла. Здесь она хранит многочисленные книги, собранные ею для себя, но большинство ее приобретений – для городской библиотеки. Путешествуя, она полагается на гостеприимство местных Носферату или на безопасность и защиту древних римских руин.

Тайны. Кристина знает многое о приобретениях и грешках большинства обитателей Валенсии, лучшее, что способно подцепить их и добраться до их библиотек.

Влияние. В мире смертных влияние Кристины мало. Однако внутри своего сообщества ее статус значителен и обеспечивается проницательностью и бесхитростной мудростью. Ее недавний союз с колдуньей Назирой дает ей также некоторые связи в далекой Гранаде.

Судьба. После падения Валенсии Кристина найдет убежище в Гранаде, где станет в некотором роде помощницей

Назиры в ее изысканиях. Когда захват Гранады унесет жизнь ее союзницы, она направится в Александрию. В период Второй Мировой войны она станет жертвой банды Ассамитов, которые ошибочно посчитали ее виновной в утере оккультных мавританских текстов.

Клан: Носферату.
Сир: Доменек.
Натура: Опекун.
Маска: Стоик.
Поколение: 10.
Становление: 849 год н.э.
Внешний возраст: не поддается определению.
Атрибуты:
Физические: Сила 5, Ловкость 3, Выносливость 5.
Социальные: Внешность 3, Манипулирование 4, Обаяние 0.
Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 3, Сообразительность 4.
Способности:
Таланты: Бдительность 4, Атлетика 2, Рукопашный бой 4, Уворот 4, Воровство 5, Лидерство 3, Обман 4.
Умения: Обращение с животными 5, Ремесло 3, Скрытность 4, Выживание 2.
Знания: Народная мудрость 5, Лингвистика 3, Оккультизм 2.
Дисциплины: Анимализм 5, Прорицание 2, Стойкость 3, Затемнение 5, Могущество 3, Присутствие 1.
Окружение: Союзники 3, Контакты 3, Ресурсы 1, Статус 2.
Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 5, Храбрость 4.
Путь: Человечность 6.
Сила Воли: 9.

Хамад аль-Бадахози, строитель

Происхождение. Родители Хамада были рабами в огромных каменоломнях близ Бадахози; ребенок, родившийся в 890 году, должен был пойти по их стопам. Но мальчик полюбился одному из строителей халифата, пришедшему осматривать камень. В результате он стал учеником (и любовником) старика.

Хамад оказался столь способен к математике и строительству, что освободился, еще не достигнув тридцати годов. К сорока он отвечал за восстановление массивной сети катакомб и канализации Кордобы. Именно в это время Хамад попал в поле зрения Носферату и Каппадокийцев, живущих в городе, многие из которых страдали от потопов и обрушений,

вызванных плохим содержанием подземных строений Кордобы, которые были возведены при римлянах. Увидев, что молодой инженер честен, исполнителен и одарен, что он ведет восстановление на пределе своих способностей, не используя второсортные материалы и прикарманивая разницу, они употребили свое влияние на то, чтобы обеспечить значительный успех карьере Хамада.

Строительство, однако, вовсе не безопасное занятие. Когда Хамаду было 44 года, своды одного из канализационных туннелей в Кордобе обрушились ему на голову. К ночи рабочие сумели откопать его, но травмы Хамада были столь тяжелы, что смерть была лишь вопросом времени. Одна из старейшин Носферату Кордобы, Руфина, решила, что нельзя позволять погибнуть такому таланту, и даровала Хамаду Становление.

Поначалу его новая сущность поразила и смутила его, но, в конце концов, он пришел к согласию с самим собой, чему помогли сведения о строительстве и архитектуре, полученные от других каинитов, а также возможности, доступные ему в подземном мире его нового клана.

Религии и войны смертных мало его интересуют, но Хамад постоянно работает на каинитов по всей Иберии, строя тайные и укрепленные убежища. Доходы он тратит на свою библиотеку справочников и чертежей римской и арабской эпох, а также на то. чтобы обеспечить себе доступ к лучшим материалам для своей работы. Он развивает связи, которые помогли бы ему расширить его коллекцию, и особенно полезным ему в этом деле оказался Последователь Сета Салах ибн Кабуз. Хамад также не до конца покинул мир смертных, принимая небольшое участие в поддержке крупных строительных проектов. Его способности сделали его популярным среди Тореадор. Мане Энрикес, султан-ремесленник Хаэна, недавно переманил его в свой город для осуществления амбициозной задачи: строительства подземной цитадели для сохранения обширной коллекции предметов искусства и книг.

Внешность. Хамад всегда был крепко сложен – напоминание о его детстве в каменоломне и годах работы строителем. После Становления он стал чересчур мускулистым, руки его почти достают до земли, а из-за узловатых плеч он выглядит горбатым. Поэтому, хотя рост Хамада почти метр семьдесят пять, на вид он гораздо ниже. Его серая кожа лишена волос и позволяет ему легко скрываться в туннелях и катакомбах.

Подсказки для отыгрыша. Хамад не может пройти мимо здания, не оценив его конструкции. Любой строительный проект влечет его не хуже, чем муху на мед. В остальном, Хамад не

замечает ничего, что происходит вокруг. Будь то дела смертных или каинитов. Пусть остальные глумятся над тем, что он работает на христиан или Змеев вроде Салаха ибн Кабуза. Хамад не считает интересным обсуждать что-либо не относящееся к его последнему проекту.

Убежище. Хамад имеет постоянное убежище в опорах моста Кордобы, хотя в настоящее время он живет в новой цитадели, которую он возводит в Хаэне. У него также есть и другие укрытия по всей аль-Андалус, каждое хитроумно спрятанное и практически необнаруживаемое.

Тайны. Хамаду известны многие секреты подземных туннелей и катакомб каждого города в Иберии: где похоронены тела и где расположены убежища, какие проходы ведут к каким зданиям. В результате он может прятаться, шпионить и ускользать, если нужно; и ни один каинит не может ему помешать.

Влияние. Хотя Хамад обладает доступом ко множеству секретов, они ему без надобности, а потому его влияние мало, если не считать того, что многие каиниты обязаны ему за строительство убежищ и крепостей.

Судьба. Буря христианства, разразившаяся над аль-Андалус, несильно обеспокоила Хамада, хотя он и заинтересован в том, чтобы убежища некоторых из его клиентов подверглись нападению вампиров-христиан. Лишь это одно вдохновляет его на поиск новых умений, а новые техники и стили строительства, рождающиеся в северной Европе, заинтриговывают его. Он значительное время путешествует, пока не осядет в Париже, где и доживет до Последних Ночей.

Клан: Носферату.
Сир: Салех (Руфина?).
Натура: Одиночка.
Маска: Инноватор.
Поколение: 10.
Становление: 934 год н.э.
Внешний возраст: около 45 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 5, Ловкость 2, Выносливость 3.

Социальные: Внешность 0, Манипулирование 2, Обаяние 1.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 2.

Способности:

Таланты: Бдительность 4, Рукопашный бой 2, Уворот 3, Обман 2.

Умения: Ремесла 5, Скрытность 2, Выживание 3.

Знания: Академические науки 3, Народная мудрость 1, Лингвистика 3, Науки 4, Искусство управления 1.
Дисциплины: Анимализм 1, Прорицание 2, Стойкость 3, Затемнение 4, Могущество 5.
Окружение: Контакты 4, Стая 3, Статус 2.
Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 3, Храбрость 3.
Путь: Человечность 5.
Сила Воли: 6.

Тореадор

Бенедикт Аль Муса

Происхождение. Крещеный ребенок рабов-мусульман, принадлежавших кафедральному собору Леона, Бенедикт ступил на кривую дорожку с раннего детства. Впервые его поймали на краже в 889 году в нежном семилетнем возрасте. Однако суровая трепка и суровое порицание не охладили его пыл. К четырнадцати годам Бенедикт оставил жестокий мир своих родителей ради жизни в бедных кварталах Леона среди воров. Хитрый и сообразительный, Бенедикт скоро переметнулся от обыкновенных уличных грабителей к бандитам, занимавшимся расхищением золота, древних и редких вещиц из могил, руин и церквей. Шли года, и его познания в избранной сфере деятельности росли, особенно его способность вычислять местоположение различных ценных предметов, которые остальные члены банды затем похищали. В тридцать лет Бенедикт смог более не рисковать, участвуя в кражах лично; вместо этого он исполнял роль разведчика и ширмы, известный всей Иберии как уважаемый торговец шерстью.

Клиентами банды Бенедикта многие годы являлись различные члены клана Тореадор; многие из них приметили таланты беглого раба и с тех пор пристально за ним наблюдали. В итоге в 917 году, будучи в Тулузе, Бенедикт соблазнился на предложение стать упырем Порции, знаменитой представительницы клана. Ей требовалось раздобыть некоторые тексты, находившиеся в аль-Андалус, и Бенедикт представлялся ей идеальным инструментом для этого. Он прислуживал Порции около столетия, обретя славу представителя ее интересов в Иберии и снискав своей госпоже славу в расцветавших Дворах Любви. В конце концов, Порция даровала ему Становление.

Будучи упырем, связанным Кровавыми Узами, Бенедикт видел лишь ужасную красоту Тореадоров. Став новообращенным, он рассмотрел их эгоистичную и чудовищную сущность. Мастера Тулузы воспринимали его как поставщика редких сокровищ, но никак не в качестве одного из клана. Он не

обладал способностью наслаждаться красотой и искусством, и был – по их словам – всего лишь расхитителем кладбищ и храмов. Утомленный косыми взглядами своих бывших клиентов, Бенедикт попросил отпустить его в Иберию, где он мог бы обосновать свой домен. Порция согласилась с условием, что он останется ее вассалом и поставщиком.

С этого времени Бенедикт вернулся к тому занятию, которое у него получалось лучше всего; его дело процветало на границе Реконкисты. Бывшие сотоварищи смотрят свысока на его второсортное происхождение, но с радостью приобретают вещи, которые оказываются в его руках. Однако после нескольких опасных ситуаций Бенедикт осознал, что все интересные объекты в Европе прибраны к рукам тем или иным каинитом, и ограничил свои операции территорией аль-Андалус; здесь в работе он мог рассчитывать, по меньшей мере, на негласную поддержку со стороны Теневой Реконкисты. Те члены Аширры, кто заинтересован в сохранении мавританских сокровищ, – его злейшие враги.

Внешность. Высокий, смуглый и долговязый, Бенедикт, тем не менее, худощаво сложен – напоминание о голодном детстве. Рябое лицо делает его даже больше, чем просто изгоем в своем клане. В своей гордыне Бенедикт отказывается прикрывать физические недостатки модной одеждой, как это делают многие не столь симпатичные Тореадор. Противопоставляя себя моде внутри клана, он все еще надевает простые, но качественные вещи, какие носил бы успешный торговец шерстью.

Подсказки для отыгрыша. Бенедикт – вор, и считает притязания благородных каинитов забавными и одновременно достойными порицания. Он любит вкус крови, власть, а еще страх в глазах тех, кто когда-то помыкал им. Бенедикт постарается не потерять то, что добыл, даже если во имя защиты придется принять Окончательную Смерть.

Убежище. Укрытия Бенедикта спрятаны в многочисленных складах, связанных с его торговой системой и расположенных на юге Франции, севере Италии и в Иберии. Основное его убежище расположено под роскошным домом в Леоне, и там он содержит заинтересовавшие его редкостные сокровища.

Тайны. Бенедикт посвящен в немногие интриги. Мало кто из каинитов доверяет ему из-за его прошлой смертной жизни, а еще меньше – из-за разграбления могил, поставленного им на поток. Его знания о богатых домах в аль-Андалус и наиболее безопасных подходах к ним впечатляют, из-за этого он стал весьма популярен среди некоторых сторонников Теневой

Реконкисты. Известно, что Львы Родриго пользуются его услугами в рейдах к югу от фронта.

Влияние. Бенедикт занимает весьма влиятельное положение среди воров и мошенников восточного Средиземноморья. Хотя более благородные каиниты – как и благородные смертные – смотрят на отвергнутых и искалеченных обществом свысока, Бенедикт обнаружил в них мощный и послушный ресурс с размахом действий гораздо большим, чем можно было бы ожидать.

Судьба. Похищение предметов исламского искусства и обучение займут внимание Бенедикта вплоть до конца XIII столетия; к этому времени он будет величайшим Тореадором во вновь образованном королевстве Испания. Когда воровской бизнес станет опасным, Бенедикт вернется к торговле шерстью и выживет в качестве крупного покровителя искусств. С открытием Нового Света перед ним откроются свежие возможности в сфере воровства, но в 1720 году Бенедикт, разыскивая древние захоронения, сгинет в джунглях Перу.

Клан: Тореадор.
Сир: Порция.
Натура: Монстр.
Маска: Проныра.
Поколение: 8.
Становление: 1073 год н.э.
Внешний возраст: около 35 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 2.
Социальные: Внешность 3, Манипулирование 3, Обаяние 2.
Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 3, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Артистизм 3, Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Уворот 3, Воровство 5, Обман 3.
Умения: Холодное оружие 2, Верховая езда 2, Скрытность 4.
Знания: Расследование 4, Знание закона 1, Лингвистика 3.
Дисциплины: Прорицание 3, Стремительность 3, Присутствие 3.
Окружение: Союзники 3, Контакты 5, Стая 4, Ресурсы 4, Сторонники 5, Статус 1.
Добродетели: Убежденность 2, Инстинкты 2, Храбрость 2.
Путь: Дьявол 5.
Сила Воли: 4.

Мане Энрикес, султан Хаэна

Происхождение. Родившийся в семье одного из первых вестготских лордов Валенсии в 580 году н.э., Мане вырос, желая быть рожденным в эпоху расцвета Римской империи. Его отец мог сказать немного хорошего о парне, который больше увлекался письмом и ценностями, чем лошадьми и искусством обращаться с мечом. Единственное, что смог предпринять его отец, – отправить его служить церкви. Хотя Мане питал мало привязанности к Богу (или вообще не питал), искусства и учеба, доступные в монастыре, открыли новое окно в его душе. Мане стал одним из наиболее известных художников и каллиграфов Иберии, украшая книги и церкви от Пиренеев до Геркулесовых Столпов. Несмотря на свою известность, Мане не был счастлив и несколько раз получал взыскания за проявление излишнего интереса к языческому искусству римлян. В конце концов, душевное напряжение сказалось, и он повесился в своей одинокой монашеской келье под главным собором Валенсии. Однако до того как он успел погибнуть, чьи-то сильные руки перерезали веревку. Его охватило удовольствие сверх всего, что он знал ранее, а потом вспышка боли отправила его в забытье.

Когда Мане очнулся, его сир – Тореадор по имени Волагиний Тациан, князь Валенсии и пылкий почитатель его творчества – приветствовал его и предложил показать ему истинные высоты красоты и искусства. Следующее столетие Мане изучал все аспекты искусства, от скульптуры до мозаики, под чутким руководством Волагиния. Незнакомый с событиями окружающего мира, Мане был потрясен атакой берберов. Вместе с остальными потомками Волагиния он отчаянно сражался с варварами, чтобы не позволить им разрушить то. что они оставили от Рима. В какой-то момент в драке с вторгшимися воинами Аширры Мане оказался заперт в горящем здании и наверняка бы погиб, если бы не провалился сквозь пол в старый подвал. Он пролежал в оцепенении до 910 года и, когда проснулся, с удивлением обнаружил столь же богатое искусствами и науками общество, каким был Рим.

Мане влюбился в исламскую культуру. Он добрался до Кордобы и, не колеблясь, принес клятву быть верным султану Гилелю аль-Масаари из клана Ассамитов, пока тот дозволяет ему исследовать чудесные произведения художников, музыкантов, литераторов и архитекторов. Мане так и не перешел в ислам, но тесно переплелся с исламской культурой. На протяжении веков Мане путешествовал между Кордобой, Севильей и Валенсией, посещая различные художественные сообщества так, как гурман пробует блюда на банкете.

Захват Толедо в 1085 году положил конец его беззаботному существованию. Внезапно Мане осознал, что аль-Андалус, как и вестготская Валенсия до нее, обречена, и с ней обречены все ее достижения. Мане верит, что ислам – это новый Рим, оазис культуры посреди завываний христианского варварства. Он считает Теневую Реконкисту началом новых Темных Веков и надеется спасти что-нибудь из созданного; поэтому он объявил своим доменом область вокруг Хаэна. Он планирует построить цитадель, где он защитил бы хоть часть красот, окружающих его. Мане заставил окрестных лордов укрепить город на поверхности земли, а сам создал огромное хранилище произведений искусства внизу с помощью инженера-Носферату Хамада аль-Бадахози.

Внешность. Высокий, плотно сложенный, рыжеватый блондин с голубыми глазами, Мане – оживший портрет вестготского варвара. Однако ближайшее рассмотрение покажет иное, ведь его руки вовсе не принадлежат воину. Он сутулится после многих лет, проведенных за переписыванием книг. Мане одевается просто, в стиле мусульманского ученого, и всегда носит с собой сумку с бумагой и перьями, чтобы успеть запечатлеть момент красоты.

Подсказки для отыгрыша. Мане – мозараб, приверженец арабской культуры, но, предположительно, христианин. Он смотрит на Реконкисту скорее с культурной точки зрения, нежели с религиозной. Лишь произведения искусства могут облегчить его одержимость перед предстоящей битвой, да и то ненадолго. Мане уже решился умереть прежде, чем увидит новый век уродства и варварства, и потому он – злобный, беспощадный и бесстрашный враг христиан, идущих с севера.

Убежище. Мане спит в тайном подземелье, которое по его заказу построил Хамад аль-Бадахози под Хаэном.

Тайны. Мане осведомлен о том, что не он один пытается сохранить что-то из сокровищ аль-Андалус, но он не доверяет суждениям прочих. Он припасает подобные ценности исключительно для себя.

Влияние. Мане имеет мало влияния за пределами Хаэна или вовсе не имеет его.

Судьба. Убежище Мане, предположительно неуязвимое, было разграблено членами Теневой Реконкисты вскоре после захвата Хаэна христианами в 1226 году. Он умер со словами о предательстве на губах. И все же, его коллекция ценностей стала символом признания его заслуг бывшими соклановцами. К XVI веку его любовно поминают как величайшего покровителя искусств среди испанских Тореадор.

Клан: Тореадор.

Сир: Волагиний Тациан
Натура: Поклонник.
Маска: Защитник.
Поколение: 8.
Становление: 615 год н.э.
Внешний возраст: около 35 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 2, Выносливость 2.

Социальные: Внешность 3, Манипулирование 2, Обаяние 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 3, Рукопашный бой 2, Эмпатия 1, Лидерство 2.

Умения: Ремесло 5, Этикет 3, Холодное оружие 2, Музыка 3, Верховая езда 2.

Знания: Академические знания 4, Лингвистика 4, Политика 2.

Дисциплины: Прорицание 5, Стремительность 4, Доминирование 2, Стойкость 4, Могущество 2, Присутствие 5.
Окружение: Союзники 3, Стая 4, Влияние 4, Ресурсы 4, Сторонники 5.
Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 3, Храбрость 4.
Путь: Человечность 6.
Сила Воли: 7.

Тремере

Виктор Наджи, черный маг

Происхождение. Рожденный в Венгрии, в детстве Виктор слыл забиякой. Семья его была достойной, но скромной, и Виктора спровадили в местный монастырь. Скорее его сообразительность и коварство, чем природный гений или интеллект и образование, привели его из монашеского ордена в Дом Тремер. Став магом, Виктор показал себя безрассудным и упорным. Он предпочитал встречать врагов открытой, превосходящей силой, уничтожая их до того, как им представится шанс накопить силу. Проявлял он интерес и к физическим столкновениям и поединкам. Однако его нахальство сделало его крайне непопулярным среди его собратьев-магов, и как только ему представилась возможность изучить мистические искусства в Кордобе, он этого шанса не упустил, решив начать все заново.

Когда Виктор был призван в крепость Сеорис для особого ритуала, он с радостью расстался с жизнью смертного. На деле он уже сталкивался с неживыми существами, рыскавшими в библиотеках Кордобы, и знал, что членам клана Тремер нужны агенты, способные взаимодействовать с этими существами на равных (или почти на равных). Лидеры Тремер рассчитывали, что действия Виктора будут видны и достаточно надежны для того, чтобы другие агенты клана могли проникать на полуостров незамеченными, но Виктора это не волновало ни в малейшей степени.

Виктор вернулся в Кордобу и быстро укрепился в обществе каинитов в качестве наглого искателя мистических знаний, которого терпели лишь из-за неоспоримого могущества, а еще из-за относительной легкости, с которой его можно было подчинить или перехитрить – это впечатление Виктор усердно поддерживал в своих соперниках. Он предпочитает, чтобы его союзники и враги (друзья, считает он, - лишь удобный обман слабого сердца) недооценивали его. Он сделал Каппадокийца Хакима ибн Алия своим инструментом (или, по крайней мере, он так считает), но знает, что другие отнюдь не так просты.

Внешность. Виктор – крепко сложенный уроженец Восточной Европы, говорит с выраженным акцентом, носит длинные черные волосы и вислые усы. Обычно он одевается во все черное и выглядит так, как будто собрался кого-то преследовать или охотиться. На его бедре всегда висит меч; на теле спрятано несколько кинжалов. Он выглядит самодовольно, но осторожничает, чтобы не казаться чересчур осведомленным или главенствующим в чем-либо.

Подсказки для отыгрыша. Виктора, по его мнению, окружают глупцы. Для него ничто не имеет значения, кроме мощи своей и клана – именно в этом порядке. Он наслаждается, позволяя другим недооценивать себя, хотя иногда устает от вечного обмана и развлекается картинами завоеваний и разрушений. Постоянное напряжение и паранойя начинают сказываться, но он никогда в этом не признается.

Убежище. Основное укрытие Виктора расположено на задворках города под небольшим домом христиан, обитатели которого подчинены его воле. У него есть также несколько убежищ «на крайний случай» по всему городу; он считает, что живет на враждебной территории.

Тайны. Виктору хорошо удается выкачивать информацию из других, и многие неосторожные каиниты города проговариваются о своих планах, договорах и укрытиях в его присутствии. Однако ни один из старейшин в городе не был столь беспечен.

Влияние. Виктор обладает меньшим влиянием, чем ему хотелось бы думать. Несколько более опытных новообращенных членов Аширры утомлены присутствием Виктора и удерживают своих союзников подальше от его уловок.

Судьба. Виктор останется в Иберии на протяжении всей Реконкисты, основав свою капеллу. Он станет подозрительным к любой тени, которая может скрывать убийцу из числа Ассамитов или Ласомбра, пришедшего отомстить ему за любое из его множественных преступлений. В конце концов, эти тени настигнут его.

Клан: Тремер.
Сир: Жерве.
Натура: Тиран.
Маска: Инноватор.
Поколение: 8.
Становление: 1194 год н.э.
Внешний возраст: около 35 лет.
Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 3.

Социальные: Внешность 3, Манипулирование 4, Обаяние 3.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 3, Сообразительность 5.

Способности:

Таланты: Артистизм 4, Бдительность 3, Атлетика 2, Рукопашный бой 3, Уворот 4, Запугивание 4, Обман 4.

Умения: Стрельба из лука 3, Этикет 3, Травничество 4, Холодное оружие 4, Верховая езда 3, Скрытность 4, Выживание 2.

Знания: Академические науки 2, Лингвистика 2, Медицина 2, Оккультизм 3, Политика 4, Науки 2, Искусство управления 3.

Дисциплины: Прорицание 2, Тауматургия 4.
Окружение: Контакты 2, Стая 3, Влияние 3, Ресурсы 3, Сторонники 4.
Добродетели: Убежденность 5, Самоконтроль 3, Храбрость 4.
Путь: Дьявол 7.
Сила Воли: 6.

Вентру

Сударь Настасио Галисийский, вольный воин

Происхождение. Рожденный в 970 году в семье мелкого землевладельца под Овьедо в Галиции, Настасио еще с юных лет показал себя весьма искусным в обращении с оружием и был

послан тренироваться в услужение к Санчо Толстому, правителю Леона. В постоянных сражениях с мусульманами Настасио получил широкие возможности для того, чтобы продемонстрировать свои воинские таланты, и был произведен в звание капитана кавалерии уже в 26 лет. Однако служба королю Леона оплачивалась не так уж хорошо, и в результате Настасио отправился на север, во Францию, предлагать свои услуги господам с кошельками потолще. Сражаясь в качестве наемника, он продолжил укреплять свою репутацию воина и, что еще важнее, лидера. Его отряды не покинули бы его в ответственный момент, а сам он не разбрасывался жизнями своих людей попусту.

В 1006 году Настасио принял предложение барона Эйре помочь ему в нападении на епископа Сан-Севера, который имел наглость оспаривать право барона пасти свиней на границе их владений. Для Настасио это была лишь незначительная свара двух мелких феодалов, но на самом деле она скрывала под собой гораздо более тонкую и древнюю вражду.

Епископ подчинялся Клодауйе, княгине Дакса, принадлежавшей к клану Ласомбра, тогда как барон был жертвой нехитрого обмана Генриха Бокэра, Вентру, князя По[1]. Хотя двое каинитов придавали своей борьбе видимость продолжающейся схватки между двумя кланами за власть во Франции, в действительности же оба просто ненавидели друг друга десятилетиями и всего лишь затеяли очередную мелочную драку в их долгой междоусобице.

Генрих послал свое дитя сопровождать набег, но просчитался, и его потомок слишком поздно обнаружил, что Клодауйя именно в это время находилась с визитом в доме своего невольника. В последовавшей битве, когда Ласомбра проснулась, чтобы обнаружить епископа поверженным, произошло немыслимое: Настасио умудрился пронзить копьем каинитку-старейшину, пока та осушала неудачливое дитя Генриха. Боясь дальнейших проблем от той, кого он посчитал демоном, Настасио сжег пронзенную каинитку, как только немногие выжившие его люди развели костер. Генрих был счастлив и позаботился о том, чтобы галисийский наемник отправился в По. Он приложил все усилия, чтобы уговорить Настасио принять Становление, поскольку желал иметь такой незаурядный боевой талант на службе клана Вентру.

Становление изменило мировоззрение Настасио относительно слабо. Во многом, он считал бессмертие всего лишь платой его нового клана за воинскую службу. Он оказал

[1] Оба города расположены на юге Франции, за Пиренеями, в 80 километрах друг от друга.

серьезную поддержку в далеких Англии и Святой Земле, и его повелители ни разу не имели повода сожалеть об его Становлении или сомневаться в его лояльности. Освободившись, он дал обет никогда не сражаться против своего родителя (и служил ему в нескольких сражениях), однако в остальном он дерется за того, кто больше платит. Он никогда не пытался утвердиться в домене, предпочитая подвижный образ жизни наемника.

В 1205 году Монкада, архиепископ Ласомбра, предложил Настасио огромную плату, чтобы тот возглавил борьбу против каинитов-мусульман на стороне Теневой Реконкисты. Помимо несомненной доблести, другим его достоинством в спорах и интригах между *Amici Noctis* стал нейтралитет. В последовавшие годы Настасио провел, завоевывая маврские феоды и смещая султанов Аширры. Архиепископ заявил, что он в награду за услуги поддержал бы Настасио, если бы тот вздумал объявить своим доменом Овьедо. Настасио хорошо осведомлен, что это предложение связано с неприязнью Монкады к Марбуэне, нынешней княгине, которую тот считает слабой. Чтобы порадовать своего патрона, Настасио устроил себе убежище в городе, хотя больше времени он проводит на южной границе.

Внешность. Настасио – сама противоположность классическому образу благородного рыцаря – христианина. Он невысок, смугл и жилист, и больше похож на мавра, так что некоторые сплетники из каинитов разносят мерзкие россказни о добродетели его матери. Все же его телосложение скрывает великую силу и выносливость, и Настасио не раз извлекал пользу из того, что в своих простых брюках и рубахе больше походит на обычного андалусского крестьянина, чем на галисийского воина.

Подсказки для отыгрыша. Настасио – благородный воин и создает для остальных впечатление, что интриги и внутренние разлады Ласомбра недостойны его внимания. Он никогда не сделает ошибки, посчитав мусульманина чем-то большим, чем достойным противником. Он прислушивается лишь к своему совету и доверяет лишь своему мечу; менее всего он доверяет архиепископу Монкаде, хоть и создает для него иллюзию повиновения.

Убежище. Хотя большинство своих ночей он проводит в поле, а спит на стальном сундуке оружейника, охраняемый верными упырями, Натсасио также имеет скромное убежище, спрятанное среди армейских бараков Мадрида. Это убежище – подарок Монкады, и Настасио редко им пользуется. Он лишь регулярно появляется там, усыпляя бдительность своего

работодателя. Он также устроил себе еще одно укрытие в маленькой крепости под Овьедо и дал себе обещание провести там несколько месяцев, как только мавры будут отброшены.

Тайны. Если бы *Amici Noctis* знали, сколько информации Настасио удалось собрать, он не дожил бы до следующей ночи. Аналогично, если бы старейшины Вентру узнали, сколько он от них скрыл, участь его была бы еще печальнее. Храня столь опасные знания, Настасио придерживается лишь своих советов и нанимается сражаться в битвах, ожидая следующего вызова.

Влияние. Роль Настасио, как выдающегося военачальника Теневой Реконкисты, широко известна. В результате немногие каиниты не придали бы значения его словам. Его отвага и предположительно близкие отношения с Монкадой распространяют такое уважение к нему, что Настасио вполне можно считать одним из каинитов на полуострове, в наибольшей степени внушающих страх. Его нежелание использовать такое влияние считается проявлением либо глупости, либо хитрости, в зависимости от индивидуальной точки зрения.

Судьба. Теневая Реконкиста стала большой удачей для Настасио, и его звезда сияет все ярче в пределах его клана. Домен Овьедо – награда, против которой он не может устоять, но все же не столь привлекательная, чтобы сделать его легкой мишенью. Он станет влиятельным игроком во вновь созданных королевствах Испании и Португалии. Он переживет Восстание Анархов, чтобы стать одним из первых юстициаров и служить своему клану, пока в 1930-е годы не будет уничтожен Халан-Ахавом.

Клан: Вентру.
Сир: Генрих.
Натура: Автократ.
Маска: Защитник.
Поколение: 7.
Становление: 1006 год н.э.
Внешний возраст: 36 лет.
Атрибуты:
Физические: Сила 4, Ловкость 3, Выносливость 3.
Социальные: Внешность 2, Манипулирование 3, Обаяние 2.
Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 3, Сообразительность 3.
Способности:
Таланты: Бдительность 3, Атлетика 2, Рукопашный бой 3, Уворот 3, Запугивание 2, Лидерство 4.

Умения: Стрельба из лука 1, Этикет 3, Холодное оружие 4, Музыка 1, Верховая езда 4, Выживание 3.

Знания: Лингвистика 3, Политика 2, Искусство управления 2.

Дисциплины: Анимализм 1, Доминирование 3, Стойкость 4, Могущество 2, Присутствие 1.

Окружение: Союзники 5, Влияние 3, Сторонники 5, Статус 4.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 4, Храбрость 5.

Путь: Благородство 7.

Сила Воли: 9.

Прочие

Родриге Наваррский, Меч святого Иакова

Родриге (или, по-испански, Родриго) был благородным владельцем небольшого земельного надела в Наварре в дни, когда глаза его еще не видели демонов, скрывающихся в тенях. Удачно женившись, он проводил время или в Памплоне, или во владениях своей жены в Тулузе. Все изменилось, когда он почувствовал присутствие зла ровно за пределами его восприятия. Его занимали ереси дуализма, распространявшиеся по землям, но было там и зло гораздо худшее. Часть ответов он получил, обнаружив частичный перевод мерзостного текста под названием «*Книга Сияющей Крови*», основополагающего текста Ереси каинитов. Некоторые вассалы его жены оказались последователями этого проклятого вероучения; в их исповедях Родриге слышал слова о демонах, что были родственнее тьме, чем любые еретики. Догадки и свидетельства привели его в Венецию, где он обнаружил ужасных пьющих кровь созданий среди войск Четвертого Крестового Похода. Возвратившись в Иберию, он основал Орден Меча святого Иакова и с тех пор собирал информацию об этих существах.

Внешность. Облик Родриге лишь начинает подаваться под натиском лет. Он носит дорогую одежду, а его седеющие волосы всегда безукоризненно подстрижены.

Подсказки для отыгрыша. Родриге вот уже более десяти лет лицом к лицу противостоит Тьме и видит ее везде. Он знает, что вскоре должен нанести свой удар, если хочет, чтобы его жизнь не прошла впустую.

Натура: Инноватор.

Маска: Защитник.

Возраст: Слегка за 50.

Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 1.

Социальные: Внешность 4, Манипулирование 4, Обаяние 2.

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 4, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 3, Уворот 1, Эмпатия 3, Лидерство 3.

Умения: Этикет 3, Травничество 1, Холодное оружие 2, Верховая езда 2

Знания: Академические науки 3, Расследование 4, Знание закона 2, Лингвистика 3, Оккультизм 3, Политика 2.

Окружение: Союзники 3, Контакты 3, Влияние 3, Ресурсы 3.

Добродетели: Совесть 3, Самоконтроль 3, Храбрость 5.

Истинная вера: 2.

Сила Воли: 7.

Часть VI: Легенды Реконкисты

Что за прибыль быть знатного рода,
Если ни в слове твоем обаяния нет, ни в совете?
Фокилид из Милета[1]

В Темные Века нет других земель, подобных Иберии. Нигде более волны веры не прокатываются одна за другой, и нигде более поступки и верования смертных не оказываются такое влияние на популяцию каинитов. Опять же, нет более территорий, где бы кланы делились вдоль рубежей, не имеющих ничего общего с линиями крови или тайной политикой Войны Веков. Вместо этого борьба между христианами и мусульманами – со всеми ее сложностями и переплетениями - одинаково влияет на живых и мертвых. Каинит может усвоить, на что опираться в своих делах во Франции, Германии и даже в заморских странах – но ничтожно малую часть этого можно использовать, перебравшись через Пиренеи или Гибралтар. Иберия – место, выходящее из ряда вон для каинитов, и чужакам хорошо бы помнить это, как только они пересекают ее постоянно меняющиеся границы.

Помимо всего этого, Иберия – еще и захватывающее, манящее место действия для любого рассказчика. Здесь присутствует воистину уникальное сочетание интриг, вражды между группировками и политических маневров. В своем сосредоточении религий, королевств и кланов Иберия предоставляет завораживающие возможности для хроник и богатый источник материалов, который может захлестнуть неготового рассказчика. Эта глава предназначена для того, чтобы помочь вам в вашей роли рассказчика.

Основные проблемы

Надеемся, что все ваши вопросы, которые нуждаются в ответе перед тем, как начать хронику по Иберии, разрешатся в этой книге. Это, однако, не означает, что все уже сделано за вас. Перед тем, как начать планировать свою хронику, подумайте над следующими вещами.

Иберия велика. В отличие от хроники, размещенной в городе, игра по Иберии обладает географической широтой. Полуостров предлагает захватывающее дух разнообразие

[1] Греческий поэт VI в. до н.э., автор банальных нравственных предписаний, оформленных в элегические двустишия. Считается первым греческим поэтом, который помечал свои высказывания собственным именем. Здесь использованы "Изречения" (в пер. Г.Церетели).

возможностей для сеттинга, от *таифа* на юге до разрушенных водой руин Лас Медулас на востоке Пиренеев, и это если пройтись только по поверхности. Более того, полуостров пересечен устоявшимися торговыми маршрутами и путями паломников, обеспечивающими персонажам удивительную для того века мобильность.

Все это восходит вот к чему: многие хроники по Темным Векам спотыкались на географии, отчасти потому, что в этот период путешествия для каинитов были весьма трудным делом, и еще оттого, что большая часть доступного материала для сеттинга сфокусирована на отдельных городах. В Иберии этих ограничений не существует, и вы, как Рассказчик, должны по меньшей мере исследовать все возможности перед тем, как сосредоточиться на одной из них для построения хроники.

Кроме этого, следует использовать это географическое разнообразие к своей выгоде. Здесь множество мест для движения персонажей, и огромное количество типов городов, где могут обитать вампиры. Разместить действие в Кадисе (Лиссабоне, Сарагосе или любом другом городе), не изучая все остальные возможности, предоставляемые Иберией, означает ограничить в выборе себя и своих игроков. Если есть земельные владения, почему бы не использовать их?

Неоднородность сеттинга. Для хроники по Иберии не существует единообразного места действия, так же, как и однозначной социальной ситуации. Даже очевидное разделение на христиан и мусульман при пристальном взгляде распадается на еще более мелкие части. Если тема хроники относится к мусульманству, присуствуют ли в ней персонажи – сторонники Омейядов, альмохадцев, альморавидов и даже первой экспедиции Тарика? С какими государствами *таифа* связаны действующие лица – или не связаны с ними вовсе?

Такое же множество вариантов существует и на христианской стороне. Персонажи – местные жители или иностранцы, ищущие удачи в хаосе Реконкисты? Если они родились в Иберии, то подданными какого королевства они являются – Наварры, Кастилии, Арагона? Какой город вы используете, и с какими пропорциями смешения христиан, мусульман, иудеев вы будете играть? Для изучения доступны в буквальном смысле дюжины вариантов.

А как же баски, евреи и тысячи торговцев, толпами прибывающие в Иберию? Все эти группы могут дать отправную точку и стать фоном для хроник. Любая из них способна послужить основой для истории, поэтому не имеет смысла рисовать картину широкими мазками (например, «игра будет проходить по христианской Испании»), не изучая хотя бы самой

возможности использования этих групп. Очертить хронику по Иберии настолько общо означает ограничить выбор игроков и стреножить ваш собственный рассказ, ограничивая количество инструментов, которыми вы можете действовать.

Иберия – это не Испания. Иберия не равнозначна той Испании, с которой, наверное, знакомы современные читатели. Это совокупность слабо объединенных христианских королевств и еще более слабо объединенных мусульманских *таифа*, пиратских анклавов, независимых владений и так далее. Люди не представляют собой единую иберийскую нацию – они арагонцы, кастильцы, португальцы или альморавиды. Иными словами, бесполезно смотреть на старинную Иберию сквозь линзы современного восприятия, ведь нынешние политические веяния – дальние потомки Иберии, описанной в этой книге.

Забудьте сказки. Существует заботливо пестуемое представление о том, что Иберия в правление мусульман была золотым веком мудрости, знаний и терпимости. Реальность вряд ли была столь красива, как показывает пример насильного обращения в ислам и вымогательства в Лусене (см. врезку "Персонажи-иудеи" ниже), но легенда так приятна и потому долговечна. Есть и другие исторические повествования, затрагивающие Иберию и Реконкисту, и многие из них служат лишь сокрытию тех исторических фактов, которые наилучшим образом подходят для хроник. Как всегда, собственные исследования лишь помогут вашей хронике.

Оставьте предрассудки за дверью. Многие из противоречий, которые могут быть использованы в иберийской хронике, коренятся в религии. Надо сказать, что по большей части этот конфликт выражается в политике, но даже при этом религиозное противостояние в Иберии занимает центральное положение почти в каждой рассказанной здесь истории. Кроме того, вопрос религии – весьма тонкое дело для многих людей, в том числе игроков. Поэтому лучше всего убедиться в том, что, если вы используете в своей хронике элементы религии, это делается уважительно, а также обсудить вопрос с любым игроком, кто проявляет заинтересованность.

Далее, **«Вампир: Темные века»** – это игра, а не импровизированная трибуна. Выражение своих взглядов на современный мир с помощью описания политической борьбы в древней Иберии будет нечестным по отношению к вашей хронике и вашим игрокам. Уравнивание альмохадцев или королевской династии Наварры с современными режимами принижает вашу историю до уровня неуклюжей аллегории. Воспринимайте Иберию и ее обитателей такой, какой она была, и создавайте свою хронику соответствующим образом.

Главные вопросы

Учитывая обширное поле для вашей деятельности, жизненно необходимо, чтобы основные параметры игры были установлены с самого начала. Важно изучить все возможности (как было сказано выше), но важно также и сделать выбор. Иберия во многом чересчур велика, чтобы строить общую хронику, поэтому необходимо решить, где и когда будут происходить события – и на чем сосредоточить внимание. Это позволит вам установить отправную точку для ваших

Поверить в обман

Одна из самых стойких проблем, появляющихся в исторических хрониках, – это не Рассказчик, не изучивший вопрос, а, скорее, игроки, которые настолько привязаны к предвзятому видению истории, что бунтуют, столкнувшись с более близким к действительности рассказам. Ни один Рассказчик не хочет услышать слова вроде «вообще-то все было не совсем так», особенно после бесконечных часов, проведенных за старательным исследованием с целью создать исторически точную игру.

Хотя нигде не сказано, что ваша хроника должна быть абсолютно точной исторически – в конце концов, вы добавляете вампиров – нужно заметить, что правда не просто еще более странна, чем выдумка, она дает больше зацепок для сюжета. Более того, исторически точная игра выглядит логичной и естественной, поскольку события в ней имели место в действительности, и вам останется заделать меньшее количество стыков. Чем дальше вы уходите от историчности, особенно в таком сложном месте действия, как Иберия, тем больше событий изменяются по принципу домино.

Наконец, не каждый игрок поверит всей информации, которую вы привнесете в игру, неважно, насколько она точна. Хотя ничего нельзя поделать с игроком, который отказывается впускать хоть какую-нибудь историчность в свою тщательно выстроенную обманчивую мечту об Иберии, есть меры, которые можно предпринять к менее упрямым игрокам. Хорошо будет детализировать ваши данные и показать игрокам ваши источники. Это не только докажет им, что вы не просто берете детали с потолка, но и побуждает их на собственные поиски и, возможно, создать более искусные концепции персонажей. Следование мифам, так что игроки уже не так расстраиваются от их развенчания, тоже помогает, как и честность в том, насколько точно вы собираетесь следовать реальным событиям. Игрок, строящий концепцию своего персонажа целиком на приятном историческом мифе, весьма

исследований и поиска идей в подходящем материале, и дает игрокам основу, на которой можно строить гораздо более замысловатые и подробные концепции персонажей. В конце концов, если вы скажете игрокам, что игра будет происходить «в Иберии», дело может закончиться тем, что один персонаж будет находиться в Кадисе, другой в Мадриде, а еще двое несутся через Гибралтарский пролив, чтобы стянуть силы для поддержки нового вторжения берберов. Хотя такое положение может быть замечательным сценарием для середины хроники, оно оставляет желать лучшего для начальной позиции.

Следовательно, если вы хотите создать хронику по Иберии, хорошей идеей будет найти ответы по крайней мере на главные вопросы, о которых рассказывается дальше, перед тем, как двигаться дальше. Не на всякий вопрос нужно искать исчерпывающий ответ, но с их помощью можно хотя бы набросать эскиз будущей хроники, до того, как прикладывать большие усилия. Ответы на эти вопросы могут послужить скелетом, к которому будет крепиться вся остальная хроника.

Когда? Книга «Ночи Иберии» приблизительно сведена к 1212 году, что обеспечивает внутреннюю содержательность и служит ускоренному развитию сеттинга по Темному Средневековью. Однако нет причин для ограничения вашей хроники этой датой и никакой другой. Взгляните на положение дел в этих землях в 1212 году и решите, подходит ли вашей хронике политическая, культурная и военная обстановка этого времени. Если Реконкиста чересчур сложна для вашего рассказа, сдвиньтесь назад во времени. Если вас больше интересует Иберия на пороге своего объединения, поместите отправную точку хроники ближе к 1492 году. Важно, однако, следить за историческими линиями врмемени реального мира и мира вампиров, чтобы не начать, когда будет происходить что-нибудь интересное.

Где? Как уже упоминалось, Иберия охватывает огромную территорию. Хотя весьма хорошо было бы хотя бы мельком взглянуть на общую карту региона, прежде чем сужать выбор возможных мест действия, рано или поздно должен начаться процесс приукрашивания. Как только вы определились с местом событий хроники, вы сразу устанавливаете множество дополнительных деталей. Решив, что хроника будет иметь место где-нибудь в Таррагоне, вы уже знаете, какие кланы будут здесь преобладать (Ласомбра и Тореадор, а также немного Вентру), а кого на сцене не будет (Бруха и, скорее всего, Ассамитов и Сетитов), и так далее. Вероисповедание, языки, окружющая природа – все это проистекает из начального решения о месте действия хроники.

Выбор конкретного места позволяет также вам, как Рассказчику, подступиться к деталям, которые потребуются для успешного проведения игры. Как только вы определились с локацией, вы можете искать подробности, которые помогут хронике. Окружен ли город стеной (а если да, как попасть за эти стены тайком)? Где расположены церкви или мечети, и освящены ли они настолько, чтобы стать опасными для каинитов? Что можно сказать о предыдущих посетителях города – что осталось после них? Какова структура города, и где персонажи могут обустроить себе убежища? Как много каинитов могут жить в регионе? В каких кварталах города лучше всего искать пищу, и куда бежать, будучи обнаруженным? Куда ведут дороги, и кто, вероятнее всего, по ним придет? Как выглядит карта города?

Найти ответ на все эти вопросы сравнительно легко, как только вы установите место, в отношении которого следует их задавать. После ответов на них скелет вашей хроники удивительно быстро обрастет плотью.

Кто? При построении хроники сочетание ответов на вопросы «когда?» и «где?» зачастую диктует черты действующих лиц. Например, если действие вашей игры происходит в Толедо, вряд ли тематика хроники связана с исламом. Все очень просто. Но это не означает, что выбор делается очень быстро или автоматически. Способы перехода территорий из рук в руки на протяжении веков, волны завоеваний – все это обеспечивает огромное количество материалов для работы над персонажами хроники. Вдобавок к выбору тех, кто населяет места действия в настоящее время (включая как смертных, так и каинитов), вы также сможете позволить себе роскошь выбора тех, кто жил здесь раньше – и живут ли они здесь до сих пор. Римляне, вестготы, гунны, берберы – во всех этих группировках присутствовали каиниты, которые могли остаться в этих землях долгое время после того, как их величественные народы ушли

Ограничение кровожадности

Хотя для многих людей войны – весьма интересный для чтения исторический момент, в качестве места действия ролевых игр они крайне скучны. В конце концов, большая часть средневековых приемов ведения войны – переходы, контрмарши и длительные осады, лишь иногда отмеченные короткими сражениями, которые почти неизбежно происходят под утренним солнцем. Иными словами, хотя все это – увлекательное чтение, каинитам там делать, в общем-то, нечего.

Если вам, при всем этом, хочется сделать вооруженный конфликт ключевым элементом своей хроники, подумайте над возможностью начала игры непосредственно перед или, что еще более смело, сразу после завершения битвы. Вариант «до» позволяет персонажам углубиться в

со сцены. Их отношение к прибытию новых вампиров, разумеется, – важный аспект хроники; еще один момент – оставили ли что-нибудь интересное после себя их исчезнувшие соплеменники.

Основное внимание, конечно, следует уделять тому времени, в котором происходят события вашей хроники. Важно изучить структуру выбранного вами в качестве места действия города. Преобладают здесь христиане или мусульмане? Насколько терпимо жители города относятся к малым группам среди них? Есть ли в городе еврейский квартал, и как горожане относятся к его обитателям? На чем зиждется экономика города, и кто из Каинитов приложил к этому руку? Не на каждый из этих вопросов нужно отвечать (и даже возможно ответить) до начала игры, но важно держать их в уме, чтобы найти ответ на них в подходящий момент.

Примеры хроник

Ниже приведены несколько базовых идей для хроник, которые могут послужить началом для более сложной игры. Нет необходимости упоминать о том, что эта подборка лишь касается поверхности моря доступных вам возможностей.

Паломничество. Некий старший Каинит отправляет персонажей в паломничество по дороге в Сантьяго. По пути их, однако, подстерегают враги, люди и бессмертные, задавшиеся целью закончить паломничество досрочно. Что еще хуже, покровитель котерии – если его так можно назвать – втайне связан с иберийской ветвью Ереси Каинитов (они же Апостолы Каина Третьего), и расставил на пути группы несколько собственных сюрпризов в попытке завлечь их на тропу отступничества.

Пробуждение спящих. Персонажи – старые вампиры, впавшие в оцепенение в период нашествия вестготов. Они пробуждаются, чтобы обнаружить незнакомые королевства, беспрестанные междоусобные войны – но никого, кто говорил бы на их языке. В довершение всего, их домены захвачены другими с благословения кланов, которых здесь не было в помине, когда персонажи погрузились в сон. Что они будут делать? Как им вернуть себе свои владения?

На границе. Котерия – смешанная группа вампиров – мусульман и христиан, пытающихся поддержать чувствительное равновесие сил вдоль границ их собственных доменов. В этой хронике множество интриг, так как каждая сторона щеголяет заговорщиками, нацеленными на разрушение хрупкого мира и извлечение из этого собственной выгоды. Как долго удастся персонажам поддерживать статус кво, и что приобретет каждый, если все пошатнется от его руки?

Против всех вновь пришедших. Город, где живет котерия, вот-вот перейдет из одних смертных рук в другие. С захватчиками приходят новые каиниты, намеревающиеся заново поделить домены между собой и уничтожить всех соперников на своем пути. Смогут ли персонажи выстоять? А если смогут, что произойдет, когда им придется смешаться с завоевателями?

Забытое имущество. Персонажи – каиниты-мусульмане, которые обнаружили свидетельства того, что их сиры оставили исключительно ценные манускрипты на территориях, ныне контролируемых христианами – что еще важнее, христианами-Ласомбра. Персонажам предстоит проникнуть на враждебную территорию, встретиться с новыми ее обитателями и спасти потерянное сокровище. Но есть шанс того, что на доказательства существования манускриптов их натолкнули, и некоторые старейшины в высшей степени заинтересованы в том, что герои принесут с собой.

Посланники. Насколько известно могущественным каинитам – князьям Франции, хаос Реконкисты есть за что хвалить. Среди всего прочего, благодаря ему их иберийским недругам есть чем заняться. Теперь, когда сражения между смертными входят в завершающую стадию, ситуация, скорее всего, усложнится. Персонажи – группа новообращенных, избранных старейшинами в качестве «глаз» и «ушей», которые жили бы некоторое время за горами в варварской Иберии и докладывали о том, что там обнаружат. Разумеется, сказать проще, чем сделать, особенно потому, что каждому из персонажей выдано собственное, тайное задание.

Хроники Реконкисты

История Реконкисты начинается с битвы при Ковадонге в 718 году и продолжается вплоть до окончательного изгнания

Приключения плута

Многие хроники отлично реализуются в одной-единственной локации. Если вы чувствуете необходимость исследовать бóльшую территорию, есть способы достигнуть этого. Тип хроники «приключения плута», где персонажи кочуют из города в город, – один из способов достичь этого. Она позволит вам, как Рассказчику, использовать целый набор постоянных мест действия и показать весь полуостров в выгодном свете. В такой хронике персонажи могут быть посланниками, курьерами, наемниками или даже присоединиться к торговому каравану. Любой из этих вариантов предполагает, что котерия отправится в дорогу, и удержит их в пути, а заодно предложит логичные сюжетные зацепки для того, чтобы остаться в определенной локации, если персонажи устанут от блуждания в различных направлениях.

Другой подход – хроники-паломничества. Дорога на Сантьяго – весьма распространенный маршрут смертных, но нет никаких причин, по

мавров в 1492 году, с боевыми действиями против морисков[1] и их последующим пиратством, которое и стало завершением всего процесса. Теоретически этот термин означает процесс повторного завоевания христианами Иберийского полуострова, но именно это способно ввести вас в заблуждение. В конце концов, Реконкиста не была медленной размеренной волной завоевания, которая прошла от Пиренеев до Гибралтара, продвигаясь на несколько миль вперед каждый год из семи с половиной веков. Наоборот, это была серия войн и перемирий, с постоянно меняющимися альянсами и все повторяющимися вторжениями. Более того, утверждение о том, что имела место титаническая борьба между едиными силами христиан и мусульман, также будет неверным. Мусульманские государства *таифа* и христианские королевства с той же вероятностью пойдут войной друг на друга, с какой ополчатся против кого-то третьего. Своим именем величайший герой Реконкисты, Эль Сид, обязан времени, проведенному на наемной службе у мусульманского правителя; собственно «эль сид» происходит от слова на мавританском арабском *«эль сайид»*, то есть «господин».

С учетом всего этого, Реконкиста может служить превосходным фоном для хроники. Даже если ограничить масштаб действий продвижением христиан по аль-Андалус, семь с половиной столетий военных действий и интриг дают превосходный материал для хроник по Темным Векам. Более того, хроника эпохи Реконкисты не обязательно должна разворачиваться на линии фронта. Весь процесс повторного захвата полуострова предлагает деятельному Рассказчику все варианты выбора, если вы хотите идти именно этим путем. Вся гамма Реконкисты предоставляет вам интересный выбор: будет ли ваша хроника расположена в конкретном времени (например, в начале XIII века), или вы расширите ее, и она охватит всю широту Реконкисты? Оба варианта имеют свои преимущества.

Всего лишь выдумка

Еще один вопрос состоит в том, насколько тщательно вы намереваетесь следовать истории. Хотя основная концепция Темных Веков - придерживаться оригинального хода событий, насколько это возможно (конечно, с некоторыми добавлениями), ничто не говорит о том, что вы не можете в своей игре отклониться от заезженной колеи времени. Если вам угодно, чтобы Реконкиста завершилась неудачей, или чтобы вторжение альмохадцев вообще не состоялось, так тому и быть. Это ваша игра. Но будьте

[1] Мусульмане, официально (как правило, насильно) принявшие христианство; некоторые мориски тайно продолжали исповедовать ислам и вследствие этого являлись объектом преследований испанской инквизиции

Долгая история

Длительная хроника позволяет игрокам развивать своих персонажей от новообращенных до старейшин. Она также дает вам возможность разворачивать долгосрочные сюжетные линии, где персонажи принимают решения, откликающиеся через сотни лет. Есть, однако, меры предосторожности, которые нужно предпринять перед тем, как присоединяться к хронике такого масштаба. В конце концов, это весьма амбициозная задача. Поэтому позаботьтесь о том, чтобы все необходимые компоненты были на своих местах.

Прежде всего, поработайте с игроками над концепциями их персонажей, чтобы убедиться, что последние достаточно жизнеспособны и продержатся всю хронику, и подойдут к основополагающей теме. Хотя выживший каинит вестготской эпохи может быть интересным персонажем, но он способен предложить кампании эпохи Реконкисты гораздо меньше, чем, скажем, французский рыцарь, намеревающийся доказать сиру свои способности.

Также важен процесс выбора подходящих событий самой Реконкисты, которые послужили бы опорными пунктами для игры. Один-единственный вечер не-жизни персонажей может растянуться на несколько сеансов игры, так что линейная последовательность событий никоим образом не может дать что-либо похожее на ход времени сквозь десятилетия. Вместо этого вам необходимо выбрать исторические моменты, которые послужат фоном для нескольких сеансов, разнося их достаточно широко, чтобы персонажи смогли развиться от одного эпизода к следующему, но не настолько, чтобы утратить всякое чувство единого сюжета.

С другой стороны, расстановка элементов игры слишком близко друг к другу сводит на нет сам замысел обширной хроники. В идеале опорные точки должны быть расположены далеко друг от друга и жестко привязаны к важным историческим событиям, касающимся мира вампиров или любым другим. Ведь есть ли радость для каинита проснуться и выйти в мир, идентичный с социальной и политической точки зрения тому, который они оставили десятки лет назад? Убедитесь, что в промежуток между эпизодами произошли достаточные изменения, которые оправдывают происходящие события. Даже если вы не изменяете карту мира смертных, вы все же можете изменить карту мира каинитов. Свободно перерисовывайте границы доменов так, как сочтет нужным. Что, в конце концов, может в большей степени породить панику у персонажей в первый сеанс игры, чем пробуждение и выход из оцепенения посреди совершенно враждебной территории?

Атмосфера. Настроение хроники в эпоху Реконкисты в общих чертах можно описать очень просто: с трудом достигнутый триумф. Волна христиан медленно катится по полуострову, и оставшиеся мусульманские государства приходят в упадок и погрязают в междоусобных сварах. Хотя могут иметь место временные неудачи ("временные", с точки зрения вампиров означает, разумеется, десятки или сотни лет), когда на север из Африки приходят альморавиды и альмохадцы, развязка, так или иначе, неизбежна.

Хроника, развивающаяся параллельно событиям Реконкисты, должна, таким образом, начинаться с самых истоков – например, с только что обращенными персонажами – и достичь войны старейшин, разворачивающейся одновременно с последними сражениями изгнания мусульман. Знайте, однако, что за семь веков происходили не только битвы. Договоры, торговля и интриги являются столь же неотъемлемой частью Реконкисты, как и военные действия.

Помните также, что события Реконкисты, происходящие в мире людей, необязательно отражаются в точности так же на карте мира вампиров. Может быть, именно интриги ваших персонажей обеспечат захват Кордобы или Наварры. Сделки, заключаемые *Amici Noctis*, могут стать основой для альянсов, которые разъединят государства *таифа*. Не думайте, что вас принуждают бросать ваших персонажей в середину самой важной битвы. В конце концов, многие из этих битв прошли при свете дня. Но сосредоточение хроники на рутинных обстоятельствах, приведших к этим конфликтам, а также возможность для персонажей подготовить сцену для своего триумфа или поражения обеспечивает гораздо большее разнообразие действий, и еще более заметное влияние на ход Реконкисты в целом.

Тема. Хроники Реконкисты подходят к достаточно широкому разбросу тем. Завоевание – очевидная тема, но есть и другие возможности. Реконкиста лишила своих мест множество вампиров-мусульман, и открыла домены для каинитов-христиан помоложе - тех, кто был хитрее, удачливее и оказались в нужное время в нужном месте. Таким образом, имеет смысл создать хронику, построенную вокруг котерии молодых каинитов, строящих свою значимость путем поиска, захвата и построения своих новых доменов перед лицом безжалостных и крепких противников.

Третья возможность – использовать тему победы нового над старым, поскольку устоявшаяся мусульманская культура смывается волнами истории. Будут ли персонажи пытаться сохранить то, что они видят? Или же именно они возглавят

разрушение всего, что попадется им на пути? Будут ли персонажи искать тайны, которые, возможно, оставили позади убегающие мусульмане? А может, наоборот, именно они – коренные обитатели полуострова: римляне, кельты или вестготы – смещенные Тариком и Омейядами, в гневе возвращающие себе свои дома?

Выбор стороны. В большинстве случаев хроника Реконкисты разворачивается с позиций христиан. Ведь именно они «завоевывают обратно» территорию. Здесь, однако, есть еще два варианта. Можно вести хронику Реконкисты с точки зрения мусульман. Хотя исход войны предопределен, ничто не говорит о том, что персонажи не могут выиграть свою долю битв по пути. Возможно, они заинтересованы в спасении ценных реликвий и знаний, пока не пришли франкские варвары, или же они закладывают фундамент для планов, которые прнесут плоды столетия спустя. Еще одну возможность заключает в себе хроника, основанная на еврейской тематике. Сообщество иудеев в Иберии зачастую опасно балансирует между сторонами Реконкисты, и здесь вдоволь места для хроники, центром которой является сохранение юдерий, пока линии сражений движутся туда-сюда по территории полуострова.

Короткий рассказ

Хроника, сосредоточенная на конкретном периоде Реконкисты, также имеет свои преимущества. Например, она позволяет продвигаться гораздо более быстрым темпом. События движутся к своему апогею, решающий момент вот-вот настанет, и нет времени для того, чтобы возиться с планами на столетия вперед. Короткая хроника также сберегает усилия Рассказчика, затрачиваемые на соразмерение долгосрочного сюжета и давних противников.

Ключом к созданию узкомоментной хроники в Иберии является выбор нужного момента в истории. Периодов, когда накал страстей был достаточным для размещения великолепной хроники, великое множество. Хотя реальные сражения при свете дня необязательно являются лучшим местом действия для хроники мира вампиров, часто отлично срабатывает выбор определенного противостояния и размещение хроники за год-два до того, как начнется собственно драка. Такой подход дает персонажам время на то, чтобы повлиять на исторические события, но не подпасть под их воздействие.

Выбор сторон. Еще одна выгода четко ограниченной во времени хроники эпохи Реконкисты состоит в том, что повествование меньшей вероятностью будет вынуждено происходить на стороне завоевателей. Победы Реконкисты достаются то христианам, то мусульманам, и абсолютно

логичным будет позволить игрокам встать на любую из двух сторон конфликта. Более того, цели вампиров не всегда совпадают с устремлениями смертных, и у персонажей появляется возможность достичь успеха в выполнении собственных задач, притом что сторона смертных, к которой они «примкнули» наиболее близко, проиграла.

Атмосфера и тема. В краткосрочной хронике атмосфера и тема более непосредственны и не столь размеренны, как в длительной исторической хронике. Важно не упустить момент. Конфликт менее элегантен, более жесток, а персонажи скорее замарают собственные руки, чем положатся на смертных или бессмертных пешек, тщательно размещенных на своих местах сотни лет назад. Поэтому короткие хроники скорее дойдут до финала, тогда как обширные игры иногда истощаются до завершения.

Идеи для историй

Против государств *таифа*. В ближайшем будущем начнется новая кампания против мусульманских государств. Персонажам поручается внедриться в оставшиеся государства и посеять в них раздор. Они могут встретить ожесточенное сопротивление неких каинитов – древних вампиров-мусульман, которые имеют собственное представление о ведении боя. Что, если кто-то из членов котерии решит, что ему больше подходит образ жизни *таифа*, и предаст группу?

Час битвы. Пока разворачивается масштабное противостояние, персонажи решают предпринять вылазку на вражескую территорию, чтобы уничтожить как можно больше поддерживающих другую сторону каинитов. Их, однако, ждет сильный противник, и внезапно то, что начиналось как увеселительный набег, превращается в бегство ради выживания по враждебной территории. Но единственный свободный путь лежит лишь еще глубже в аль-Андалус.

Захват земель. Персонажи – франкские, британские и тевтонские рыцари, пришедшие на запад, чтобы попытать удачи на вновь открытом полуострове. Владыки каинитов-христиан предлагают домены во владение тем, кто примкнет к их знаменам и поддержит их позиции, тогда как прежние хозяева этих земель не собираются отдавать их за просто так. Смогут ли персонажи заключить правильные союзы, выжить на поле боя и проложить верный курс вдоль предательских отмелей на реке власти, и при этом остаться товарищами по оружию?

Исламская хроника

Как нет единой точки времени, которую можно было бы назвать Реконкистой, так нет и короткого, четкого описания аль-Андалус. Слова «мусульманская Испания» могут означать города, недавно завоеванные Тариком, паническое разложение заката власти Омейядов, благочестивое рвение берберских вторжений или мелочные, обмирщенные интриги отдельных *таифа*. Помимо этого, иберийские хроники с исламской тематикой, несомненно, обладают своей изюминкой, независимо от времени и места действия.

В каком-то смысле мусульманская хроника – зеркальное отражение хроники Реконкисты. Она может описывать небольшой период времени или же растянуться на столетия, и нужно принять множество схожих решений. Но определенные элементы игры с участием вампиров Аширры уникальны, и их необходимо учитывать в их конкретном контексте.

Начало. Во-первых, вам нужно выбрать, в какой из множества аль-Андалус вы желаете играть, и это относится в первую очередь ко временному периоду. Отправная точка книги «Ночи Иберии» по умолчанию – 1212 год, время поражения мусульман, когда интриги султанов *таифа* друг против друга цветут пышным цветом. Кто-то пытается выгадать что-либо и на этом несчастье, достигнув соглашения с превосходящими силами христианского севера, тогда как другие посвящают себя продолжению борьбы. Группа амбициозных новообращенных может совершить великие дела в гуще этих перемен. Но, так же как и в христианской хронике, вы легко можете расположить свою историю в любом другом отрезке времени. Помните также, что определение времени событий хроники совсем не то же самое, что и выбор периода, который персонажи помнят как время своей смертной жизни, или задание отправной точки конфликтов в игре. Вы вполне можете разместить игру в последних ночах *таифа* Севильи, где основной конфликт мира вампиров разворачивается между старейшинами, враждававшими еще со времен зависимого эмирата, тогда как члены самой котерии получили Становление при вторжении альморавидов. В этой опьяняющей смеси различного исторического багажа заключена одна из прелестей игры, затрагивающей бессмертных.

Область действий. Как и в хрониках реконкисты, мавританские истории могут сосредотачиваться на одной локации или путешествовать далеко за ее пределами. Из-за сильного берберского начала, присутсвующего во вторжениях в Иберию, существует даже возможность включить в число мест действия игры даже Северную Африку (и не только Сеуту).

Сконцентрироваться на одной местности или выйти за ее границы – будет зависеть только от вас.

Удержание хроники в одной локации дает вам преимущество большей детализации и сосредоточения. Более того, это позволит вам рассмотреть последовательное влияние мусульман, от вторжения Тарика до Насридов, и создать таким образом гораздо более глубокое и тонкое материальное повествование. Распространение места действия, в свою очередь, обеспечивает Рассказчику огромное количество фонов и персонажей. Это особенно верно для столь разнообразной территории, как Иберия, которая по самой своей раздробленной природе и благодаря политике разделена на аккуратные регионы, каждый из которых может стать отличной главой в хронике. Используя такой подход, можно разделить свои усилия, не вырисовывая Гранаду до тех пор, пока не будет завершена Малага, и так далее.

Атмосфера. Хронике Андалусии подходит множество настроений, многие из которых отлично сочетаются друг с другом. Во многом, атмосфера хроники идет рука об руку с ее временны*м* размещением – или, по меньшей мере, со столетием, в котором родились персонажи. Нет никакой необходимости ограничивать вашу игру единым настроением. Вместо этого изучите истоки вашей игры и позвольте атмосфере сформироваться на их основе.

Для хроник в государствах *таифа*, использующих 1212 год в качестве отправной точки, существует несколько вариантов. Печаль и упадок укрепляют друг друга в этой игре. Ведь золотой век городов-государств близится к закату. Но если конец неизбежен, почему бы не насладиться последними часами величия? Эти переплетающиеся настроения послужат отличной базой для хроники, размещенной при дворе султана. Еще один вариант хроники в государствах *таифа* – это атмосфера подозрительности. Когда враг быстро приближается, и различные *таифа* (и дворы вампиров Аширры в них) не стесняются в средствах в борьбе друг против друга, остается слишком мало места для доверия, зато его более чем достаточно для паранойи. Игра, где каждый выступает против всех остальных, будет состоять из множества интриг, ведь каждый султан-вампир пытается обеспечить себе выживание, сознавая ход истории. Наконец, подступающий рок государств *таифа* может служить источником величайшего гнева. Такие хроники ориентированы на действие, поскольку персонажи в них ищут способа окропить кровью занесенную над ними руку судьбы. Набеги, нападения на каинитов-христиан и так далее станут основой для этого типа историй.

Тема. Для хроник Аширры в аль-Андалус доступно множество тем. В уже традиционные для Темных Веков темы рассказов обязательно вплетаются набожность, повиновение воле Аллаха и благочестие, по определению необходимые для хроники, ориентированной на ислам. Если оставить эти особенности и просто запустить стандартную игру по системе **«Вампир: Темные Века»**, разместив ее к югу от реки Тахо, вы упустите уникальный колорит своей истории. Эта тематика должна быть тщательно воткана в полотно хроники. В конце концов, в игре, связанной с мусульманской тематикой, общая вера персонажей – одна из решающих характеристик. При каждой возможности следует заводить об этом единстве разговор и обыгрывать сопредельные темы. Испытывайте благочестие персонажей, предлагая им на выбор союз с корыстным членом Аширры или более благородным каинитом-христианином. Как они примут решение, и что из этого выйдет?

Конфликт. В сердце любой хроники присутствует конфликт, а иберийская хроника, размещенная в аль-Андалус, предлагает больше направления для развития конфликта, чем любая другая. Страна вокруг рассыпается на части, и персонажи могут встретить противника на любом из тысяч путей, а то и на нескольких сразу.

Наиболее очевидный источник конфликта в мавританской хронике - религиозная война Реконкисты. Противостояние христиан и мусульман – отличная основа для начала хроники, хотя, возможно, вам захочется сделать ее более изящной. На самом ли деле этот конфликт имеет религиозную подоплеку? Разворачивается ли он исключительно среди каинитов, или происходит из очередной фазы войн смертных? Кто участвует в

Игра и метаигра

Один из банальных аспектов игры состоит в том, что как бы игрок не старался (а не всякий еще и пытается), он не может окончательно отделить собственное знание от знаний своего персонажа. В долгосрочной хронике это может привести к некой беспечности относительно последствий деятельности персонажа. Ведь если игра охватывает еще 550 лет, вероятнее всего, что персонаж будет активен хотя бы большую часть этого времени. И с осознанием этого недостаточного риска напряжение в игре также спадает.

Есть несколько способов справиться с этим. Во-первых, вы можете убить персонажей, если ситуация располагает. Ведь слова «продолжение следует» вовсе не означают, что история продолжится для всех персонажей. Если персонажу суждено погибнуть, можно позволить игроку включить в следующий тур игры дитя или ученика исходного героя. Если игрок сделал глупую ошибку или стал самонадеян, уместным будет удерживать его по уровню могущества на несколько шагов позади всех остальных участников игры.

Также. использование нескольких

драке с каждой стороны, и есть ли возможность достигнуть соглашения между ними? Можно начать игру, посвященную активному сопротивлению христианам, продвигающимся на юг, но противостояние Реконкисты было столь же ожесточенным во дворцах, кулуарах и посольствах, и все эти элементы могут быть с успехом использованы в хронике.

Религиозный конфликт внутри мусульманских владений также может стать отправной точкой для хроники. И альморавиды, и альмохадцы смотрели свысока на размякших, непочтительных Омейядов, которых они обнаружили в аль-Андалус; была же причина тому, что признанный правитель-поэт аль-Му’тамид был изгнан из своего дворца и стал у своих так называемых союзников погонщиком ослов! И хотя империи берберов уже пали или еще распадаются, вампиры Аширры, пришедшие с ними, все же не исчезли. Борьба персонажей за ужесточение религиозных норм, или наоборот, против фанатизма, перед лицом надвигающейся христианской угрозы может послужить основой для увлекательной истории.

Светский конфликт между государствами-*таифа* может стать отличным источником внутриигровых противоречий. Города-государства едва ли способны выступить единым фронтом против армий христиан. Кто-то заключил союз с христианскими королями против своих соседей, другие платят

Персонажи-иудеи

Игроки, желающие создать каинитов-иудеев, имеют обширный выбор возможностей. Поскольку обе стороны основного конфликта относятся к евреям по меньшей мере терпимо (не считая случаев насильственного обращения в ислам в Лусене в 1100 и 1146 годах), персонаж этого вероисповедания впишется как в мусульманскую, так и в христианскую хронику. Тесно переплетенные сообщества-*юдерии* и обширные торговые связи обеспечивают превосходные зацепки для незаметного перемещения персонажей из города в город; хотя военная хроника с участием иудеев мало правдоподобна, хроники, построенные на интригах и дипломатии, могут иметь в своей основе достаточно реальных исторических прецедентов.

Рассказчикам, однако, нужно помнить, что во многих местностях сохранилось законодательство, направленное против евреев, и если они предпочтут использовать его и в отношении каинитов, некоторые игроки могут быть щепетильными в этом отношении. Игровые документы, относящиеся к такому законодательству (например, диктат Четвертого Латеранского собора, обязавший всех иудеев носить идентифицирующие их повязки на рукаве), должны использоваться с четким осознанием того, что бесчестью подвергается персонаж, но никак не игрок, и что использование исторического прецедента не есть проявления садизма Рассказчика.

Использование Каббалы

Краеугольный камень каббалистической мысли, Книга Зогар (Sefer ha-Zohar), была сочинена в Иберии испанским мистиком Моше де Леоном.

дань, чтобы избежать вторжения, но все столь же сильно заинтересованы в сохранении собственной власти, как и озабочены крутым поворотом истории. Учитывая все сказанное, хроники государств *таифа* располагают массой возможностей для игры. Игроки могут быть агентами некоего города-государства, пытающимися нарушить равновесие в других таифа региона и тем самым достичь первенства для своей родины. Разумеется, в каждом из прочих государств есть султан, с аналогичным мнением. И наоборот, персонажи могут стараться прекратить конфликт между городами в надежде организовать единый фронт сопротивления. Такая сюжетная линия может начинаться с участием персонажей, происходящих из одного государства-*таифа*, или с группой представителей нескольких заинтересованных в объединении султанов (или нескольких заинтересованных представителей тех, кто желал бы занять трон султана).

Конфликт внутри одного государства *таифа* – также замечательный вариант для начала игры. Когда всеобщая политическая ситуация настолько нестабильна, султаны и их советники могут оказаться столь же непостоянными. Возможно, персонажи заключили сделку с христианами, предлагая им сдать город, чтобы обрести в нем власть после завоевания – это открывает путь интригам, предательству и тайным сговорам, которые в любой момент могут обернуться против их инициаторов. Напротив, персонажи могут почувствовать, что нынешний султан не сможет сдержать подкрадывающихся врагов, и сами они справились бы с ролью правителя куда лучше. Третий вариант – вторжение смертных оставило вампира-правителя при своей власти, и персонажи пытаются подобрать крохи, оставшиеся после завоевания.

Приспособление к новым смертным властителям – и заносчивым юным каинитам, пришедшим с ними – может стать достаточным вызовом для проведения нескольких сеансов игры. Наконец, можно организовать хронику, описывающую повторный захват территории, когда город

Кровавое возмездие

Месть всегда была выгодным вариантом сюжета, поскольку герои оказываются в ситуации, когда их лишили всего, что было им дорого. Это могут быть земли в аль-Андалус, безжалостно поглощенные христианами, или комфортное существование бессмертного, отобранное суровым берберским членом Аширры; это в конце концов, может быть просто крушение наивного взгляда на мир, что неизбежно приходит со Становлением. Игра, построенная на тематике мести, хорошо подходит для неопытных игроков. Она дает им возможность легко определить своего врага, четко выстроить ось развития, а также обеспечивает

взят, но персонажи отказываются покидать владения, которые они считают по праву своими. Надеемся, что предыдущие разделы продемонстрировали вам, насколько широки ваши возможности для организации мавританских хроник. Ниже приведены некоторые отправные точки для ваших хроник.

Примеры хроник

Каратель. Персонажи – вампиры Аширры, спокойно обитавшие в государстве-*таифа*, которое, к несчастью, привлекло к себе внимание некоего старого, консервативного в делах религии вампира. В своем стремлении убедиться, что *таифа* последует истинной вере, он сделает своей мишенью все, что сочтет недостойным. Увы, это «все» включает излюбленные персонажами городские кварталы, а может быть, и самих персонажей. Будут ли они сопротивляться, спасаться бегством, или подчинятся воле старейшины? Кроме того, армия христиан подступает; осмелятся ли персонажи заключить союз с карателем – или союз против него?

Битва в ночи. Каиниты-христиане вторглись в государство-*таифа*, которое персонажи называют своим домом, намереваясь уничтожить до начала драки между смертными любого члена Аширры, кто стал бы сопротивляться. Теперь героям предстоит защитить свой дом, сражаясь на улицах в отчаянных битвах. Напряжение возрастает, и персонажам вскоре придется бежать – или искать дипломатического разрешения конфликта. Но есть ли каиниты, которым можно доверять?

Самонадеянные юные каиниты

Многие вампиры-христиане, странствующие с авангардом Реконкисты, молоды, амбициозны и не имеют собственных владений. С их точки зрения, процесс завоевания – способ изгнания погрязших в роскоши вампиров Аширры и возможность ухватить собственный домен для тех, кто достаточно умен для этого. В некотором смысле они правы, но их неприкрытая жадность и чувство

Путешествие через Гибралтар. Медленно, но верно христиане вытесняют жителей Андалусии в море. Персонажи – вампиры Аширры родом из Северной Африки, которые пытаются не допустить такого непотребства. Они отправляются на север, в Иберию, с заданием подтолкнуть альмохадцев или альморавидов и повернуть волну завоевания вспять – и все это без посторонней помощи.

Дела минувших дней. С первым вторжением Тарика в аль-Андалус пришли и первые вампиры Аширры. Их присутствие было зафиксировано, но затем они внезапно исчезли. Героям предстоит напасть на след разгадки этой тайны, следуя по стопам Тарика. Но удастся ли им найти исчезнувших древних – или их ждет столь же печальная участь?

Таящийся змей. Кто-то пытается разрушить двор султана, действуя изнутри. Это христианский лазутчик? Это Сетит? Или, может быть, это кто-то из персонажей? Группе требуется выяснить, в чем дело. В случае неудачи все, что им дорого, обратится в прах. Но наградой за успех может стать смерть.